

К. МОИСЕЕВА

В ДРЕВНЕМ
ЦАРСТВЕ
УРАРТУ

К. МОИСЕЕВА

В ДРЕВНЕМ ЦАРСТВЕ УРАРТУ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Кокорина

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград

Научная редакция
доктора исторических наук
Б. Б. Пиотровского

Гадание Асархаддона

Гадание было назначено на третий день месяца айяра¹ в храме Шамаша, что возвышался над Ниневией², сверкая на солнце своими белыми стенами. В угоду богу Шамашу царь Асархаддон³, великий царь Ассирии, приказал приготовить жертву — белого ягненка с золотыми копытцами. Копытца позолотил царский ювелир в тот день, когда ягненка привели в храм и отдали жрецу. Десять дней провел ягненок в преддверии храма. Каждое утро, на рассвете, приходил жрец в белой одежде и поил ягненка парным молоком. Затем он вынимал из расшитого золотом мешочка большой гре-

¹ Айяра — по-ассирийски — апрель.

² Ниневия — столица Ассирии.

³ Асархаддон — ассирийский царь; правил с 681 по 668 год до нашей эры.

бень из слоновой кости и расчесывал его кудрявую шелковистую шерсть.

Близился день священной жертвы. К нему готовились не только жрецы и служители храма, но и сам Асархаддон.

Уединившись в своей библиотеке, большой мрачной комнате с нишами в стенах, где были сложены глиняные таблички¹ великих предков, царь при колеблющемся пламени светильников диктовал писцу запросы богу Шамашу, на которые он хотел получить ответ во время гадания.

Властитель Ассирии был мрачен и молчалив. Даже верховный жрец храма Шумукин не мог проникнуть в покои царя.

— Его царственность не хочет видеть никого, — говорил телохранитель Шумукину. — Он не допускает к себе послов иноземных, прибывших с поклоном из дальних земель. Давно уже не творит царь справедливого суда, не хочет слушать мудрых сказителей.

— Почему же так мрачен великий Асархаддон? — спросил жрец у телохранителя. — Не потому ли, что лазутчики принесли дурные вести?

— Для тебя нет тайн на земле! — воскликнул телохранитель, кланяясь жрецу.

Дурные вести принесли лазутчики, прибывшие из пределов Урарту. Они сообщили Асархаддону, что царь урартов Руса, сын Аргишти, в добром настроении, что много у него новых дворцов и храмов, каналов и виноградников.

Благодеяние сошло на земли урартов. А что может быть хуже таких вестей? Процветание урартов — это угроза ассирийцам. Как не думать об этом Асархаддону!

— Ты прав, — вздохнул Шумукин. — Поистине велика забота его царственности о землях Ассирии. Напомни царю, что Шумукин близок к богу Шамашу и может узнать у владыки вселенной все, что ждет нас впереди.

Шумукин вошел в библиотеку в тот момент, когда

¹ Таблички — глиняные плитки для клинописного текста.

старый писец Набушумиддин читал Асархаддону таблички царя Саргона, великого предка, прославленного победоносными походами на Урарту. Тридцать лет и три года прошло с тех пор, как царь Саргон разгромил цветущие города Урарту. Казалось, что никогда не оживет покрытая пеплом земля. И все же она ожила. Теперь могущество урартов пугает Асархаддона.

— Чем грозит нам их процветание? — вопрошает он бога Шамаша.

А писец медленно читает:

— «... Прибыл я в пределы Урарту и крепость прекрасную увидел там. Возвышалась она на кипарисовой горе, сверкая белизной своих крепких стен. Люди, живущие в этой области, во всем Урарту не имеют равных в умении обучать лошадей для конницы. Тысячи малых жеребят выращивают они для царского полка и как подать отдают царским чиновникам. Прекрасны их кобылицы, как ветер быстры их крепкие кони. Но мы взяли их и увели. В страхе бежали от моего оружия кони и люди. Смертной пеной покрылись воины. И не осталось в живых ни одного из них».

Асархаддон слушает, поглаживая темную курчавую бороду, умащенную душистыми маслами. Злые черные глаза царя мрачны и сверкают, как агатовые застёжки на его тонкой пурпурной мантии.

— Сотвори истину, великий Шамаш, бог солнца, света и правосудия! — шепчет Асархаддон. — Останови их, не дай им больше сил и могущества!

А писец читает:

— «... как владыка вошел я в Урарту. Победоносно вошел я в царственное жилище царя Урсы. Крепкую стену дворца, сделанную из острых горных камней, я велел разбить железными кирками и мечами. Как глиняный горшок, были разбиты стены. Приказал я сровнять их с землей, чтобы не осталось и следа от жилища царей.

Длинные кипарисовые стволы, кровлю дворца его, я сорвал, заставил воинов обработать их топорами и забрал в Ассирию. Я открыл их полные амбары и обильными запасами без числа накормил мое войско. Я вскрыл их винные подвалы, и многочисленное воин-

ство Ашшура¹ черпало из больших и малых мехов душистое вино, как речную воду.

В прекрасные сады, украшение города, полные плодовых деревьев и лоз, ворвались мои сильные воины, и загремели железные топоры, опустошая цветущую землю.

Мы осушили каналы и превратили в болото быстрые реки.

Имущество дворца и бога Халда и многие богатства, которые похитил я из Мусасира, велел я тащить в Ассирию. Людей области Мусасира я причислил к людям Ассирии, повинность воинскую и строительную я наложил на них, как на ассирийцев.

Услышав это, царь Урса поник на землю, разорвал свои одежды, опустил свои руки, сорвал свою головную повязку, распустил свои власы, прижал обе руки к сердцу, повалился на землю и зарыдал. Его сердце остановилось, его печень горела. Во всем Урарту, до пределов его, я распространил рыдания, плач людей на вечные времена...»

— Довольно! — кричит в гнев Асархаддон. — Все понятно! Они были превращены в пепел, в прах, в тлен. Их не стало, а теперь они есть и снова угрожают нам! Они сговор ведут со скифами. Союзников верных ищут!.. Что делать нам, о великий Шамаш? — вопрошает Асархаддон.

— На рассвете гадание! — шепчет, склоняясь к золоченому креслу царя, жрец Шумукин. — Великий Шамаш даст нам ответ.

С этими словами Шумукин падает ниц перед грозным Асархаддоном и прижимается губами к золоченым сандалиям царя. Его красные, слезящиеся глаза с собачьей преданностью обращаются к царю:

— Будь щедрым, великий повелитель! Вели сделать статую владыке вселенной Шамашу — тогда он будет милостив и даст нам верный ответ.

Асархаддон брезгливо отталкивает Шумукина и, глядя куда-то вдаль, словно пронизывая взором толстые стены дворца, говорит:

¹ А ш ш у р — верховный бог Ассирии.

— После гадания прикажем сделать статую великому Шамашу. А сейчас оставь меня. Пришли ко мне Белушезиба.

Шумукин покорно покидает святилище царя, и вслед за тем, бесшумно шагая по толстому ковру, входит советник Асархаддона, полководец Белушезиб. Он — участник многих сражений. Громадный красный шрам пересек его левую щеку, рот и подбородок и сделал уродливым когда-то красивое лицо.

— Я у ног твоих, великий царь! — кланяется советник, опускаясь на колени перед Асархаддоном.

— Поднимись и скажи, ждет ли нас удача в предстоящем походе на Египет, — говорит Асархаддон, сделав милостивый жест приветствия — знак особого расположения к Белушезибу.

— Могу сказать, мой господин, — отвечает советник. — «Если звезда, подобная головне, загорится на востоке и зайдет на западе — войско врага будет грозить нападением. Если южный ветер восстанет шквалом, а восстав, определится, а определившись, установится, а установившись, станет бурей, а став бурей — погода стихнет, — правитель, отправившийся в поход, захватит всякого рода богатство».

— О, ты хорошо помнишь гадательную книгу жрецов! — воскликнул Асархаддон, довольный добрым предсказанием. — Если верить истине этих слов, то быть великой битве, и к ногам нашим падет Египет.

— Боги слышат, как справедливы твои слова, великий господин мой! — ответил, кланяясь, Белушезиб. — Я верю, что поход наш на Египет принесет нам удачу. Войска наши многочисленны, как саранча; конница — быстрее могучих горных птиц, а лучники и копьеносцы наши не знают соперников.

— Все это верно, — согласился Асархаддон. — А вот не думаешь ли ты, что уарты, восставшие из праха и тлена, вздумают отомстить нам за кровь своих предков? Они снова сильны и злобы полны.

Асархаддон прищуривает правый глаз и вопросительно смотрит на советника. Он верит этому испытанному воину и хочет знать его мнение. Прежде чем начать поход на Египет, Асархаддон должен развеять свои

сомнения, которые появились вместе с дурным донесением лазутчиков.

Ему надо быть уверенным в том, что враги его — урарты, маннеи¹ и киммерийцы² — сейчас не угрожают набегом на земли Ассирии.

— Я знаю донесения лазутчиков, — отвечает советник, смело глядя в гневные глаза Асархаддона: — урарты снова сильны и могущественны. Но войны они не хотят. Посмотри, чем занят Руса, сын Аргишти? Разве он кует оружие, скликает войска? Нет, он не готовится к битве. Он строит города и оросительные каналы, разводит сады и виноградники. Он угоняет рабов в горы, чтобы добывать медную руду и железо. Урарты снова сильны, но им с нами не сравниться. А когда завоюем Египет, то сильнее нас не будет страны на Востоке. Тогда, быть может, и сами повторим поход Саргона.

— Однако могущество урартов не угодно нашим богам, — возразил Асархаддон. — Оно не угодно и мне — твоему господину. Его мы должны разрушить, прежде чем начнем свой великий поход на Египет.

Белушезиб молча слушает царя. Слова Асархаддона звучат для него приказом. Он понимает, что поход на Урарту неизбежен. Белушезиб уверен в том, что такой поход сейчас безрассуден, но он не смеет прекословить царю. И советник не спешит с ответом. Он думает, молча склонившись перед Асархаддоном. И вдруг лицо военачальника расплывается в улыбке. Он выпрямляется и, решительно шагнув вперед, говорит:

— Великий повелитель мой, твоя мысль ясна, как ясно сегодня небо Ассирии. Мы устроим поход против восставших из праха урартов. Это будет небольшой поход, но от него урарты потерпят много невзгод и могущество их будет поколеблено, как угодно твоей царственности. Вели призвать к себе лазутчика Белиддина, который только что вернулся. Ты прикажешь ему узнать все, что надобно нам для похода в Тушпу³. Дашь ему

¹ Маннеи — племена, обитавшие к югу от озера Урмии.

² Киммерийцы — племена, обитавшие в Причерноморье и Приазовье.

³ Тушпа — столица Урарту.

верных людей, лошадей и верблюдов, тюки всякого добра. Наши люди придут в Тушпу как купцы иноземные. Они будут рыскать вокруг царского дворца Русы, как верные псы. За это будет им достойная награда, а нам раскроются все тайны урартов, и мы хорошо подготовим свой поход против царя Русы.

— Веди сюда Белиддина, — согласился Асархаддон, пряча улыбку в черных усах.

Белушезиб видел, как преобразилось лицо Асархаддона. Царь был доволен выдумкой советника, и гнев его словно испарился.

Когда Белиддин вошел в библиотеку царя, Асархаддон уже был весел и шутил.

— Говорят, что ты похож на внука урартского царя Аргишти, словно одна мать вас родила, — сказал он улыбаясь. — Это угодно моей царственности!

— Да будет мир царю, моему господину! — воскликнул Белиддин, падая ниц перед царем. Он не понял шуток царя и со страхом внимал каждому его слову.

— Ты вернешься в Урарту, — говорил царь, не поднимая с колен Белиддина, — и будешь ездить по городам и селениям с раскрытыми глазами. Ты все будешь видеть и все запоминать. У тебя будут верные люди, много лошадей и всякого добра. Пусть урарты думают, что вы купцы из дальних земель, пусть выменивают у вас ткань, вышивки и медные сосуды. А ты будешь слать нам тайные вести. Нам нужно знать, как охраняются ворота в Тушпе, какие где построены крепости, где сколько воинов собрано для похода; узнаешь, чем они вооружены и в чем их хитрость. Будущей весной мы пойдем в поход. За верную службу тебя ждет достойная награда.

— Я служу тебе, как верный пес, — ответил Белиддин, целуя ноги Асархаддона. — Все мои мысли принадлежат тебе. Все сделаю, все узнаю, все тайны сообщу!

— Завтра гадание, а после гадания собирайся в Тушпу и знай, что от усердия твоего зависит моя царская щедрость.

Как только Белушезиб и Белиддин покинули покои царя, Асархаддон громко рассмеялся. Его гортанный

смех эхом гремел в большой, мрачной библиотеке дворца. Писцы, сидящие за дверью в ожидании хлопкá, который призывал их к царю, удивленно переглянулись.

* * *

Первые петухи подняли Шумукина с жесткой цыновки, уложенной в нише храма Шамаша. Он вскочил и, зябко кутаясь в полотняную накидку, быстро поднялся по узкой лестнице наверх, на плоскую крышу храма. Светлеющее небо было чисто и безоблачно.

— Будет ясный день и угодная тебе жертва, владыка вселенной! — обратился он к богу солнца Шамашу, глядя на восходящее солнце, скрытое за дальними горами.

Из глубины храма донеслось блеяние белого ягненка, в последний раз получившего парное молоко. Шумукин спустился вниз и вошел в храм, где все уже было готово для священной жертвы.

В центре длинного, узкого зала стоял белый каменный жертвенник. Рядом сверкали позолотой высокие светильники. В глубине храма возвышалась статуя бога Шамаша, вокруг которой, словно каменные изваяния, стояли коленопреклоненные жрецы. Шумукин осмотрел их одежды, лица и руки. Малейшее пятнышко на одежде, грязь на руках и лице могут испортить все священнодействие. Шамаш суров — он не простит неряшливости и не даст ответа на вопросы царя.

Когда первые лучи восходящего солнца проникли сквозь круглое отверстие в потолке и коснулись головы гигантской статуи Шамаша, открылись тяжелые бронзовые двери и на пороге храма появился Асархаддон во всем своем царском великолепии. На нем — высокая митра из белой шерсти с синими полосами. Широкая лента, усеянная розетками из золотых нитей, придерживает ее на лбу. Одежда темносинего цвета, с короткими рукавами расшита красными розетками. Нижний край ее украшен бахромой с несколькими рядами стеклянных бус. Накидка царя расшита причудливым узором, какой умеют вышивать только ассирийские женщины, прославленные своим искусством во всех странах

Востока. Если всмотреться в сложный узор вышивки, то можно отчетливо увидеть целые сцены религиозных обрядов: вот царь поклоняется священному дереву, вот подносит лук и стрелы божествам, а рядом — сцена борьбы царя с двумя крылатыми сфинксами...

Волосы царя надушены и расчесаны. В ушах — золотые серьги, на руках — браслеты. Золотое ожерелье и меч в красивых ножнах дополняют его наряд. Рядом с ним — его сыновья, в таких же дорогих одеждах, но с менее богатыми украшениями.

Царь жестом дает понять, что пора приступать к священнодействию. Шумукин делает знак. Ему подают большой острый нож и укладывают ягненка на каменный жертвенник. Другой жрец, став на колени перед статуей Шамаша, начинает читать вопросы, продиктованные царем и записанные на глиняной табличке:

«...Шамаш, великий владыка, на то, о чем я тебя вопрошаю, дай мне верный ответ. С этого дня, с третьего дня этого месяца айяра, на сто дней и сто ночей срок совершения гадания. В течение этого срока — будь то Каштарити с его войском, будь то войско киммерийцев, урартов, мидян, будь то какой бы то ни был враг — задумают ли они, замышляют ли они? Будь то осадой, будь то силой, будь то боевым действием, битвой и сражением — возьмут ли они города наши, покорят ли наши владения? Шамаш, великий владыка, на то, о чем я тебя вопрошаю, дай мне верный ответ...»

В это время Шумукин шепчет молитву и заносит над ягненком нож. Дымящаяся печень в его руках. Шумукин долго рассматривает ее. Он должен дать ответ на гадание. Еще не все вопросы заданы богу Шамашу. Жрец торопится. Нужно еще узнать у бога, состоится ли сговор со скифским царем Бартатуа. Он прислал к царю Асархаддону гонцов: просит отдать ему в жены царскую дочь. При этом Бартатуа обещает Ассирии мир и дружбу, помощь против врагов.

— Верно ли это? — вопрошает бога обеспокоенный Асархаддон.

Царевич Ашшурбанипал безмолвно наблюдает за обрядом жертвоприношения. Настанет день, когда он

также обратится к богу Шамашу и спросит совета у владыки вселенной. Будет ли он жрецом, как хочет этого отец, или станет наследником престола, молитвы богу Шамашу всегда будут нужны. Грозный Шамаш требует многих жертв и молитв. Он мстит, когда его забывают.

Закончив чтение табличек с запросами богу Шамашу, жрец бережно складывает их, чтобы потом унести в царскую библиотеку. Там они будут храниться в назидание потомству. Быть может, сыновья и внуки царя пожелают узнать мысли Асархаддона — тогда они прочтут эти таблички. Сотни таких табличек хранят разные распоряжения царя, проклятия врагам, молитвы и заклинания, речи перед иностранными послами, военные приказы, письма.

Шумукин долго шепчет молитвы над дымящейся печью, прежде чем решается дать ответ. Наконец он обращается к царю:

— Я вижу благоприятные начертания, я вижу добрые предсказания. Великий Шамаш предсказывает победу в походах твоих. Владыке вселенной Шамашу угодна твоя достойная жертва. Да будет мир и благополучие над землями Ассирии!

Гадание закончено. Служитель открывает тяжелые бронзовые двери, и ослепительный поток света врывается в полутемный зал, наполненный дымом курений и копотью светильников. Исчезают длинные, мрачные тени, и словно оживают увешанные щитами стены. Золотые щиты, украшенные головами собак, чередуются с серебряными, на которых изображены головы драконов, львов и туров. Это прекрасные изделия урартских мастеров. Когда-то, до похода Саргона, они украшали стены Мусасирского храма. А когда Саргон со своим войском ворвался в священный Мусасир, он увез дорогие урартам реликвии храма. Он приказал разыскать и мастеров, которые сделали эти щиты, и также увез их в Ассирию.

Золотые щиты привлекают внимание Асархаддона. Прежде чем покинуть храм, он останавливается возле них и обращается к Шумукину:

— Вели рабу Аплаю сделать новую статую бога

Шамаша. Торопись, пока он еще жив. Ведь его привез еще мой дед Саргон.

— Статуя будет сделана, — отвечает, низко кланяясь, Шумукин. — Нужно только золота да камней драгоценных побольше.

С высоты храма как на ладони видна прекрасная Ниневия. Удивительно красива столица Ассирии! Как величественны ее дворцы и храмы, как свежи и зелены сады!

— Вот для чего нужны рабы! — говорит Асархаддон сыновьям, протягивая руку к дворцам Ниневии. — Руками рабов создали мы город, красивейший на земле. Руками рабов мы построим еще много городов и оросительных каналов. Новые виноградники дадут нам божественный напиток, что славит радость жизни.

— Для нас готовят вина уарты! — усмехнулся царевич Ашшурбанипал. — Хочется мне повторить поход Саргона, великого предка твоей царственности. Пусть уарты узнают, для кого создаются все их богатства! Великую добычу возьмем мы у них и рабов пригоним.

— Призовем милость богов... — отвечает, хмурясь, Асархаддон. — Сейчас не до того. Мы пошлем к ним Белушезиба — пусть разорит Тушпу и доставит нам сокровища урартов, пусть напомнит о гневе и силе бога Ашшура. А наша забота — покорить Египет, поставить его на колени.

Узы дружбы и цепи рабства

Расставшись с царем, Шумукин поспешил в храм. Ему хотелось сейчас же увидеть Аплая и заставить его немедленно приняться за работу. Он послал за рабом служителя храма. Однако служитель вернулся без мастера и сообщил Шумукину, что старик лежит, как бревно, и не может подняться.

— Кто-то его так избил, что он едва говорит, — пояснил служитель.

— Ты палкой не смог поднять раба? — удивился Шумукин. — Тебя ли учить этому ремеслу!

— Но мне еще ни разу не приходилось поднимать палкой кусок мокрой глины, — ответил служитель. — Я думаю, что его уже ничем не поднимешь.

— Будь проклят этот ничтожный раб! Кто же сможет сделать достойную статую из золота и дорогих украшений?

Шумукин был разъярен. Новая статуя Шамаша была нужна не только для храма. Новые жертвоприношения сулили великую пользу не только божеству, но и самому верховному жрецу Шумукину.

Верховный жрец сделал то, чего не делал ни разу за всю свою долгую жизнь: верховный жрец храма Шамаша, сам Шумукин пошел в хижину раба.

Был час полднейной трапезы, когда рабам разрешалось оставить работу, чтобы поест просяных лепешек и запить их водой.

Шумукин переступил порог убогой хижины Аплая. Тот сидел на корточках и, странно покачиваясь, стонал, прикрыв руками правый глаз. Грязное рубище едва прикрывало худое, немощное тело. Старик не слышал шагов жреца.

— Куда девалась твоя почтительность, старый пес? — гневно воскликнул Шумукин, опуская тяжелую палку на голову старика.

Аплай распростерся ниц перед великим жрецом.

— Мой глаз... — прошептал Аплай едва слышно. — Меня избили... Нет сил... я жду смерти... Будь милостив, великий жрец, пошли мне скорую смерть!

— Куда же девал свой глаз? — спросил Шумукин, рассматривая распухшее, посиневшее лицо старика. — Кто разукрасил тебя, как обезьяну? Тебя не велено бить. Ты — раб самого владыки вселенной.

— Такова воля великого царевича, — ответил Аплай. — Ему все можно.

— В чем же ты провинился, ничтожный раб? — закричал Шумукин. Он видел перед собой развалину и был озабочен этим.

— Горе великое! — ответил старик жрецу. — Боги разгневали царевича. Царевич Ашшурбанипал пришел в литейную посмотреть бронзовые светильники для своих покоев. Он сказал, что львы, изображенные на этих светильниках, плохи, не свирепы. Царевич разъярился...

Старик умолк, не в силах больше говорить.

— И что же сделал царевич с тобой, старой собакой? — спросил в нетерпении Шумукин.

— Он выколол мне глаз моим же кинжалом — я сде-

лал его царевичу. А потом меня били... Помоги мне, великий Шумукин! — взмолился старик. — Помоги мне уйти в царство мертвых. Вспомни, как я лепил для твоих храмов статуи богов. Я раб, ничтожный раб, но я человек... и прошу так мало! Пощади старого раба! Сотвори милость — убей раба!

— Поднимись, Аплай, — сказал жрец. — Я окажу тебе великую милость. Я оставлю тебя в хижине, освобожу от работы и буду кормить со стола моего. Мой раб принесет тебе пищу и вино. Тебя никто больше не ударит. Но ты погоди умирать... Ты должен сделать статую бога Шамаша. Она будет больше той, что стоит в нашем храме и сделана тобою давно. Ты украсишь ее драгоценными камнями и золотом. Эта статуя призовет милость богов, и боги дадут тебе легкую смерть.

Шумукин ушел. А старый Аплай, словно окаменев, сидел в тяжком раздумье. Он мысленно призывал милость богов, чтобы они дали ему силы закончить свой земной путь. Аплай сидел недвижимо на камышовой циновке и думал о своей судьбе.

Впервые за много лет его не гнали на работу, над ним не свистел кнут надсмотрщика. Он мог собраться с мыслями и подумать о том, что было ему дороже всего на свете и о чем он думал каждую ночь, прежде чем забыться тревожным сном. Он думал о своем сыне Аблиукну. Аблиукну, который остался дома, в родном Урарту. Жив ли сын? Продолжил ли дело отца? Сумел ли прославить искусство своих дедов? Аблиукну было всего десять лет, а как отлично лепил он маленькие статуэтки богов! Он знал секреты бронзового литья и ловко расчеканивал бронзовые чаши. На родной земле урартов все было по-иному. Аплай был беден, но свободен. А как уважали его в селении за умение превращать металл в чудесные, удивительные вещи! А теперь он — раб. И жизни конец.

Старый Аплай хотел представить себе сына — взрослого, возмужалого, — но это было очень трудно. В последний раз он видел его шестнадцатилетним юношей. Это было так давно... Аплаю было тогда около сорока лет, а теперь ему уже семьдесят. Сколько побоев и

оскорблений перенес он за эти годы! Сколько голодал и страдал от болезней! Как часто просил он милости у бога Халда, призывал смерть... А смерть не шла. Стояла у изголовья и снова уходила. Бог Халд не слышит Аплая, он лишил его своих милостей.

Мысли Аплая уносят его к дням его молодости, когда он был счастлив. Его молодая жена Абли пела свои нежные песни, работая на винограднике, а он занимался литьем. Их маленький каменный домик стоял на берегу реки. Быстрая, шумная Ильдаруни несла свои воды с высоких гор, что окружали плодородную долину. Много было вокруг садов и виноградников, много было полей пшеницы и проса. В каждом домике жили земледельцы и виноградари. Только он, Аплай, занимался литьем и чеканкой. А красавица Абли трудилась на винограднике.

Как бывало радостно на душе, когда Абли возвращалась домой с корзиной янтарного винограда на плече! Рядом с ней шагал курчавый сероглазый Аблиукну, насвистывая веселую песенку на своей бронзовой дудочке. Аплай сделал сыну дудку, когда тот был еще совсем маленьким... Абли умерла еще до нашествия Саргона. Быть может, это и лучше. Они бы взяли в плен бедную женщину, если бы она оказалась в Мусасире вместе с Аплаем. А может быть, уцелела бы вместе с Аблиукну? Как знать, что задумали боги... Ведь ассирийцам не удалось добраться до Ильдаруни.

Раб, пришедший от Шумукина, напомнил Аплаю о действительности. Старик снова почувствовал боль во всем разбитом теле, снова прижал рукой глаз и вспомнил о том, что произошло.

— Я пришел сообщить тебе о милости великого жреца, — сказал раб. — Мне велено напомнить тебе закон Асархаддона: «Всякий выбивший глаз рабу должен уплатить половину стоимости раба, так же как за повреждение глаза вола». Эту плату прислал тебе милостивый Шумукин. Он дарит тебе то, что, по всем законам, должен был получить сам царь от своего сына Ашшурбанипала, сделавшего тебе такое повреждение.

— Мне не нужно этого, — ответил Аплай, возвра-

щая рабу слиток бронзы. — На что он мне, когда я уйду в другой мир! Верни его Шумукину.

— А вот это? — спросил раб, поставив к ногам Аплая кувшин вина и корзинку с едой.

— Это можешь оставить, — согласился Аплай. — Силы покинули меня, а мне предстоит еще большая работа, прежде чем боги уведут меня в лучший мир.

— Тогда возьми целебного масла для ран, — предложил раб, подавая Аплаю маленький кувшин с душистым маслом. — Смажь раны этим маслом, и все заживет. Шумукин его добыл у царского лекаря.

— Я нужен Шумукину, — вздохнул Аплай. — Я был хуже собаки — и вдруг стал человеком. Надолго ли это?

Трясущимися руками, глотая слезы обиды и горя, Аплай приступил к трапезе. Раб, принесший ему еду, отказался от угощения и тотчас же скрылся. Аплай остался наедине со своими мыслями.

«Как дорога мне память о сыне! — думал Аплай. — Как хотелось бы знать, что он жив... пусть далеко от меня, но с мыслью обо мне, о моем мастерстве. Когда смерть близка, еще дороже воспоминания».

Аплай вспомнил Мусасир, священный храм, где были его щиты. Он долго трудился над ними — много лет. Он начал их тогда, когда Аблиукну был еще беспомощным младенцем. А кончал, когда сын уже помогал ему. Аблиукну стал хорошим помощником и так ловко слепил голову собаки, что Аплай решил использовать его лепку для золотого щита. На этом щите был первый знак Аблиукну, указывающий имя мастера.

Много лет прошло с тех пор. Хотелось бы знать, где теперь прекрасные щиты из золота и серебра? Сохранились ли они в священном Мусасире? Возможно, что их увезли жадные до чужого добра ассирийцы. Для них нет святынь на чужой земле. Как они жгли и грабили дома! Страшно подумать... Прошло так много лет, а все еще не забывается ужасная картина пожара и грабежа. Настанет ли час возмездия? Должен настать! Урарты всегда были храбрыми воинами. Настанет день мщения!

В этот вечер старый Аплай о многом вспомнил, мно-

гое передумал. В памяти оживали незабываемые дни юности, и еще с большей силой загорелась ненависть к ассирийцам, к их царям, поработившим свободных урартов.

В полночь Аплай услышал шорох, и в хижину его вполз Габбу — каменотес. Аплай узнал его в полутьме по лохматой, всклокоченной голове. Габбу старался разглядеть старика при слабом свете лунного луча, проникавшего сквозь дырявую крышу хижины.

— Жив ли ты? — спросил каменотес, нащупывая руку Аплая.

— Жив, жив, — ответил слабым голосом Аплай. — Садись, будь гостем дорогим. Бедный Габбу! — вздохнул старик, зажигая светильник. — Ты пришел отдать мне последний долг... Возможно, даже принес мешочек со священной землей урартов. А я еще жив, смерть не идет ко мне...

— Когда я узнал о злодействе царевича, сердце мое переполнилось гневом. Хотелось поджечь их дворцы и уничтожить всех этих извергов! Как я ненавижу их!

— Судьба рабов — жить с ненавистью в душе, — ответил Аплай. — Я устал от этой ненависти. Хочу умереть... Нет сил жить...

— Боги мудры, — сказал Габбу задумчиво. — Они даруют тебе жизнь. Не отказывайся от нее! Как ни тяжело нам, а жить хочется. Даже в цепях мы любим жизнь. Как это понять?

— Жизнь — это большое благо, — согласился Аплай. — Ее надо любить и ценить. Но мне она стала в тягость. Я стремлюсь в царство мертвых. Там ждет меня покой. Беда лишь в том, что Шумукин не хочет этого. Ему нужна новая статуя бога Шамаша. Для этого он готов вымолить у богов еще одну долгую жизнь для меня. Вот и еду прислал со своего стола и целебного масла для ран прислал. Страх перед богами заставил злобного жреца стать похожим на человека. Он стал жалостлив, этот злодей с сердцем шакала.

— Такова воля богов, — ответил Габбу. — Богу Халду угодно даровать тебе жизнь. А знаешь ли ты, для чего он это сделал? — спросил Габбу как-то торжественно.

— Нам не дано знать волю богов, — ответил Аплай. — Мы слепы, как новорожденные щенки.

— Но мы можем догадаться, предположить, — возразил каменотес. — Я уверен, что великий Халд даровал тебе жизнь для того, чтобы ты оставил потомкам еще одно прекрасное творение. Я кое-что узнал о твоих работах. Хорошее узнал, а печаль вошла в мое сердце и жжет его огнем — печаль о твоей старости, о тяжелой и голодной жизни, о рабстве.

— Что же ты узнал, мой Габбу? Что мог ты узнать под хлыстом злобного надсмотрщика? Ты такой же бедный и бесправный раб, как и я, хоть руки у тебя золотые и мысли светлые, как струи горного ключа.

— Случилось так, что я попал во дворец Асархаддона, — ответил Габбу. — Меня повели туда строить библиотеку царя. По воле Асархаддона, стены библиотеки будут сделаны из резного камня. Много пригнали туда искусных мастеров! Нам велено было высечь на камне царскую охоту на львов. Трудная эта резьба, тонкая. Большое нужно уменье, чтобы угодить царю. А самое страшное и трудное — изобразить Ашшурбанипала. Ведь ты знаешь: если что не так, то не снести нам головы. Забыют плетью до смерти, и умрешь в мучениях тяжких...

— Опять львы! — застонал Аплай.

— Опять львы! — ответил Габбу. — На стремительно мчащейся колеснице несется Ашшурбанипал. Он поражает могучих зверей громадной пикой. Позади колесницы корчатся в предсмертных судорогах умирающая львица и громадный лев. Все это я должен повторить на камне.

— Трудное это дело! — согласился Аплай.

— Но не о том я хотел тебе сказать, друг Аплай, — продолжал Габбу. — Когда я шел во дворец, мне пришлось пройти мимо храма Шамаша, что высится на холме. Мне показали там многое, что привезено было из священного храма в Мусасире. И вот я увидел золотые и серебряные щиты. Я спросил человека, который вел меня во дворец: «Кто сделал эти чудесные щиты?» И он ответил мне: «Это сделал знаменитый мастер Аплай. Та-

кого мастера, говорит, нет на всем белом свете. А привез их отважный Саргон, когда победил урартов и похитил сокровища Мусасирского храма».

— Отважный грабитель, — вздохнул Аплай и совсем тихо спросил: — А еще что ты узнал, Габбу?

— Я спросил человека, не знает ли он, какова судьба того мастера: жив ли он. Тот ответил, что мастер живет при дворце Асархаддона и сам царь следит за его работой. А еще сказал, что послы из других стран восхищаются работой этого мастера. Был здесь посланец от царя скифского. Он предложил взамен Аплая белых лошадей, но Асархаддон отказался. Он ответил, что белых лошадей велит вырастить в пределах Ассирии, а если лишится искусного мастера, то некому будет делать статуи богов, и тогда радость покинет царский дворец и мрак сойдет на землю ассирийцев... Вот как ценят твои труды, Аплай! — закончил Габбу и пожал худые, корявые руки старика.

— Так вот где мои щиты! Как жаль, что они достались врагам! Не для них я трудился... Добрый Габбу, ты рад тому, что жестокий ассирийский царь оценил мое мастерство. Мне это безразлично. Не для него я стараюсь, хоть и работаю по его воле и под его плетью. Я стараюсь для бедного люда. Как живет здесь бедный люд? Да и на родине нашей, на святой земле урартов, также тяжка его доля. Посмотри на мои руки: кожа на них — как панцырь черепахи. Мои глаза слезятся от пламени костра. В моих ушах звон, подобный звону наковальни. Я достиг совершенства в своем мастерстве, а вот злобный шакал, сын царя ассирийского, лишил меня глаза, и все потому, что я раб, раб!.. Ты каменотес, Габбу. Ты хороший резчик по камню. Под твоим ловким резцом камень оживает и дышит. Он становится подобным творению богов. Велико твое мастерство, а тебе нет пользы от него. Когда ты кончаешь работу, твои руки падают от усталости. Ноги твои подкашиваются, и ты не можешь разогнуть спину... А строитель стен... — продолжал Аплай. — Что за жизнь у него! Он в постоянном страхе за жизнь, потому что привязан к столбам. Вся одежда его — лохмотья, как и у нас с тобой. Дети его без хлеба, и ждет их такое же буду-

шее... Сандальщику совсем плохо: он всегда нищенствует. Ему так же спокойно, как спокойно кому-либо среди волков. Жует он кожу, когда хочет есть, а хлеб видит лишь во сне... Не лучше и ткачу. Плохо ему, как рыбе без воды: не дышит он воздухом. Если за день не выработает он достаточно тканья, то будет наказан. Дает он хлеб привратнику, чтобы мог увидеть свет, выйти на мгновение из своей темницы... Плач и стон трудового люда уходят в самое небо, и нет нам утешения. Одна утеха: помолиться богу, принести жертву и ждать милости богов. Когда я делаю статуи богов, я надеюсь, что бедный люд принесет жертву боже-ству и в ту святую минуту сойдет на него мир и спокой-ствие.

— Ты прав, — согласился Габбу. — Это хорошо — служить бедному люду. Такой радости нет у меня. Нет ее и у строителя стен. Дворцы, что создали мы своими руками, — все для царей и жрецов. Нет радости в труде моем... А руки мои — как плети. И спина болит, не разгибается...

— Выпей доброго вина, — предложил старик. — Такого вина мы не пили с тех пор, как проклятье пало на наши головы и мы стали рабами. Это вино напомнило мне мой маленький домик на берегу Ильдаруни и виноградник, где так ловко управлялась моя Абли. Как давно это было! — вздохнул Аплай.

Габбу глотнул вина из кувшина, съел предложенный стариком кусок баранины и, оживившись, снова заговорил о том, что волновало его, что тревожило душу славного каменотеса.

— Знаешь, Аплай, человек, который показал мне щиты в храме Шамаша, никогда не видел тебя. А ведь хорошее слово сказал о тебе! Мне это было удивительно, я долго думал об этом. Ведь он ассириец, наш враг, а уважает тебя за твое мастерство. Так прекрасны твои творения, что и враг их может оценить. А я подумал: если сохранятся для потомков твои статуи, то люди будущего поймут душу твою.

Аплай усмехнулся. Ему понравилась мысль Габбу.

— Если уцелеют для потомства ворота дворца, — сказал он, — где показано, как грабили урартов злей-

шие наши враги, то увидит человек будущего и наше мастерство и богатство нашего народа, что похитили лютые враги наши. И подумает человек, как опасен враг для его земли. Будет он ее беречь, и польза великая будет ему от наших трудов. С этими мыслями я трудился над воротами царского дворца. Трудная была та работа! Я сделал бронзовые барельефы, на которых изображены целые картины. Там отлично видны алчные лица ассирийских воинов и бедные пленники, закованные в колодки. Я показал, как враги взвешивают награбленные драгоценности, как разоряют священный храм урартов и вывозят наших богов... Я много потрудился, — продолжал Аплай, — не знаю только, сохранятся ли для потомков мои труды и поймут ли они мои мысли.

— Всё поймут! — отвечал уверенно Габбу. — Ведь мы понимаем своих предков. Сколько раз мы с удивлением останавливались перед древними статуями богов и думали о том мастере, который создал их! Мы видим, что сделаны они не так искусно, как мы умеем теперь их делать, но что-то есть в них такое, что трогает наши сердца и заставляет их сильнее биться.

— Слова твои справедливы, — согласился Аплай. — Вознесем благодарность великому Халду за то, что ночь спускается на землю и приносит отдых и утешение рабу! Тысячи рабов трудятся для блага царей. Для царей мы создаем великие богатства, а для нас приготовлены только горести, побои и мучения. Ночь дает нам отдых, дает волю мыслям... Вот мы и утешили друг друга! И, кажется, легче стали цепи рабства.

Луна спряталась за тучей, погас светильник, и в полной темноте друзья молча думали о том, что так взволновало обоих и согрело дружеской лаской истомленные в рабстве сердца. Габбу вдруг вспомнилось детство, счастливая пора, когда он, сын каменотеса Нарагу, бегал по горам, купался в быстрой реке и ловил птиц. Почудилось, что пахнуло дымком домашнего очага и ласковая мать погладила его курчавую, лохматую голову. Как давно это было, будто во сне... Никогда уж не вернется эта счастливая пора...

— Расскажи об отце моем, Нарагу, — попросил Габбу Аплая. — Дорога мне память о нем, а был я мал, когда нас разлучили, и вспомнить нечего.

— Хороший был мастер, — ответил задумчиво Аплай. — Любил он камень, как живое существо. Под его искусным резцом камень превращался и в птиц, и в зверей, и в цветы. Пришлось мне как-то зайти к нему среди дня, когда он работал — для царского дворца вырезал украшения. Его небольшой дворик весь был завален кусками камня. Вижу, сидит Нарагу и трудится над большой серой глыбой. Быстро работает резцом и молоточком. Рядом никого нет, а он как бы разговаривает с кем-то. Слышу, о чем-то спрашивает. Я подумал, не с духом ли каким Нарагу говорит. Прислушался я и понял, что не сам с собой мастер разговаривает, не с духом, а с камнем, как с живым существом, своими мыслями делится. Поговорил, погладил его шершавую поверхность, а потом отошел посмотреть, как выглядит резьба. Тут он меня и увидел. «Как тебе понравились мои орлы?» — спросил меня Нарагу, радуясь моему приходу. Я посмотрел и вижу, что орлы как живые. Казалось, вот сорвутся и улетят высоко в небо на своих могучих крыльях. «Орлы у тебя настоящие, — ответил я Нарагу. — Понравятся во дворце — хороша работа!» Поговорили мы о деле. А когда собрался я уходить, вижу — прибежал шустрый черноглазый мальчуган. Ему было семь лет, а выглядел он старше...

— А я вот не помню этой встречи, — улыбнулся Габбу, — а орлов помню. Их несколько сделал отец. Он долго работал, прежде чем признал, что они хороши. Я сказал тогда отцу: «Смотри, отец, как бы не улетели твои орлы. Ишь, как крыльями взмахнули!» — «Пусть летят, — ответил, смеясь, отец, — мне их не жаль. Мне этого орленка жаль!» И он хлопнул меня по плечу — хорошо хлопнул, даже сейчас помню его ласку. Отец любил меня. Он был бедным человеком и за свою работу никогда не смог получить достойную плату. Он имел только резцы, молоток и куски камня. «Мое богатство — это Габбу», — говорил он подмастерьям. Не случайно он назвал меня таким странным именем. Ведь

«габбу» означает «всё». Этим он хотел сказать, что сын его — все, чем он владеет.

Аплай тронул дрожащей рукой плечо Габбу и ласково сказал:

— Ему ты обязан своим мастерством. Хоть и мал ты был, когда тебя увезли ассирийцы, а многое уже знал.

— Многое знал, — согласился Габбу. — Мне было десять лет, когда отца взяли в Тушпу строить храм великому Халду. Немного было в Урарту таких каменотесов и резчиков, как Нарагу. За ним прислали царских гонцов. Отец взял меня с собой, и мы четыре дня мчались на лошадях через горы. Когда прибыли мы в Тушпу, нас повели на холм, где строили храм. Много там трудилось рабов иноплеменных, да и свободного люда было немало. Их привезли из разных мест Урарту. Высокие возвели стены! А внутри храма — круглые колонны из базальта. Отцу приказали сделать украшения для стен и вокруг жертвенника. А еще велено было высечь из розового камня высокие светильники. Я помню, как трудился над ними отец. Они были подобны волшебным цветам, когда их зажгли и камень засветился розовыми лучами.

— В горах наших много хорошего камня, Габбу. Благородный то камень для резчика. Чудесный камень! А здесь все известняк — грубый, некрасивый камень.

— Зато нам легче с ним работать, — возразил Габбу. — Не хочется здесь такие труды тратить на резьбу, как на своей земле. Там для своих царей храмы строили и своих ягнят в жертву приносили. А здесь все для других. Не получает от нас великий Халд жертвы и не делает нам добра. Так и живем, забытые богами, и жизнь наша тяжка.

— Ты прав, Габбу, — согласился Аплай. — Грозный Халд не слышит нас. Да и как услышать, когда мы с тобой уже столько лет ни одной жертвы ему не принесли! Столько лет мы трудились на злых и жадных царей Ассирии и не заработали даже маленького ягненка для священной жертвы богам. Как не быть беде?

— Частенько я думаю об этом, — кивнул Габбу. — Боги требуют жертв и молитв, а что можем мы сделать для них, бедные рабы? И все же я думаю о лучшем, — вздохнул Габбу. — Я хотел бы многое узнать, что мне неведомо. Хотел бы знать, куда девался мой отец. Остался ли он в Мусасире или был убит. В рабство он не попал, иначе мы бы встретились с ним. Такого искусного мастера взяли бы в Ниневию, не правда ли?

— Пожалуй, и так, — кивнул Аплай. — Все лучшие мастера Урарту, прибывшие в тот год строить храмы в Мусасире, — все попали в рабство к ассирийцам. Он был горяч — Нарагу. Если он отбивался, то могли его и убить.

— Многое я готов отдать за то, чтобы узнать обо всем, что дорого моему сердцу, — вздохнул Габбу.

— А почему бы тебе не попробовать бежать? — спросил Аплай. — Я уже столько лет говорю тебе об этом.

— Это можно, — согласился Габбу. — Но я не следаю этого. Я не оставляю тебя, мой добрый Аплай. Ты один у меня на всей земле. Ты заменил мне всех, кто мог бы любить меня и жалеть. Ты один утешал меня в минуты горя и несчастий. Как могу я покинуть тебя на чужой земле! Я был ребенком, когда встретил тебя здесь. С тех пор прошло столько лет. Мы связаны узами дружбы и целями рабства, как можно их разорвать!

— Но ты молод, — возразил Аплай. — Ты можешь еще пожить на родной земле. Я хочу для тебя немного счастья... Послушай старого друга: беги при первом же случае. Ты еще крепок, и руки у тебя золотые.

Друзья еще долго не расставались. Лишь пение петуха напомнило им о том, что пора разлучаться. Сעתало. Габбу нужно было незаметно уползти в свою хижину. При первом же крике глашатая он должен был войти в большой, огороженный стеной двор, где собирались рабы-строители.

Нередко темной ночью молодой Габбу приползал к старику, чтобы перевязать его раны, накормить сухой лепешкой, положить ему свежую цыновку. Сколько долгих ночей проводили они за беседой! Но ни разу им еще

не приходилось так хорошо поделиться своими мыслями и переживаниями.

Габбу ушел. У Аплая были впереди еще целый день и целая ночь. Шумукин позволил ему отдохнуть, прежде чем начать лепить статую бога Шамаша. Когда Габбу ушел, Аплай достал немного глины и слепил себе для молитвы маленькую фигурку бога Тейшебы с булавой и топором в руках.

— Бог ветра, бури и войны, — призывал он Тейшебу, — помоги урартам отомстить за позор и несчастье, постигшее нас! Пошли проклятье потомству Саргона!

В городе Тейшебаини

А в это время далеко от Ниневии, в столице Урарту — Тушпе, царь Руса, сын Аргишти, стоя перед статуей бога Халда, просил его милости и покровительства.

— Милостью твоей, о великий Халд, мы снова обрели силу и могущество, — говорил Руса. — Мы построили новые города и храмы на развалинах, оставленных нам Саргоном, — да будет проклято имя его навек! Мы прославляем тебя, великий Халд, новыми каналами. Тучные пастбища и плодородные поля мы имеем. Для могущества нашей страны мы строим крепости, которые защитят нас от врага. Дай нам силу и богатство, чтобы отстоять земли наши! Пусть никогда не повторится поход Саргона, уведшего в рабство наших жен и детей, поправшего наши святыни, наши храмы и самих богов! В жертву тебе мы приносим десять священ-

ных коров, пять лучших быков и двенадцать ягнят. Сделай нас неуязвимыми для врагов наших! — молил Руса.

Пока Руса просил милости Халда, жрецы и служители храма разводили на берегу озера Ван множество костров. Рев животных возвестил жителям окрестных селений о том, что воздается великая жертва богу Халду.

— Для силы и мощи нашей воздадим великую жертву! — говорил старый жрец храма Халда, высоко подняв над собой сверкающий на солнце жертвенный нож.

— Для силы и мощи нашей! — вторили жрецы в белых одеждах, с длинными бородами.

Они громко читали молитвы, угодные Халду, и шептали какие-то заклинания над пылающими кострами, где должны были сгореть животные, предназначенные для жертвы.

Настал расцвет Урарту, какого страна не знала со времени царя Аргишти, сына Менуи. Снова были воздвигнуты города. Расцвели сады и виноградники. Снова ушли в горы стада овец и коз. Рабы строили дворцы и храмы. Ремесленники выделявали кожи, ткали шерстяные ткани, чеканили бронзовые щиты. Тихо было на землях урартов.

Царь Руса часто покидал свой дворец в Тушпе и через горы совершал путешествие в город Тейшебаини, где строилась главная крепость, рассчитанная на самый большой удар при столкновении со скифами.

Царь приказал делать крепкие кирпичи, чтобы сотни лет стояли толстые стены и чтобы самый лютый враг не смог разрушить их. Длинные высокие залы старательно оштукатурены и украшены цветной росписью. В угоду богам царь Руса велел расписать лучший зал дворца изображением дерева жизни с плодами граната на ветвях и фигурами богов, покровителей плодородия.

Над крепостью возвышались базальтовые башни, в которых могли прятаться невидимые стрелки. Тихо было в пределах Урарту, но кто мог знать, не собирались ли соседи совершить набег, чтобы забрать нажитое добро, угнать скот, увести в плен молодых и сильных урартов.

С давних пор славились уарты своими ремеслами. Были среди них искусные ткачи, медники, кожевники, гончары, оружейники. Много всякого умелого люда было в Уарту, а умелый человек нужен каждому царю. Руса знал, что и ассирийский царь Асархаддон поглядывает на границы Уарту и засылает лазутчиков для разведки. И скифы не прочь поживиться — сговор ведут с ассирийцами. Много врагов вокруг священной земли урартов. Уберечь ее — вот дело великое, угодное богу Халду.

Город Тейшебаини трудился для крепости. В каждом доме, под каждой кровлей люди работали для благополучия царского наместника в Тейшебаини Иштаги, выполняя его требования. Каменотесы обрабатывали бесформенные глыбы гранита и базальта, превращали их в ровные, гладко отшлифованные плиты, которые шли на строительство дворца. Гончары готовили для винных подвалов громадные карасы¹. Грозный Иштаги приказал изготовить карасы в полтора человеческих роста и на каждом делать отметку, сколько вина войдет в этот сосуд. Жадный до всякого добра, Иштаги стремился так построить дворцовое хозяйство, чтобы ничего не пропало и не было украдено ловкими прислужниками.

Много дела было у литейщиков. Из далеких горных селений шла сюда ценная дань — слитки железа и меди. Сплав меди с оловом и серебром давал звонкую, сверкающую бронзу. Из нее делали щиты, которые должны были украсить стены дворца, шлемы для воинов, нарядные высокие светильники и пиршественные чаши.

Иштаги распорядился не давать людям Тейшебаини земли и скота. Пусть каждый своим ремеслом занимается и о пользе царской помнит: «Мы дадим из дворцовых запасов еды и питья всякому, кто пользу принесет его царственности. А кто будет предаваться лени, пусть сидит голодным, как пес».

Так и жили люди в Тейшебаини, не имея ни коров, ни овец, ни земли: всё получали из запасов дворцовых. Корову рубили на тридцать частей и раздавали по

¹ Карас — большой глиняный сосуд для вина, масла и зерна.

кускам каждой семье. Каждый день женщины собирались у кладовых, где хранились дворцовые запасы, и получали для семьи пищу.

Дворец наместника Иштаги строился на высоком холме, раскинувшемся на берегу Ильдаруни. В городе было видно, как постепенно росли стены, как появилась светлая, украшенная голубыми зубцами ограда дворца и как воздвигались базальтовые башенки, так тщательно отшлифованные, что казалось, будто они сделаны искусными гончарами из глины, а не из камня.

Настал день, когда сам царь Руса, сын Аргишти, пожелал посетить дворец Тейшебаини и вознести жертву великому богу войны Тейшебе. пышную встречу царю устроил его наместник Иштаги. От сверкающих медью ворот дворца вдоль широкой улицы, протянувшейся через весь город, были расставлены конники, разодетые в лучшие свои одежды. Иштаги знал, что царь любит свою конницу и гордится ею. Чтобы порадовать Русу, он велел доставить быстрых коней из горных мест, где их растили для царской конницы. Из военных запасов были выданы конникам щиты, луки и колчаны. Бронзовая упряжь украсила красивых, холеных коней.

Торжественное шествие конников открывали царские колесницы, прибывшие сюда из Тушпы. Длинным рядом стояли они вдоль широкой улицы, сверкая бронзовыми украшениями.

На быстром скакуне носился по городу царский глашатай. Он возвещал народу о милости царя, пожелавшего посетить славный город Тейшебаини.

— Выходите на поклон великому Русе! — кричал глашатай до хрипоты.

На плоских кровлях домов собирались люди. Мужчины, женщины и дети в праздничных одеждах пристально вглядывались в даль. Всем хотелось поскорее увидеть царскую колесницу, знаменитую царскую колесницу из огненно-красного золота. Она должна была войти в южные ворота города, где ее встречал наместник царя Иштаги.

Вдруг толпа заволновалась, послышался шопот.

— Смотрите на него, да это в самом деле буйвол! —

сказал веселый, краснощекий юноша в белой шерстяной рубахе, подпоясанной синим шнуром.

Мимо промчался громадный, тучный всадник с багрово-красным лицом и толстым, приплюснутым носом. Мутные навывкате глаза и высокая, из золотого руна шапка делали его похожим на какое-то замысловатое животное.

— Вот он какой, Иштаги! — удивлялись вокруг.

Люди знали, как суров и неумолим со своими подчиненными Иштаги. Но что случилось с ним при виде колесницы из красного золота? Не успел его резвый скакун подойти к медленно двигающейся колеснице царя, как был остановлен ударом в бок, и в тот же миг Иштаги скатился с коня и распростерся в пыли. Лошади заржали и попятились назад.

Гончары, жившие в этой части города, хорошо видели, как нос Иштаги погрузился в густую дорожную пыль. Они посмеялись в кулак, стараясь не нарушить торжественной тишины.

По знаку царя, Иштаги поднялся и, сверкая расшитым платьем, вскочил на коня, который шагом пошел рядом с колесницей.

По обе стороны улицы стояли воины и жители города, низкими поклонами они приветствовали Русу. Царь милостиво улыбался. Он видел, как склоняют свои головы знатные военачальники, царедворцы и купцы. Видел, как землепашцы восхищаются его богатой мантией, усеянной драгоценными камнями. Царь был доволен. Из-под тиары¹ ниспадали крупными кольцами черные кудри, а длинная борода была завитая мелкими колечками, как у ассирийских царей. Руса был молод и красив. Жизнь казалась ему праздником, и приезд в город Тейшебаини был также праздником.

У подножия холма царь пересел в носилки, отделанные перламутром и слоновой костью. Рослые загорелые рабы бегом поднимали их на вершину холма и внесли в раскрытые ворота крепости. За царем шли телохранители, военачальники, чиновники, писцы, виночерпии. Знатные воины выделялись своей яркой одеждой — красными рубахами и золотыми браслетами на руках

¹ Тиара — головной убор царя.

и ногах. У ворот дворца царя приветствовали жрецы храма Тейшебы с горящими факелами в руках. После торжественной встречи царя им предстояло принести в жертву богу целое стадо овец и коров.

— Пусть будет угодной Тейшебе царская жертва! — обратился Руса к старому жрецу с седой бородой.

— Щедрость царская угодна богу, — ответил жрец, склоняя голову перед царем.

Наконец-то закончилась церемония встречи, и Руса пожелал пройтись по залам дворца и посмотреть его убранство. Длинный, узкий ковер протянулся через коридор и залы дворца на сотни локтей¹.

— Откуда это? — спросил Руса, с удовольствием ступая по мягкому красному ковру, искусно украшенному зелеными листьями.

— Это наши ткачи, — отвечал Иштаги. — Ваша царственность увидит ткацкую дворца. Там есть ткачи, которые десять лет работали над этой дорожкой.

В большом зале бога Халда Руса увидел множество бронзовых светильников, украшенных фигурками людей и животных. На стенах висели урартские щиты — приношения богу Халду отца и деда Русы. В восточном углу на каменном пьедестале стоял бронзовый шлем, священный шлем царя Аргишти, сына Менуи, сделанный в честь бога Халда.

Руса остановился.

— Кто сделал это? — спросил царь.

— Здесь знаки из рода Аплая.

— Из рода Аплая? — удивился Руса. — А я и не знал, что дед Аплая был так же искусен, как его потомки. Кто же продолжил его мастерство?

— Кажется, сын Аплая, — ответил Иштаги. — Это легко проверить. — Иштаги поднял светильник и увидел на нем знаки из рода Аплая. — Я не ошибся, царь, мой господин, — поклонился Иштаги. — Наш мастер, сын Аплая, продолжил дело умелого литейщика и ювелира. Нет отца, зато есть сын. Судя по тонкой чеканке на этих светильниках, он достойный ювелир. Ему можно поручить и царский заказ.

¹ Локоть — мера длины, равная 52 сантиметрам.

— Продолжен ли род его? — спросил Руса. — Надобно мастерство его сохранить для потомства.

— Мы найдем его и доставим во дворец, — ответил Иштаги.

— Хочу иметь ножны золотые с чеканкой, — сказал Руса. — Разыщи мастера. А чтобы хорошо работал, дай ему вот это кольцо с камнем. Скажи, что царь Руса ему дарит от щедрого сердца.

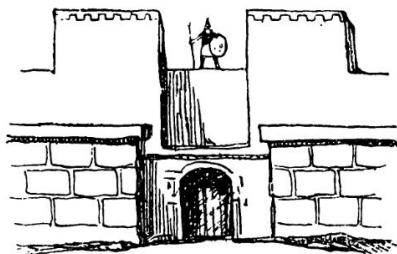
Руса обошел парадные залы дворца и поднялся на плоскую кровлю, откуда открывался вид на живописные горы, на зеленые луга и на реку Ильдаруни. Отсюда было видно строительство канала плодородия. Уже вечерело, но там, у базальтовых скал, толпились люди, слышались голоса сотенных и звон кирок, ударяющих о крепкую породу.

— Как строится канал? — спросил Руса, пытаясь с кровли дворца увидеть каменное ложе канала.

— Сейчас лучше работают, — ответил Иштаги: — я велел кормить. Первое время падали и умирали, как мухи. Никакие плети не помогали. Много их в землю легло...

Руса молча смотрел на канал. Он думал о другом.

— Завтра в полдень встретим царя скифского, — сказал он Иштаги. — Сговор поведем против врагов земли нашей. Готовь встречу и пиршество.

Сговор царей

Забегали слуги и повара. Защелкали тяжелые железные замки на винных кладовых. Виночерпии срывали печати с карасов, наполненных душистым вином. Хранителю сокровищ, одноглазому Уаси, было велено подать для пиршества бронзовые чаши. Это были старинные чаши, сделанные далекими предками Русы. Они имели свойство издавать серебристый звон, когда ими чокались. Заморские гости постоянно удивлялись этим певучим чашам, но секрет их изготовления урарты не выдавали. Нередко гости спрашивали друг друга: «Как же делают эти волшебные чаши?» И всегда был один ответ: «Это тайна урартов. Не хотят урарты торговать своими чашами, не хотят выдавать секрет своих мастеров».

Много забот у одноглазого Уаси. Битком набиты сокровищами царские кладовые. Тяжелы железные запоры. Наложены на них печати царской сокровищницы.

Надо все рассмотреть и решить, что порадует глаз Русы, что удивит гостей царских.

Уаси взял с собой надежных слуг и стал обходить хранилища. Вот кованые бронзовые ларцы с драгоценными камнями. Тут и рубиновые перстни из Согдианы, и чудо-бирюза из Хорезма, и прекрасное ожерелье из Египта, и резная слоновая кость из Сирии. Все украшено камнями и горит всеми цветами радуги. Уаси берет царские кубки, и взор его останавливается на золотых светильниках. Это подарок фараона египетского. Хоть и умелые мастера в Урарту, а такой ювелирной работы никогда не видал старый Уаси. Как тонко сделаны цветы лотоса! Тончайшая работа, удивление для глаз!

Уаси раскрывает ларец с ожерельями. Иштаги приказал нарядить прислужниц в дорогие украшения. «Пусть узнают гости, как мы богаты», — сказал он удивленному Уаси.

Старик любит золотистыми сердоликами, блестящими, полированными агатами, сапфирами и хризолитами. Его единственный глаз светится восхищением. Страшно выдать такую ценность прислужницам. А впрочем, чего страшиться? Куда они денутся с этим богатством? Стража зорко охраняет дворец: не пройти мимо нее незамеченным. А если поймают вора, не снести ему головы: строго судят каждого, кого обвинят в воровстве.

Слуги, нагруженные сокровищами, спешат в зал пиршества.

Здесь уже хозяйничает Иштаги. Глаза его налиты кровью, голос подобен трубному звуку слона. Дрожь охватывает слуг. Достается каждому от свиной плети Иштаги.

В зале для пиршества пол устлан коврами. Круглые столы из драгоценного черного дерева украшены резьбой из слоновой кости. В центре зала сверкают позолотой два тронных кресла. Рядом с ними, точно стражи, стоят грозные фигуры крылатых львов с чело-вечьими головами. Глаза их, сделанные из блестящего агата, зловеще сверкают. В серебряных курильницах

дымятся ароматические смолы. Стоят опахала, украшенные тончайшей вышивкой.

По приказу Иштаги, привели самых красивых рабынь. Они должны прислуживать гостям во время пиршества. Легкие полотняные одежды, дорогие ожерелья и браслеты сделали их еще красивей. Смущенно улыбаясь, девушки рассматривают непривычные для них украшения. Иштаги доволен видом прислужниц. Он велит Уаси выдать им душистого масла, чтобы благоухали, как цветы.

— Вот чем мы удивим царя скифского! — говорит Иштаги хранителю сокровищ. — Не у каждого царя найдутся такие красивые рабыни.

— Откуда они? — спрашивает одноглазый Уаси.

— Разные, — отвечает Иштаги. — Всё больше из Мидии. Там хороши девушки. А как переменялись! — удивляется Иштаги. — Пусть знает скифский царь, как мы богаты: даже рабынь одеваем по-царски.

Иштаги рассматривает золотые кубки, корзины из слоновой кости для цветов и фруктов, серебряное ложе для отдыха. Все хорошо, все богато. Но Иштаги не спокоен.

— Все ли чудесные сокровища взяты из кладовых? — спрашивает он одноглазого Уаси. — Не забыли ли чего, что достойно внимания царей?

Уаси вспоминает. Как же это он забыл про светильники на высоких треногах! Это редкие светильники, недаром их привезли из самого дальнего горного селения. Настоящие белые лилии. И треноги, увитые листьями, хороши. Он велит слугам следовать за ним, чтобы принести в празднично убранные комнаты эти светильники, привезенные для царской дани.

Где-то в горах, далеко от Тейшебаини, жили искусные мастера по камню. Они обрабатывали белый и розовый камень, который добывали в горах. С давних пор приезжали туда купцы из разных мест и в обмен на чаши, светильники и статуэтки, сделанные искусными мастерами, привозили горцам пшеницу, бронзовые топоры, кунжутное масло, заморские ткани. Так было до тех пор, пока в горное селение не прибыл царский сборщик. Увидел он светильники и тут же отобрал их для

царского дворца. С тех пор бедным горцам велено трудиться на царский двор и ничего не менять у купцов. Дань эту раз в год увозили на лошадях по узким горным тропам, за много дней пути до Тейшебаини...

В дворцовой кухне было особенно оживленно. В бронзовых котлах жарились целые туши молодых барашков. На громадные деревянные блюда были уложены жареные утки, гуси и куропатки. Запах пряных соусов щекотал ноздри и вызывал аппетит. Рабы, стоящие у кипящих котлов, мучились голодом больше, чем в обычные дни. Женщины, работающие у печей, падали от усталости, но грозный вид царского повара Даюки заставлял трепетать их.

Царский повар Даюки с морщинистым, как печеное яблоко, лицом и длинными, как у обезьяны, руками непрестанно кого-то ругал и грозно размахивал громадной бронзовой вилкой, предназначенной для того, чтобы перевертывать на огне жареную баранину. Эта вилка постоянно заменяла повару плетку. Рабы-прислужники знали, как неприятно ее прикосновение к голой спине. Каждый старался избежать столкновения с Даюки, но длинная вилка доставала рабов повсюду.

— Эй, не зевай! — кричал Даюки молодому мидянину, чистившему живую рыбу.

Рыба, только что доставленная из царского пруда, прыгала и вырывалась из рук поваренка. Даюки требовал, чтобы ее быстро чистили и бросали в кипящее масло еще живую. Зажаренных до хруста форелей укладывали на серебряные блюда и заливали душистыми соусами. Прислужницы торопливо уносили блюда с едой в зал пиршества. С минуты на минуту ждали гостей.

Руса лежал в серебряной лохани и нежился в теплой ароматной воде. Двое слуг старательно поливали его из ковшей. Двое других держали наготове мягкие простыни для вытирания. Вдруг доложили о приходе разведчика, и Руса пожелал принять его тут же.

— У ворот города показалась колесница скифского царя, — сообщил разведчик.

— Устройте достойную встречу! — приказывает Руса. — Пусть чаши заздравные поднимут военачальники в знак нашей дружбы и согласия.

Царя одели в дорогие одежды, подали тиару.

В зале для пиршества, у статуи бога Тейшебы, состоялась встреча царя скифского Бартатуа с царем урартским Русой.

По случаю этой встречи царь Руса приказал доставить из Тушпы второе тронное кресло, отделанное фигурами крылатых львов. Кресла стояли рядом. Этим Руса хотел показать свое уважение к Бартатуа и согласие считать его равным своей царственности.

Величавый и могучий, предстал перед Русой Бартатуа. Платье его так и сверкает камнями-самоцветами. На светлых кудрях — остроконечная, шитая золотом шапка. Из-под густых, нависших бровей смело глядят синие глаза. Едва заметная улыбка спряталась в длинных усах. Низко кланяясь Русе, Бартатуа приветствует царя Урарту и всех его приближенных. Телохранители Бартатуа ставят к ногам Русы золотой ларец с подарками. Руса, кланяясь, в знак благодарности прижимает к сердцу правую руку. Он приглашает гостя занять почетное место в тронном кресле рядом с собой. Гости, военачальники, приближенные царя разместились вокруг круглых столов. Тотчас же появились прислужницы с кувшинами вина.

— Да будет благополучие над странами нашими! — говорит Руса, поднимая чашу.

— Мои предки и твои предки жили в дружбе, проживем и мы в дружбе и согласии, — отвечает Бартатуа, поднимая свою чашу.

По знаку Русы, писец достает свиток папируса — это договор о дружбе и согласии, подписать который собрались сегодня цари.

— «Договор дружбы, правды и согласия составили мы сегодня, в день шестого новолуния месяца жатвы, — читает писец. — Договор этот учинили царь земли прекрасной и священной Урарту Руса, сын Аргишти, потомок великих царей Урарту, и царь Скифии великой, страны богатой и сильной, Бартатуа, знатнейший и сильнейший царь скифов.

Прекрасный мир и дружбу желаем мы, а в дружбе и братстве не страшны нам враги земли нашей.

Мы клятву даем и кровью ее закрепляем, чтобы ни-

когда царь Руса, сын Аргишти, не вздумал захватить земли скифов, чтобы никогда царь Бартатуа, владыка Скифии великой, не вздумал захватить земли урартов.

К пределам земли урартов не допустим врага. К пределам земли скифов не допустим врага.

Никогда царь Руса не вступит в союз с врагами Скифии. Никогда царь Бартатуа не вступит в союз с врагами Урарту.

Царь Руса, сын Аргишти, милость Халда в свидетели призывает. Царь Бартатуа, владыка Скифии великой, богиню плодородия призывает в свидетели своей верности и решимости.

В день шестого новолуния месяца жатвы мы договор свой подписали и кровью царской окропили. .» — читал писец.

Руса поднял кинжал и, надрезав указательный палец левой руки, первый освятил каплей своей крови договор дружбы и согласия. Когда капля крови стекла в его чашу, он подставил ее к руке Бартатуа, который также прикосновением клинка добыл каплю своей крови из указательного пальца левой руки. Бартатуа первый отпил глоток вина, освященный кровью царей. Вслед за ним из той же чаши выпил вино Руса. Гости и царедворцы подняли свои чаши в знак согласия.

Забегали прислужницы с кувшинами вина и рабы с блюдами жареной дичи, с грудями рыб и целыми тушами баранов. Все, что так старательно готовил Даюки, было доставлено в зал пиршества. Пряные соусы благоухали, соперничая с запахами душистых трав, зажженных в курильницах. Бычьи пузыри, начиненные рыбой, и рыбы пузыри, фаршированные дичью, сменили изысканные блюда из фруктов и овощей. В зале становилось все веселее и оживленнее. Вскоре появились и рабыни с лютнями. Бартатуа пил крепкое вино и клялся Русе в вечной дружбе. Иштаги рассказывал советнику Бартатуа о строительстве новых городов и оросительных каналов. Высокий, худощавый скиф, с лицом суровым и строгим, молча слушал развеселившегося наместника.

После веселого пира царь Бартатуа собрался в обратный путь. В подарок Русе привез он ларцы, полные

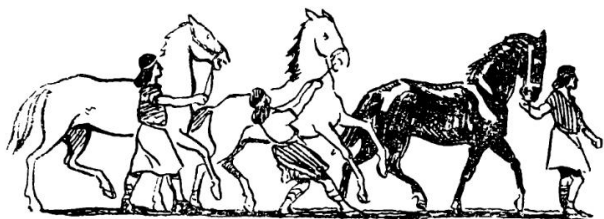
червонного золота, а увозил от Русы подарки не менее ценные — коней золотистой масти, которыми славились уарты в дальних землях.

Когда покинули скифы пределы города Тейшебаини и далеко позади остался царский дворец, Бартатуа, весело подмигивая своему советнику, сказал:

— Хороши кони уартские! Пригодятся они нам для подарка царю ассирийскому Асархаддону. Дал он согласие отдать мне в жены свою дочь. Скоро будет званый пир.

— А как же договор, освященный кровью царей? — спросил советник. — Мы клятву дали не вести дружбы с врагами урартов.

— Об этом мы не скажем уартам, не узнают этого и ассирийцы, — ответил Бартатуа. — Это наше дело, им оно неведомо.

Канал плодородия

Сидя на троне в своем новом дворце, Руса диктовал писцу:

— «Отныне дань великую из городов и сел Урарту привозить в крепость Тейшебы. Отныне бронзу плавить у медников Тейшебаини. Ковать здесь оружие для воинов царских. Отныне жатву великую снимать с полей, орошенных каналом плодородия. Назвать канал Русаини.

Умелых ткачей доставить в город Тейшебаини, чтобы ткали для одежды царской мягкие шерстяные полотна на тысячи локтей. Овец стричь и шерсть собирать, а не торговать овцами и не менять ни на какие блага.

Строительство канала завершив, не угонять рабов в другие города, а заставить их возделывать сады и ви-

ноградники, чтобы по желанию моему расцвела мертвая земля в долине Кутурлини».

Канал плодородия был давно задуман царем Русой. Его начали строить на правом берегу Ильдаруни почти пять лет назад.

Тысячи рабов были пригнаны сюда из разных мест. Были им выданы железные кирки и тяжелые молоты, чтобы бить и дробить базальтовые скалы.

Среди высоких, крепких скал поднялся такой грохот, словно горы с места сдвинулись и пошли к реке. Тысячи бронзовых и железных кирок долбили породу. Медленно шла работа.

— Сделаем ли то, чего боги не сделали? — спрашивал молодого киммера старый ассириец.

— Руки человеческие многое могут, — отвечал коротко киммер.

Рабы пробивали выемку в крепкой базальтовой скале, которая вначале казалась кованной из железа, а потом подалась и стала послушно крошиться.

Вдоль строящегося канала расположились лагерем рабы. Каждая сотня охранялась сотенным. Ходил этот сотенный с плетью в руках, угрожая всякому, кто опустит руки, кто остановится передохнуть. Иштаги сам подбирал сотенных, чтобы были они безжалостны к рабам и всегда помнили о пользе царю Русе.

«Вас я возвысил, — говорил Иштаги сотенным, — каждому из вас подчиняется сотня рабов. Вы должны помнить, что эти люди подобны скоту и созданы лишь для того, чтобы приносить пользу царям. Если кто из вас замечен будет в поощрении раба, тот сам попадет на его место. Не будет ему пощады от моей крепкой плети!» При этом глаза Иштаги наливались кровью, а плеть со свистом взвивалась над головами сотенных, напоминая им, что ждет их в случае неповиновения.

Сотенные молча слушали угрозы Иштаги. Все они были такими же рабами, как и подчиненные им строители канала. Разница была лишь в том, что многие из них стали злобными и жестокими в рабстве. Они потеряли присущее другим рабам чувство товарищества и дружбы. Иштаги нашел их среди тысяч других и сделал своими помощниками. Правитель Тейшебаини хорошо помнил

слова Русы, сказанные им, когда было решено приступить к строительству канала: «Помни, Иштаги: рабы созданы богами для того, чтобы множить наши богатства, строить для блага царей дворцы и храмы, разводить плодовые сады и виноградники. Нет для них большего блага на земле, чем благо служить царям — избранникам богов. Пусть не дрогнет твоя рука, когда понадобится плеть ленивому рабу! И будешь ты вознагражден за твои великие дела. Плодородны будут земли, орошенные новым каналом. Получим мы цветущие поля, пастбища и тучные отары овец. От трудов твоих зависит щедрость моего сердца!»

Эти слова долго звучали в ушах Иштаги, они лишили его сна и покоя. Ему казалось, что он сам готов взять кирку и долбить ею крепкие скалы, только бы скорее построить канал и получить все, что пожелает ему Руса от своего щедрого сердца.

Иштаги долго думал над тем, как заставить рабов лучше работать. Первое время он старался запугать их своей жестокостью. Немало людей пострадало от плетей Иштаги и подвластных ему сотенных. Но вскоре правитель Тейшебаини увидел, что он весьма далек от цели: плети не помогали, а только мешали. Еще больше мешал голод. Голодные рабы падали от изнеможения. Иные из них не могли поднять кирку от слабости. Посмотрел Иштаги, что работа не ладится, и приказал кормить рабов. Раньше рабы получали по горсти проса в день. Теперь было велено выдавать по круглому просяному хлебу и вдоволь лука и чеснока. Кроме того, было объявлено, что в день жертвоприношения Халду каждый раб получит по куску мяса.

На берегу реки, в легких тростниковых хижинах, были устроены печи. Женщины растирали на зернотерках зерна проса, замешивали его в широких глиняных мисках, а затем лепили круглые плоские лепешки с отверстием в середине. Старая женщина из маннеев, самая опытная в этом деле, стояла у горячей печи и выпекала на камнях румяные хлебцы. К ней то и дело подъезжали возчики на мулах и подставляли плетенные из прутьев корзины. Женщина швыряла в них хлебцы, как камни, а затем требовала, чтобы их увозили и не мешали рабо-

тать. Возчики везли корзины с хлебами вдоль строящегося канала и сбрасывали их на землю рядом с шалашом сотенного. Здесь хлеб раздавали рабам. Но прежде чем накормить людей, сотенный заботливо кормил своих собак и лошадей. Ведь рабы никому не скажут: они безмолвны и боятся, как бы не повесили колодку на шею. Грозный Иштаги жестоко расправлялся с каждым, кто осмеливался роптать.

Работа с каждым днем становилась заметней. Иштаги понял, что выгодней кормить рабов, чем морить их голодом. Он снова убедился в этом, когда увидел, как медленно идет прокладка подземного канала, который должен был дать выход реке Ильдаруни в соседнюю безводную долину. Здесь работала сотня самых молодых и сильных рабов, и все же они не могли одолеть крепкую базальтовую скалу, в которой должен был пройти подземный канал на тысячи локтей.

— Эти скалы крепче железа, — оправдывался сотенный перед грозным правителем. — Из сил выбился, а медленно двигаемся вперед.

— Хорошо, — сказал Иштаги, — попробуем накормить твоих скотов досыта. Отныне будет велено выдавать твоей сотне больше хлеба, больше лука и мяса раз в день. Вели поставить им вдоволь воды. А в конце недели получай для них пиво. Если это не поможет, то всех закую в колодки и тебя первого с ними.

Вскоре по всему каналу пошла молва о великой щедрости Иштаги. Стали говорить, что подземная сотня получает по целому барану на каждого раба. Многие мечтали попасть туда на работу. Но теперь уже не было надобности подменять рабов более сильными: все работали хорошо. Крепчайшая базальтовая скала дрогнула под напором сильных рук. Ниша росла с каждым днем, и вскоре потребовались светильники, чтобы продолжать работу глубоко под землей.

«От трудов твоих зависит щедрость моего сердца!»

Эти слова Русы звенели в ушах Иштаги и заставляли его быть неутомимым. Ранним утром он уже обходил сотни и проверял, много ли сделано было вчера. Идет Иштаги вдоль канала и все примечает. Вот остановился согнувшийся мидянин; руки опустил, выронил кирку.

Стоит покачиваясь. Глаза Иштаги наливаются кровью. Он подходит к сотенному и приказывает проучить раба-мидянина плетью, чтобы не стоял без дела.

Сотенный выводит раба-мидянина из шеренги работающих и обрушивается на него со страшной руганью. Иштаги, успокоенный, идет дальше. Но плеть не опускается на плечи раба: здесь сотенный не зверь, он не похож на других сотенных. Об этом знает вся его сотня. Мало таких сотенных, которые бы заслужили у раба почетное имя «человек». Чаше можно услышать нелестные клички: «шакал», «свинья», «гиена». А слово «человек» в устах рабов — очень почетное слово. Оно было заслужено человеческим обращением с бедными людьми. Сотенный тихонько спрашивает раба, почему он выропил кирку. Раб прикасается рукой к пылающему лбу и говорит, что не может стоять: голова кружится и красные круги туманят глаза. Сотенный слышит хриплый голос и замечает тяжелое дыхание больного. Он уводит его в сторону, под тенистую акацию, и велит сказать, что его избили, если буйвол Иштаги вздумает подойти к несчастному. Уходя от больного, сотенный слышит слова благодарности:

— Ты — человек!

На много тысяч локтей тянется строительство канала. Еще недавно здесь была выжженная солнцем пустыня. Только на берегу реки Ильдаруни можно было отдохнуть под зеленым шатром акаций. Теперь здесь расцветут сады и виноградники. Так велел Руса. Слово царя священо. Тысячи рабов пригнаны сюда с лопатами и ломами. Они вскопали землю, разрыхлили ее, сделали ровные площадки и засадили саженцами фруктовых деревьев и винограда. Сажали весной, в пору дождей. Потом, когда будет пущен канал, все эти земли получат прекрасное орошение. Волею Русы, руками рабов расцветала садами мертвая земля.

Много дней трудились рабы над сооружением канала. Долго не умолкал стук молотов и кирок, дробивших крепкую породу. Те, кто пришел на строительство канала молодым и крепким, потеряли здоровье. Кто был слаб и немощен, не дожил до окончания работ. Много рабов погибло за это время! Их могилы оплакали скупыми

слезами товарищи по несчастью. Родные и близкие люди были далеко, за пределами этой страны.

Но вот настал день пуска канала. По случаю такого события прибыл из Тушпы сам Руса. После сговора с царем скифским царь был в добром настроении. Ему казалось, что Бартатуа в самом деле готов выполнить договор дружбы и согласия. А это было так важно для урартов. Мир со Скифией сулил также мир с Ассирией. А Русе очень хотелось пожить в мире и согласии. Для мирной жизни был создан канал. Для мирной жизни и для богатства Русы были посажены новые сады и виноградники. В день пуска канала царь Руса вызвал искусного резчика по камню и велел ему высечь надпись на высокой скале, нависшей над рекой. В этой надписи было рассказано о том, как, по велению царя, строили канал плодородия, чтобы оросить бесплодные земли Кутурлини. Заключительные строки этой надписи гласили:

«Руса, сын Аргишти, говорит: кто этот памятник разрушит, кто осквернит, кто с места удалит, кто в землю зароет, кто в воду бросит, кто другой скажет — я создал, кто мое имя разрушит и свое имя поставит, будет ли он из Урарту или из вражеской страны, пусть Халд, Тейшеба, бог солнца, все боги ни его имя, ни его потомства на земле не оставят...» А в храме бога Халда была установлена каменная плита с клинописью: «Руса, сын Аргишти, говорит: в долине страны Кутурлини обработанной земли никогда не существовало. По приказу бога Халда я виноградник развел, поля с посевами, плодовые сады кругом устроил я там, города я ими окружил. Канал из реки Ильдаруни я провел...»

На быстром вороном коне объехал Руса свои новые поля, раскинувшиеся вдоль канала. Настал торжественный момент пуска воды. Веселым, шумным потоком пошла она из быстрой Ильдаруни по каменному ложу канала.

— Отныне на многие лета будут плодородны наши земли! — воскликнул Руса. — Воздадим великую жертву богу Халду за его покровительство! Пусть наша щедрая жертва будет угодна богам!

Приказал Руса жечь костры вдоль всего канала и

обрек стадо отборных овец для жертвы Халду. В честь торжества приказал выдать вина, пшеницы и скота, чтобы люди вдоволь пили и ели, восхваляя царя. Приказал Руса вывести из конюшен лучших лошадей и устроить состязание. Душа его радовалась победе великой. Велел царь подать себе лучшего коня, любимого Орла, и поскакал в поле, за город, где собрались лучшие конники окрестных селений.

Вот выехал на середину поля высокий, стройный всадник на горячем скакуне. Конь вьется под ним, словно на костре стоит, ни минуты покоя не знает.

— Кто он? — спрашивает Руса своего советника.

— Да это Луех, сын нашего виночерпия.

— Вот каков сын его! — удивляется Руса. — Ловкий он воин. Статен и хорош собой! Призови его в телохранители.

В это время Луех сорвался с места и, как ветер, понесся на высокую ограду. Конь вздыбился и, легко миновав преграду, понес всадника словно на крыльях.

— После такого конника и мой Орел покажет свою удаль, — улыбнулся Руса и погнал своего коня на середину поля.

Народ с любопытством рассматривал величавого всадника. Орел был так хорош собой, что вызвал возгласы восхищения. Стройный, с тонкими ногами, с золотистой, сверкающей на солнце шерстью, с красивой гордой головой, он был очень красив. Руса погнал коня для прыжка в длину. После хорошего разбега конь взлетел в воздух и прыгнул на такое расстояние, что все кругом ахнули. Тотчас же появились судьи с веревкой, завязанной узлами. Каждый узел означал длину локтя. Промерили длину прыжка и насчитали двадцать два локтя. Все возгласами восторга приветствовали Русу. Польщенный таким приемом, царь велел тотчас же принести на поле, где проходили состязания, много кувшинов доброго вина.

Пришлось Уаси раскрыть царские кладовые и раскупорить карасы лучшего вина. Слуги наполнили круглые глиняные кувшины и вышли с ними в поле. Увидев царских слуг с кувшинами вина, народ еще больше повеселел.

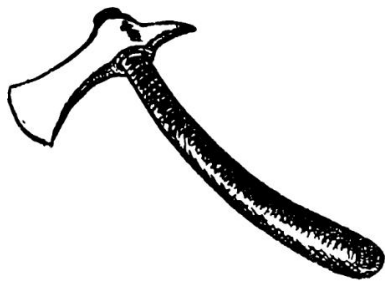
— Выпьем царского вина! — говорил старый гончар землепашцу. — Мы его заработали своим трудом.

— Выпьем, — согласился землепашец. — Новые земли не принесут нам богатства. Еще бóльшая дань потребуется царю Русе. Каждую каплю воды мы оплатим потоками слез.

— Тяжка наша доля, — согласился гончар, прикладываясь губами к узкому горлу кувшина. — Ненасытны цари. Живут, как боги, а всё недовольны.

В это время появились шутники в собачьих масках, танцоры с бубнами, музыканты с самодельными свирелями. Толпа на площади все росла и росла. Шумно и весело было вокруг. Не веселились лишь те, кто строил канал. Рабам не разрешалось принимать участие в празднике, где были знатные воины, приближенные царя и сам Руса. Позволили веселиться свободным землепашцам и свободным ремесленникам.

Для тех, кто создал канал плодородия, щедрость Русы была невелика. Он приказал выдать им мяса и зерна, чтобы наелись досыта за все годы, приказал дать пива. Кто был здоров и силен, занялся приготовлением пищи. А те, кто не покидал тростниковой цыновки, кто тяжело болел, остались в своих шалашах. Многие строители канала потеряли свое здоровье за годы тяжелой работы. Нелегко было выстроить канал плодородия! О том, как трудно это было, знали рабы и меньше всех знал об этом царь Руса, который так заботливо увековечил это сооружение памятными надписями на плитах и скалах.

Аблиукну жив.

Слуга Иштаги обошел много разных селений в поисках сына Аплая. Но всюду, куда бы он ни обращался, говорили, что сын Аплая живет где-то в горах, а точно где, никто не знал. Слуга побывал у медников, у чеканщиков, у каменотесов, но узнал лишь, что дом Аплая где-то далеко, чуть ли не у «Священных ключей».

«Пойду к «Священным ключам», — решил слуга. — Быть может, там мне укажут, где его дом».

В живописной долине, среди высоких гор, били горячие ключи. С незапамятных времен люди ходили сюда лечиться от разных недугов. Иные селились здесь в маленьких, нескладных домишках, сделанных из обломков камня. Так здесь постепенно выросло селение, и называли его «Священные ключи».

Слуга Иштаги пришел к «Священным ключам» в полдень, когда солнце стояло в зените и хорошо было искупаться в волшебном ручье, который образовался от охлажденной воды источника. Всякий, кто хоть раз купался в этом ручье, никогда не забывал его и не терял случая побывать здесь еще раз. После купанья слуга Иштаги в добром настроении отправился на поиски мастера. Тут же, недалеко от ручья, на самой окраине селения, он увидел небольшой дворик, обнесенный зеленой изгородью дикого винограда. Во дворе был разбросан скраб литейщика: формы глиняных фигур, слитки бронзы, глыбы глины, а главное — своеобразный очаг.

— Эй, мальчуган! — окликнул слуга чернокудрого мальчика, склонившегося над скульптурой крылатого льва. — Не здесь ли живет сын Аплая?

— Здесь живет Аблиукну, сын Аплая, — ответил мальчик.

— А где же он? — спросил слуга.

— Его сейчас нет, он ушел за песком.

— Я подожду его, — сказал пришедший и вошел в калитку.

Он уселся на камне, а мальчик продолжал свою работу. Слуга долго рассматривал скульптуру: крылатый лев с человеческой головой привлек его внимание.

— Неужто твоя работа? — удивился он.

— Немного и моя, — ответил мальчик, сверкнув умными карими глазами. — Я помогаю дедушке. Это статуя крылатого льва для храма в Тушпе.

— Но ведь это трудно! — удивился слуга.

— Да нет, не трудно, — подумав, ответил мальчик. — Когда любишь свою работу, тогда ничего не трудно.

— А ты, видно, любишь эту работу, — продолжал собеседник, — так ловко у тебя получается.

— Да не очень ловко, дед недоволен, — нахмурился мальчик.

— Вот как! Однако ты умелый. Скажи мне имя твое. Когда попаду в Тушпу, буду знать, кто сделал львов, что будут стоять у входа в храм.

— Мое имя Таннау, — ответил мальчик.

— С кем ты там разговариваешь? — слышался го-

лос из-за зеленой изгороди. — Помоги мне втащить эту корзину.

Таннау бросился к калитке, открыл ее, и во двор вошел невысокий коренастый человек с пепельно-серой головой и такой же бородой. Его тонкое смуглое лицо светилось доброй улыбкой.

Он поклонился незнакомцу и спросил:

— Ко мне ли ты, добрый человек?

— К тебе, если ты сын Аплая, — ответил слуга. — Меня прислал к тебе царский наместник Иштаги. По повелению царя, он приказал доставить тебя во дворец. Дело есть для тебя важное: царское оружие лить, царский шлем чеканить.

— А не знаешь ли ты, почему вспомнил обо мне великий Руса? — спросил удивленный Аблиукну. — Много полезных дел сделал я для дворца, но меня там забыли. А помнят только жрецы из Тушпы. Для них я работаю.

— Могу ответить тебе на это, — сказал слуга. — Почетны твои дела, потому и честь тебе великая. Был я во дворце Тейшебаини, когда Руса, сын Аргишти, великий царь Урарту, смотрел дворец и все его сокровища, привезенные из дальних мест. Когда увидел он бронзовые светильники, столь искусно сделанные тобой, остановился царь и спросил, чьих рук это дело. Иштаги посмотрел на пометку и увидел знаки рода Аплая. Он и ответил, что сын Аплая это сделал и что в искусстве своем он отцу не уступает. Тогда царь Руса велел разыскать тебя и поручить тебе сделать оружие царское.

— Дело это почетное, — ответил польщенный Аблиукну. — Мой отец, знаменитый мастер Аплай, учил меня, что почетней всего для искусного мастера ковать оружие против врага. «Если грозен будет твой меч, — говорил отец, — то воистину сразит он врага. А врага надо бить, потому что враг земли твоей — твой враг!»

— А ведь прав был Аплай! — воскликнул Таннау так радостно, словно сделал удивительное открытие. — Если бы мечи урартов сразили ассирийцев в походе Саргона, все было бы хорошо: Аплай остался бы на родине и жил бы вместе с нами.

— Умен! — удивился слуга. — Мал, да умен!

— Умен, — согласился Аблиукну, понизив голос, что-

бы не услышал Таннау. — Да еще искусен. Ему ведь мало лет, всего тринадцать, а он уже лепит статуи крылатых львов. Я этого не мог в его годы.

Таннау не слышал похвалы деда: он с увлечением продолжал работу.

Дед собирался во дворец. Идти надо было далеко. Он решил взять с собой своего верного помощника, серого осла.

— Туда пойду пешком, — сказал он Таннау, — а возвращаться буду на сером. Буду спешить, чтобы скорее тебе все рассказать.

— Хорошо, дедушка. Торопись! Я буду ждать тебя с нетерпением.

— С нами великий Халд! — сказал Аблиукну на прощанье. — Если на счастье иду, то не пожалеем нашего ягненка для жертвы Халду.

Большие карие глаза Таннау мигом наполнились слезами.

— Бедный ягненок! — прошептал мальчик. — Нужен ли он великому Халду? Я знаю, Халд грозен, я боюсь его, а ягненка жаль... так жаль! — И Таннау прижался лицом к мягкой, шелковистой шее ягненка.

— А мы отложим жертву, — поспешил утешить мальчика старик. — Халд простит нам нашу бедность, подождет!

Аблиукну шел во дворец опечаленный. И внука жаль, и перед Халдом страшно. «Принеси жертву богу, и счастье заглянет в твой дом», — говорило что-то в его душе.

✱

Солнце уже село за рекой, когда Аблиукну покинул дворец наместника Иштаги. Он торопился домой: хотелось скорее увидеть Таннау и поделиться с ним своей радостью. Ему приказано работать на царский двор. А что может быть лучше для бедного ремесленника! Это значит, что голод уйдет из их убогого жилища. А Таннау... Бедный мальчик, он ни разу в жизни не имел целой одежды. Теперь он получит новую рубаху и даже сандалии из кожи. Ах, Таннау! Он даже не знает, что впереди у него столько радостей! Царский заказ — это

не заказ купца-пройдохи. Не иначе, как Халд услышал его молитвы...

Аблиукну подошел к дому уже в сумерках. У калитки на пороге сидел Таннау с ягненком на коленях. Мальчик ласково трепал его теплую мягкую шерстку и тихо напевал:

Ягненка дед мне подарил,
Я серенького полюбил.
Отдать его мне очень жаль,
Вот почему в душе печаль.

— Не печалься, мой друг! — воскликнул весело Аблиукну. (Таннау радостно бросился к деду.) — Нам нет надобности отдавать в жертву твоего серого ягненка. Пусть живет до старости. Мы выменяем у соседа белого ягненка и отдадим его в жертву Халду. Эта жертва принесет нам много счастья.

— А что сказал тебе Иштаги? — спросил Таннау, заглядывая в глаза деду, словно стараясь прочесть в них весь таинственный разговор, происшедший во дворце.

— Иштаги сказал то же, о чем сообщил нам слуга его, — ответил Аблиукну, старательно разжигая огонь для светильника.

Два хороших кремня давали большие, светлые искры. Это помогло Таннау увидеть лукавую улыбку на лице деда.

— Будем делать царское оружие! — продолжал оживленно Аблиукну. — Будем шлем чеканить всем на удивление, а ножны для кинжала украсим чудо-птицей. Такие ножны, из чистого золота с чеканкой, Руса видел у царя скифского. Понравился ему тот кинжал, а велел сделать еще лучше и украсить камнями. Но беда в том, что не видел я его и ножен не видел. А по рассказам Иштаги трудно понять, чего хочет царь.

— А мы на глиняной табличке сделаем рисунок и покажем его Иштаги, — предложил Таннау. — Если будет он пригоден, то так и сделаешь его.

— Вот это хорошо придумал! — согласился дед. — Попробую я завтра сделать рисунок.

Старик зажег глиняный светильник и стал торопливо шарить у себя на груди. Затем он вытащил сверток и,

развязав его, подал Таннау золотой перстень с чудесным синим камнем.

— Это священный камень, — сказал тихо старик, словно боясь, что его услышат и похитят драгоценность. — Он вылечивает от проказы и от многих других болезней. Если бы я имел этот перстень в тот год, когда пришла черная болезнь, то были бы живы твои родители, мой мальчик.

— Кто дал тебе этот перстень? Он волшебный? — спросил удивленный Таннау. — Я еще ни разу в жизни не видел такого чуда!

— Это дар царя за светильники, что мы с тобой сделали в дни первого новолуния. Мы делали их для храма, а попали они во дворец. Очень они понравились хранителю сокровищ, одноглазому Уаси. А он знает толк в таких вещах! «Твой труд должен принадлежать царю, — сказал мне Иштаги. — А Руса, говорит, доволен тобой, доволен, что сумел ты сохранить мастерство Аплая и продолжить его дело». А еще тобой поинтересовался царский наместник, — продолжал счастливый старик. — «А кто, спрашивает, дело твое продолжит? Есть ли у тебя сын либо внук?» Я сказал, что все погибли в тот страшный год, когда черная болезнь ходила по нашим домам. «Один, говорю, есть у меня внук, мой Таннау! Искусен будет в литье, за то ручаюсь своей головой». — «Ну что ж, тогда поверю, если головой ручаешься», — посмеялся Иштаги. А когда смеялся, его толстый живот дрожал, как студень.

— Буду стараться — ты правду сказал, — ответил Таннау. — Ведь я твой внук, а тебя Аплай учил. Как же не быть мне искусным! — И мальчик с гордостью посмотрел на деда.

— Да ты и в самом деле молодец! — воскликнул Аблиукну. — Вот так Таннау! Был бы жив твой отец, похвалил бы тебя.

— А ты мне и дед и отец! — ответил радостно мальчик, снимая с ног деда потрепанные тростниковые сандалии. — Вот и вода здесь — я вымою твои ноги, — предложил он.

— Спасибо, мой друг, — вздохнул Аблиукну.

— Не будем печалиться, дедушка Аблиукну. Лучше

поужинаем и сыграем на дудке Аплая. Хорошо сыграем, так, чтобы нам весело стало!

— На это я всегда согласен, — улыбнулся Аблиукну. — Я люблю песни молодости. Когда я слышу звуки свирели, забываю все горести, сразу молодею.

Разговаривая с дедом, быстрый и ловкий Таннау принес кувшин молока, сушеного винограда и свежих лепешек. Они поднялись на крышу дома и там, на мягкой войлочной циновке, под звездами, ужинали, прислушиваясь к вечерним голосам.

Вот звякнула колокольчиком корова в хлеву. Залаяла собака у соседа. Промчалась, цокая копытами, лошадь с запоздалым путником. И всем этим голосам неумолчно вторил ручей.

— Хорошо поет наш ручей! — заметил Аблиукну. — По вечерам его песня особенно звонка и приятна.

— Запоем вместе с ним под свирель, дедушка...

Но в это время где-то вдали запели девушки. Их чистые, звонкие голоса были так свежи и приятны. Аблиукну вытащил из рукава свою бронзовую дудку, и переливчатая свирель слилась с голосами девушек. Таннау запел вместе с ними, и дед заметил, что голос внука окреп и не уступал голосам девушек. На соседних крышах появились люди. Вечерняя прохлада и запахи душистого сена располагали к отдыху и покою, а что может украсить отдых лучше хорошей песни!

Аблиукну был польщен царским заказом, но в то же время очень взволнован. Его мучил страх, что птица, задуманная на ножнах кинжала, не получится такой, какой она должна быть. И вдруг старику пришла в голову прекрасная мысль: а нет ли такой заморской птицы в садах дворца? Кто-то из слуг рассказывал Аблиукну, что в царском дворце удивительный сад, а в том саду заморские птицы, каких никогда никто не видывал в Урарту.

— Хорошее я дело задумал, — сказал дед внуку, когда проснулись они на рассвете. — Не будем никаких птиц придумывать. Попросимся в царский сад и посмот-

рим там птиц заморских. Их и нарисуем на табличке. Тогда уж и работа будет хороша.

— И меня возьмешь с собой? — обрадовался Таннау и закружился вокруг деда в радостной пляске.

— Вместе пойдем, — согласился дед. — Надо ведь запомнить все краски, чтобы потом камнями разукрасить. А где мне, старому, все запомнить! Это уж твое дело, молодое!

Было еще рано, когда дед с внуком собрались в путь. До царского дворца надо было идти полдня. Как ни мудрили, а все же взяли с собой серого, чтобы мог дед на нем доехать, когда устанет.

— Да он у нас крепкий — двоих повезет! — утешал себя Аблиукну, собирая осла в дорогу.

— Что же я, злодей какой, чтобы мучить осла? — удивился Таннау. — Разве ты не заметил, что я никогда не сажусь позади тебя на сером ослике?

— А я думал, что это от озорства, — улыбнулся Аблиукну. — Дед говорит — садись, а ты хочешь сделать наоборот. Так всегда делают внуки, когда малы и глупы. А если это от жалости к животному, то честь тебе и хвала. Доброе сердце вложил Халд в тело моего внука!

— А ты видел, когда он это сделал? — спросил Таннау, лукаво улыбаясь.

Аблиукну очень верил в могущество Халда. А Таннау как ни старался, не мог понять, в чем сила этого бога. Он не столько верил ему, сколько боялся его мести и, чтобы умиловить страшное божество, молился перед сном.

Захватив с собой сырую глиняную табличку и острую бронзовую палочку, дед и внук отправились во дворец.

Позади Таннау плелся на привязи серый ослик, помахивая хвостом. Серый не любил утруждать себя и предпочитал выходить на прогулку без поклажи. Таннау давно уже заметил эту слабость своего ослика и тайком от деда часто таскал на себе тяжести, а осла вел на привязи без поклажи.

Было ясное осеннее утро, такое солнечное и бодрое, что душа ликovala и радовалась, сама не зная чему. Впереди сверкала снежной вершиной святая гора Эритиа. Казалось, что она приблизилась к городу Тейше-

баини, — так ясно были видны все складки на ее склонах, все вмятины на снежной шапке. Любуясь священной горой, Аблиукну вспомнил старинное сказание о том, как горные пастухи вот таким же ясным, солнечным утром увидели на вершине этой горы бога Халда в золотом венце из солнечных лучей.

— И что же сделал Халд, стоя на вершине священной горы? — спросил Таннау.

— Говорят, что он потребовал большую жертву, — ответил Аблиукну. — Жертву принесли, и Халд проявил милость. В том году много народилось ягнят, и все они выжили и пополнили тучные стада.

В полдень Аблиукну и Таннау достигли ограды дворца. За ограду их не пустили, и Аблиукну решил ждать, когда у ворот появится Иштаги. Слуги говорили, что наместник как раз в полдень объезжает поля и виноградники, где идет сбор урожая.

Им недолго пришлось ждать. Вскоре ворота раскрылись, и с пронзительным ржаньем вылетел резвый, в серых яблоках жеребец. Аблиукну кинулся к всаднику и просил его остановиться. Иштаги, сидя на лошади, выслушал старика и тут же распорядился провести его в сад.

— Мне не нужно твоего рисунка на глиняной табличке, — сказал он Аблиукну. — Я знаю твое мастерство и верю, что ты сумеешь сделать ножны еще лучше, чем у царя скифского. А птицу заморскую ты увидишь в саду. Ее привез нам гонец от правителя дальней земли. Она лежит в стороне, где солнце восходит.

Иштаги ускакал, а слуга повел старика и внука в царский сад.

— Вот так чудо! — воскликнул Таннау, увидев диковинную птицу. — Неужто перья такие пестрые? Кажется, что это ткань заморская на птице...

Старик уселся на траву и стал зарисовывать птицу.

— Но краски как запомнить? — сокрушался он. — Трудно мне стало, глаза непокорные, — говорил он Таннау. — Каких только камней не потребуется, чтобы царственную птицу украсить!

Таннау все приглядывался и повторял про себя:

— Пурпурные перья, а вот голубые, синие и совсем золотые... Тут и черные и желтые камни потребуются,—

говорил он деду, рассматривая пышный хвост и нарядные крылья птицы.

— Давай-ка знаки сделаем на табличке, чтобы краски повторить в камнях! — сказал с волнением дед. — Когда природа такое чудо сотворила, то и нас, быть может, осенит уменье.

Долго любовались они удивительной птицей, волшебными цветами и деревьями, каких не было нигде в Урарту.

— Поистине чудо-сад! — восхищался Аблиукну. — Но для кого он сделан, когда пуст дворец? Кроме Иштаги, здесь, наверно, никто и не живет.

— Есть здесь живое существо! — воскликнул удивленный Таннау. — Посмотри, дедушка, что делает этот мальчик, сидящий на дереве.

Аблиукну повернулся в сторону, куда указал Таннау, и увидел на дереве черную лохматую голову и злые навывкате глаза. Из-за зелени ветвей каждый раз протягивалась рука и швыряла в птиц камни. Мальчик был неловок, и камни летели мимо.

— Зачем ты бьешь птиц? — воскликнул удивленный Таннау. — Они никому не сделали зла и так красивы!

— А ты молчи! — ответил мальчик. — Это мой сад. Я могу и тебя избить камнями. Ты ничтожен, а я царский слуга. — И с этими словами мальчик снова швырнул камень и угодил в крыло птице.

— Уйдем отсюда, Таннау. Видимо, это сын Иштаги. Нам здесь больше ничего не надо. В этом саду водятся злые духи. Не ищи здесь добра. . .

Таннау молча пошел за дедом. Вслед им полетели камни.

— Боги жестоко наказали Иштаги, подарив ему такого скверного сына, — говорил Аблиукну. — Он еще мал, а так жесток, что готов уничтожить все живое. Никогда этот ребенок не встретит улыбки. Люди, увидев его, будут сторониться, как сторонятся чудовищ.

— Ты говоришь, что Иштаги наказан. Почему? — спросил Таннау. — Может быть, он обидел злых духов? Как ты думаешь, дедушка?

— Он обижает бедных людей, — ответил мрачно дед. — Он жесток с рабами, которые строили дворец, со-

оружали канал плодородия, создали прекрасные сады и виноградники. По всему Тейшебаини из уст в уста передаются страшные истории о его зверином сердце.

— А почему он к тебе добр, дедушка?

— А потому, что я ему нужен. Он боится Русы, которому тоже нужен мой труд. Вот почему он добр к нам, Таннау! Его доброта — это доброта волка.

— Не будем трудиться на Иштаги! — предложил Таннау. — Зачем нам делать красивые вещи для злодея?

— Мы должны их делать для царя Русы, — ответил Аблиукну. — Но даже если бы пришлось работать и на Иштаги, все равно никуда от них не уйдешь. Я тоже предлагал отцу Аплаю не делать золотых щитов для царя Аргишти — он был злой человек, в нем тоже жили злые духи.

— И что же сказал тебе Аплай?

— Он сказал, что на то воля богов, — ответил Аблиукну. — А мы, бедные люди, должны жить так, как велют боги.

— А разве боги велют уводить в рабство? — загорелся вдруг Таннау. — Разве Аплай был скверный человек? Почему его увели в рабство?

— Его увели как раз за то, что он был хороший человек, искусный мастер, — ответил Аблиукну, погладив голову Таннау своей шершавой рукой.

Они подошли к ручью, который весело струился по камешкам. Увидев, как ослик побежал с пригорка, чтобы попить прохладной воды, дед предложил внуку отдохнуть под старым орехом.

— Хороша вода! — восторгался Таннау, окунувшись с головой в ручей. — Я давно не пил такой вкусной, прохладной воды.

— Это вода необыкновенная, — согласился Аблиукну. — Она памятна мне с юности. Я никогда не забуду этого ручья.

— А чем она памятна тебе? Расскажи, дедушка, — попросил мальчик.

— Видишь ли, — ответил задумчиво дед, и его добрые серые глаза подернулись печалью, — вон там, у оврага, ручей был когда-то широк и полноводен, как маленькая река. Я часто ходил сюда купаться. И вот здесь я

встретил Таририю. Это было вскоре после того, как ассирийцы увезли Аплая из Мусасира. В наши края не дошло войско Саргона. Я долго ждал отца...

Первое время, когда я остался один, мне казалось, что солнце померкло и вечная ночь опустилась на землю. Я много дней бродил по винограднику голодный и несчастный. Слезы душили меня, мысли путались от горя. Я потерял веру в богов. Я думал: лучше бы и меня взяли вместе с отцом. Так прошло много дней. Ассирийцы давно уже покинули Мусасир, и люди, оставшиеся в живых, вернулись и занялись прежней работой. Не вернулся только Аплай. Мне сказали, что он увезен Саргоном. Так я и не дождался отца и остался один. Не знал, что делать, как жить...

Но вот как-то пришел ко мне сосед и предложил сделать ему котел. Бронза у него была. Я взялся за работу. Развел огонь в печи — то была печь Аплая — и стал работать. А вечером пошел к ручью помыться и рубаху выстирать. Только расположился я на камне, смотрю — идет девушка. Стройная, тоненькая, как молоденький кипарис; косы длинные, черные. Несет на плече кувшин и что-то напевает. Я сделал вид, что не вижу ее. Подошла она поближе, увидела меня — умолкла. Набрала воды в кувшин. А потом окликнула:

— Аблиукну!

Я поднял голову и увидел Таририю, дочь пастуха. Она ранней весной ушла с отцом в горы и теперь только вернулась.

— Таририя, — воскликнул я, — как хорошо, что ты уцелела!

— А почему ты печален, Аблиукну, почему не слышно твоей веселой свирели? — спросила она ласково.

— У меня горе большое, Таририя: ассирийцы увели Аплая. Теперь я один. — И я горько заплакал.

— Не печалься, Аблиукну, мы не оставим тебя, — сказала Таририя и так ласково на меня посмотрела.

Мы постояли молча: я с мокрой рубашкой в руках, а Таририя с кувшином воды на плече. А потом она протянула руку ко мне и сказала:

— Дай мне рубашку, Аблиукну, я зашью на ней дыры.

— А как я получу ее, Таририя?

— Я принесу ее тебе.

— Я буду рад, — сказал я так тихо, что она и не услышала, а только догадалась.

Ее добрые карие глаза засветились теплыми лучами, словно на меня глянули два маленьких солнца.

Утром Таририя принесла мне рубашку и свежих лепешек. Она почистила котлы, помыла кувшины, а когда все привела в порядок, сказала, что будет приходить и приносить лепешки.

— Ты ведь не умеешь их печь? — спросила она меня.

Я умел печь лепешки, но ответил, что мне не пришлось этого делать.

— А зерно я заработаю и сам на зернотерке размельчу, — сказал я девушке.

Мне хотелось получить побольше зерна пшеничного, очень захотелось помочь Таририи. Я хорошо поработал и быстро сделал котел. А потом разыскал десять незаконченных бронзовых чаш. Я решил их доделать, чтобы получить за них много зерна.

Мои чаши уже были готовы и сверкали как золотые, когда я снова услышал шаги Таририи. Она легко ступала в своих маленьких соломенных сандалиях.

— Как хороши чаши! — воскликнула девушка, входя в дом. — Как они блестят! Ты искусник, Аблиукну! Кому ты их отдашь?

— Да вот не знаю, кому отдать, — ответил я и покраснел. Меня обрадовала похвала этой хорошей девушки.

— А я придумала, — сказала Таририя, внимательно рассматривая чаши. Она ударяла по ним деревянной палочкой, и чаши отвечали ей разными голосами. — Как они звенят!.. Ты отнеси их богатому купцу, который вчера вернулся из Согдианы. Он привел целый караван верблюдов, и на каждом — тюки всякого добра. Попроси у него зерна пшеничного и еще что-либо — кусок шерсти на рубаху или сандалии из кожи.

— А ведь ты права, Таририя! — согласился я.

Я пошел к богатому купцу и показал ему свои чаши. Его маленькие, словно смазанные маслом глазки так и засверкали.

— Я возьму твои чаши, — сказал он. — Говори, что тебе надобно.

Я попросил горшок зерна и шаль заморскую: захотелось мне Таририи принести подарок. Но купец закричал, замахал руками и сказал, что зерно даст, а шали не даст.

— Тогда и чаши не получишь! — сказал я решительно и собрался унести свое добро.

Когда увидел купец, что я в обиду себя не дам, велел отсыпать мне горшок зерна, а затем принес мне и шаль. Да какую шаль! Точно сотканную из лунных лучей. Никогда я не видел такой красоты!

Словно на крыльях полетел я к дому своему. Таририя уже ждала меня. Когда она увидела эту шаль, так и замерла от восторга. Все отказывалась, не хотела надеть, но я упрямился. Надела она шаль и еще прекрасней сгла.

Мы подружились с Таририей. Целый год она помогала мне, заботилась о моем хозяйстве. То добрым советом поможет, то делом каким. Привык я к ее ласковому голосу, к заботам...

Но вот раз пришла Таририя опечаленная. Долго молчала, только смотрела, как я работал — ручку для кинжала отделявал. А потом сказала, что собрался отец ее на новые пастбища, далеко от наших мест; покидают они свой дом и больше не вернутся сюда. Сердце мое так и замерло...

— Как же быть? — спросил я свою подругу. — Как буду я жить без тебя?

Таририя молчала. Грустными были ее глаза, никогда я не видел в них такой печали. Что она могла ответить мне?

Я всю ночь не спал, а наутро решил пойти к отцу Таририи и узнать свою судьбу. Надел я чистую рубаху, волосы причесал и пошел. Сердце билось — казалось, не удержишь его в груди. Разные слова я придумывал для разговора с пастухом, а когда перешагнул порог его дома, все из головы выскочило. Как увидел я отца Таририи, так и забыл все умные речи, что ночью придумал. Я сказал только то, что сердце мне подсказало.

— Добрый сосед, — говорю, — ты знаешь отца моего

Аплая. Хороший был он мастер, знаменитый. Я кое-чему у него научился... Оставь мне Таририю! Вместе будем с ней жить, вместе хозяйство вести будем. Через год я накоплю всякого добра и отдам тебе достойный выкуп. Тогда и свадьбу сыграем.

Сказал я это и протянул руку пастуху. Вдруг, думаю, не даст руки, тогда хоть сквозь землю провались. А он подал руку и смотрит на меня с доброй улыбкой. Был он черен и космат, как чудовище, а глаза у него были добрые, как у Таририи.

— Оставлю, если заботиться будешь, — сказал пастух. — Да что вы есть будете? Одну только корову могу дать моей Таририи.

— Вот и хорошо! — сказал я радостно и весь засиял, как заря на восходе. — Нам ничего не надо. Мы всё добудем своими руками.

Так и было. Сыграли мы свадьбу, и завелось у нас доброе хозяйство.

Зажили мы счастливо и двух дочерей растили — красавицы были, как Таририя. Промчались годы, и дождалась мы свадьбы старшей дочери, Шамзи. Потом внук Таннау родился. А Таририя все не старилась... Помню, мне поручили сделать статую богини красоты. Я сделал ее, глядя на мою дорогую подругу. Я не посчитался с тем, что обычай старины требует лепить статуи по готовым слепкам, — не полагается иметь образцом живого человека. Я отступил от обычая, зато статуя получилась такая, какой никто в мое время не смог сделать... А дальше ты знаешь, — сказал Аблиукну и тяжело вздохнул. — Я уже рассказывал не раз. Тебе было меньше трех лет, когда горе свалилось с неба. Все погибли от черной болезни. Каким-то чудом остался ты в живых. А меня она не коснулась, будто я был заколдован... — Аблиукну умолк и долго смотрел в ту сторону, где когда-то встретил Таририю.

Мальчик отвернулся, чтобы не видно было, как его опечалил рассказ деда.

— Но нас двое, — сказал Аблиукну, как бы страшивая горе и усталость.

Он встал, потянулся и по-юношески быстро взобрался на дерево.

— Ну-ка, наберем орехов! Посмотри, как много их здесь. Вот когда я тебя угошу!

— А я угошу тебя царскими яблоками, — сказал Таннау, вытаскивая из рукава рубахи румяные, сочные яблоки. — Когда я увидел злобного мальчишку, я решил, что это сад дьявола и боги не рассердятся, если я нарву яблок для своего деда.

Они посмеялись друг над другом, дед и внук, и пошли домой.

* * *

Уже много дней трудился над ножнами Аблиукну. Рисунок, сделанный в царском саду, помог ему хорошо выполнить чеканку. Но самое трудное было впереди: надо было умело подобрать по цветам драгоценные камни, а затем вставить их. Долго думал Аблиукну, как это сделать лучше. Наконец придумал.

— Да мы с тобой совсем поглупели! — воскликнул он как-то, обращаясь к Таннау, занятому крылатым львом. — Не проще ли будет закрасить разными красками золотые ножны и по цветному следу вставлять камни?

— Вот как ты придумал! — обрадовался Таннау.

Он оставил свою работу и пошел за красками. А дед тем временем занялся камнями. Он вытащил мешочек и высыпал на стол камни. Таннау так и ахнул, когда увидел сверкающие самоцветы.

— Откуда они, где их берут? — воскликнул восхищенный мальчик. — Что за красота! Это украшение богов!

— Ты хочешь знать, откуда они, мой мальчик? — спросил Аблиукну. — Я расскажу тебе все, что знаю, но это будет невеселый рассказ... Говорят, что вот этот прозрачный сверкающий камень рожден ветром, воздухом и небесным светом. Он так красив, что мы готовы поверить в это. Но есть люди, которые знают истину. Они говорят, что этот камень — застывшие слезы рабов, тех рабов, которые трудились на царей много веков назад. Слезы эти застыли и превратились в прекрасные камни. В них светится душа людей. Когда носишь такой камень на груди, он становится розоватым и теплым. —

Старик восхищенно смотрел на кусочек блестящего горного хрусталя.

— Почему это так? — спросил Таннау, зачарованный таинственным рассказом деда.

— Я думаю, потому, что, согретый теплом человеческого тела, камень начинает оживать. — Аблиукну любовался чудесными камнями и продолжал: — А вот смарагды. Они зеленей весенней травы, свежи, как гроздь винограда, покрытые утренней росой. Видишь, как они красивы на солнце... Но и в тени они не меняются. А вечером, при светильнике, эти камни будут так же зелены и блестящи. Добыть их очень трудно. Говорят, что у синего моря есть гора смарагдовая. Путь к ней преграждают скалистые ущелья. Не всякий пройдет туда. Но когда цари приказывают, рабы идут. Идут и гибнут. Иные добираются до высокой горы, где есть смарагды, и тяжким трудом добывают камни. В стужу и дождь им негде укрыться. Хорошо, если попадутся горные бараны, — тогда эти бедные люди сдирают с баранов шкуры и делают себе одежду. Нелегко добыть этот красивый камень! И все же его добывают. Есть в нем сила великая. Говорят, что если перед змеей подержать смарагд, то из глаз ее польется вода и она ослепнет. Можно надеть на палец кольцо с этим камнем, и ядовитые гады не тронут тебя. Говорят, что смарагд вылечивает от черного кашля, от которого нет спасения.

— Эти камни есть и в Египте, — продолжал Аблиукну. — У берегов священного Нила, в пустыне, далеко от плодородных земель, там, где палящие лучи солнца могут сжечь все живое. Когда я был юношей, — вспоминал Аблиукну, — я дружил с одним рабом из Египта. Это был искусный мастер-ювелир, но судьба его несчастливая: его взяли в плен ассирийцы, а через несколько лет он попал в плен к урартам. Жил он в тростниковой хижине, получал по одной просяной лепешке в день и на крошечном очаге делал разные замысловатые сплавы для амулетов. Знатные воины царской охраны верили в силу его амулетов и приносили ему камни, чтобы украсить медных птиц и серебряных зверьков, наделенных чарами. Сплав был дешевый, а камни очень ценные. Воины всякими способами добывали камни и приносили

их Тутмосу — так звали египтянина. Он трудился для них целыми днями и ничего не получал за труды. Голодал постоянно. Худой и желтый, он был похож на иссохшее дерево. Я жалел Тутмоса и приносил ему еду. Боялся, как бы не умер. Египтянин всегда радовался моему приходу и каждый раз рассказывал мне всякие истории о своей стране. Больше всего он любил рассказывать о камнях. Он верил в их чудодейственную силу...

Вспоминая о Тутмосе, Аблиукну тем временем отделивал ножны. Для каждого камня приготовил маленькое гнездышко точно такого размера, каким был камешек. Он работал медленно и очень тщательно, чтобы не ошибиться. Таннау, увлеченный рассказами деда, оставил своего крылатого льва и всячески старался помочь деду. Ему хотелось все узнать об этих таинственных камнях. Он тенью бродил за дедом и все спрашивал.

— Расскажи еще о Тутмосе, — просил мальчик.

— А разве я не рассказывал тебе о скарабее? ¹ Это священный жук. Тутмос очень гордился своим скарабеем. Он сделал его из священного египетского камня. Представь себе синий камень с маленькими золотыми звездочками — точно кусочек неба над Нилом. Тутмос говорил, что скарабей приносит ему счастье; он носил его на груди. А я ему завидовал, что у него есть скарабей, который приносит ему счастье. Я и не подумал о том, что никакого счастья у него не было.

— Да и вправду не было, — согласился Таннау. — Какое же это счастье — в рабстве?

— Счастье разное бывает, — ответил задумчиво Аблиукну. — Тутмос думал, что он счастлив уже тем, что занимается любимым делом и свободно ходит вокруг своей хижины. А в Ассирии его держали в колодке и был он закован бронзовой цепью. Это ведь хуже?

— Хуже, — согласился со вздохом Таннау. — Бедный Тутмос!

Когда все камни были подобраны, Аблиукну увидел, что совсем не нужны рубины. А были они очень хороши.

¹ Скарабей — фигурка священного жука из ценного камня или обожженной глины. У египтян скарабей служили амулетами, печатями и медалями.

— Вот эти нам понадобятся для нашей птицы, — сказал старик, показывая на синие, желтые и зеленые камни, отложенные для работы. — А вот эти мы используем для царского кубка. Как ты думаешь, Таннау?

— Мне нравятся красные камни для кубка, — согласился Таннау. — Надо только придумать рисунок для чеканки, чтобы был этот кубок очень красивый.

— Я вижу, ты дорожишь честью деда, — сказал ласково Аблиукну. — Это хорошо! Значит, и сам будешь с честью свою работу выполнять.

Старик приготавливал клей.

— Сегодня я использую секрет Тутмоса, — сказал он, лукаво поглядывая на внука. — Старый египтянин оставил по себе добрую память: секрет клея я от него узнал.

Теперь Таннау уже совсем не отходил от деда ни на шаг. Он смотрел, как дед смешивал разные порошки, прибавляя яичный белок и что-то из маленькой амфоры. Затем он все это долго грел на крошечном пламени светильника. Когда клей был готов, Аблиукну взял ножны и смазал гнезда, приготовленные для каждого камешка. Затем он быстро закладывал камни в гнезда и прижимал их маленькими щипчиками. Камни хорошо укладывались и уже не выпадали. В глаз птицы Аблиукну вложил превосходный желтый камень. Птица, казалось, ожила. Она была так красива, так сверкала своим чудесным хвостом, что Таннау не мог скрыть своего восторга.

— Клянусь печенью нашего ягненка, что ни один скифский царь не имел такого кинжала, с такими ножнами! — воскликнул Таннау, восхищенный замечательной работой деда.

— Надеюсь, что царь Руса будет доволен моей работой, — согласился Аблиукну, рассматривая кинжал и ножны. — А теперь помоги мне, Таннау, собрать оставшиеся камни. Ведь я расписку дал и за каждый камешек головой отвечаю.

— Расписку? — удивился мальчик. — Разве тебе не доверили камни?

— Доверить-то доверили, да не просто, — ответил,

смеясь, Аблиукну. — Посмотрел бы ты, как составлял расписку одноглазый Уаси! Как он дрожал над каждым камнем и угрожал мне смертью за пропажу самого маленького осколка!

— И что же он написал? — спросил Таннау, смеясь вместе с дедом.

— Все написал, — ответил дед. — На глиняной табличке все камни перечислил, заставил поставить мой знак, а затем при мне положил табличку в огонь, обжег, чтобы навеки сохранить мою расписку.

— Так ты не забудь отобрать эту табличку, когда отнесешь кинжал с ножнами, — напомнил Таннау. — С этим одноглазым злодеем надо быть осторожным.

Габбу, у тебя есть родина!

От Ниневии, столицы Ассирии, до столицы Урарту Тушпы много дней пути через горы, через бурные реки и дремучие леса. Нелегко было преодолеть этот путь даже на быстрых, сытых конях.

Но если трудно совершить этот путь на лошадях людям, хорошо одетым, сытым и вооруженным, то совсем трудно проделать его рабу, плохо одетому, голодному, без лошади, только с ножом и киркой. Нужно было иметь много мужества и отваги, чтобы решиться пойти в такой поход поздней осенью, когда дожди и ветры в горах мечутся, как злые духи. И все же Габбу пошел. Настал день, когда славный каменотес Габбу понял, что он должен вернуться на родину во что бы то ни стало, даже рискуя жизнью.

Что же заставило каменотеса Габбу решиться на побег? Что могло заставить Габбу оставить на чужбине старого Аплая, который был ему дороже всех на свете?

Сам Аплай заставил Габбу покинуть Ассирию и бежать в родные края. На то были важные причины.

Прошло много месяцев с тех пор, как Аплай начал лепить статую бога Шамаша. Он работал дни и ночи, но сделал все же мало. Больному, измученному старику такая работа была не по силам.

Для того чтобы ускорить работу мастера, жрец Шумукин позволил Аплаю расположиться под сводами храма, где стояла громадная статуя Шамаша, сделанная Аплаем десять лет назад. Глядя на нее, старик лепил новую статую и придумывал для нее новые украшения.

Жрецы привыкли к Аплаю и не обращали внимания на его согнутую спину. В те дни, когда в храм не приходили царедворцы, старик мог спокойно работать. Так было и на этот раз, когда жрецы храма, выполняя поручение Шумукина, сами делали запросы оракулу. После священной жертвы они прочли табличку, принесенную из покоев Асархаддона. Аплай был занят работой и не слушал их. Но вот до него донеслись слова, которые заставили старика внимательно прислушаться к речам жрецов. Они просили всесильного Шамаша дать ответ, успешным ли будет поход в Урарту, удастся ли разорить Тушпу и нарушить покой урартов. Жрецы спрашивали, богатая ли достанется добыча, и обещали великие жертвы богу, если поход принесет удачу ассирийцам.

Из дальнейших слов Аплай понял, что поход состоится весной и что ассирийское войско готово сразиться с урартами, чтобы могущество Русы не пугало великого Асархаддона и не мешало ему совершить поход на Египет.

Аплай понял замысел Асархаддона. Коварный ассирийский царь поддерживал дружбу с урартским царем и в то же время готовил неожиданное нападение. Старик призадумался. Его родине грозит опасность, он знает об этой опасности и должен предупредить о ней урартских полководцев. Но как это сделать? Он больной и немощный человек, но он не допустит, чтобы совершилось такое злодейство. Он должен отомстить ненавистным ассирийцам. Аплай должен был увидеть Габбу и во что бы то ни стало уговорить его бежать на родину. Доверие жреца Шумукина должно было ему помочь в этом.

На этот раз Аплай с нетерпением ждал прихода Шумукина.

— Ты плохо работаешь, — сказал жрец Аплаю, — я не вижу конца. Ты ждешь проклятья моего? Ты его получишь!

— Я немощен, как дитя, — пожаловался Аплай. — Боюсь, что покину землю прежде, чем будет готова статуя.

— О нет! — воскликнул Шумукин. — Ты не должен умереть. Боги отомстят тебе и подвергнут тяжким испытаниям. Ты должен сделать статую. Проси помощников или еды разной. Я всем помогу, только сделай статую, которая будет угодна владыке вселенной!

— А ты ведь прав, о великий жрец Шумукин! — согласился Аплай. — С помощником я, пожалуй, сделаю эту работу. Сумеешь ли ты сыскать мне в помощники Габбу, каменотеса, сильного раба? Он, как лошадь, здоров, я заставлю его делать всю трудную работу, и тогда статуя будет готова к сроку.

— Велю прислать раба, — обещал Шумукин. — Но если не сделаешь работу, прокляну тебя и отдам в жертву богам, помни об этом!

Аплай вздрогнул от ужаса, но ничего не ответил. Жрец обещал прислать Габбу, а это было сейчас самое важное.

Вскоре пришел и Габбу.

— Земля наших отцов в опасности, — сказал ему Аплай вместо слов приветствия, какими обычно встречал своего друга. — Коварный Асархаддон задумал поход на урартов. Что ты скажешь, Габбу?

— Возможно ли? — удивился Габбу. — Асархаддон говорил, что не хочет войны с урартами. Мне сказали об этом слуги, когда я работал во дворце.

— Он не хочет войны, а хочет легкой добычи, — пояснил Аплай.

Старик волновался и с трудом находил слова. Он рассказал Габбу обо всем, что узнал во время гадания жрецов.

— Ты должен бежать, Габбу! Ты сообщишь урартам о грозящей опасности. Только ты один можешь помочь родине!

— Поверят ли мне, беглому рабу? — усомнился Габбу. — Ведь там послы сидят ассирийские.

— Послы — ассирийские, а ты урарт. Как могут тебе не поверить! — настаивал на своем Аплай.

Габбу думал. Как он покинет в неволе старого Аплая! Как же быть? Возможно, что Аплай прав и в самом деле его побег поможет спасти города Урарту от разорения. Самые лучшие лазутчики Русы не смогут узнать об этой опасности.

— Габбу, у тебя есть родина, — говорил Аплай, видя нерешительность каменотеса. — Я стар и немощен, мне недолго осталось жить. Оставь меня и беги. Пожалей невинных детей, которых ассирийцы хотят сделать рабами! Снова будут гореть наши селения, снова будут разрушены наши храмы... Сам Тейшеба призывает тебя к побегу.

— Я согласен, — ответил Габбу, глядя на Аплая своими сверкающими, как угли, черными глазами. — Я готов бежать. Скажи только, как искать земли наши, куда идти. Мне путь неведом. Ведь я мальчишкой шел сюда с колодкой на шее — и ничего не запомнил.

— Я укажу тебе путь. — Аплай поднял с земли глиняную дощечку. — Я хочу начертить тебе твой путь через горы. Помни, что впереди, на северной стороне, тебе должна светить наша звезда. Она будет тебе путеводной звездой.

Старый Аплай старательно рисовал для Габбу план трудного перехода. Он объяснил ему, где лучше обойти острые, как иглы, вершины гор, как переправляться через реки. Все, что знал Аплай, все, что помнил, — узнал Габбу. Когда они обо всем договорились, старик дал Габбу добрый совет: избрать себе спутника, чтобы вместе переносить лишения, вместе добывать пищу и помогать друг другу в тяжком пути.

— Сам Тейшеба послал мне спутника, — ответил Габбу, вспомнив киммера Рапага, который говорил ему о своем желании бежать в горы.

Юноша Рапаг возил известняк на строительство царского дворца. Там его и встретил Габбу во время разгрузки камня. Как-то им вместе пришлось возвращаться на ночлег. Киммер рассказал тогда Габбу о том, что есть у него давняя мечта — бежать из Ассирии и добраться до синего моря, на землю своих отцов.

— Кто же ждет тебя там? — спросил его Габбу.

— Никто, — ответил киммер. — Мои родители здесь, в Ассирии. Их угнали в горы дорогу строить.

— Вот она, судьба раба! — вздохнул Габбу. — Отобрали у стариков единственного сына, а когда настанет для них время уйти в лучший мир, некому даже будет им глаза прикрыть.

— А знаешь, что сказал мне отец, когда узнал, что нас разлучают? — говорил Рапаг. — Он сказал: «Ты родился рабом, на земле врагов. Дай мне слово, что ты покинешь эту проклятую землю и вернешься на родину, к синему морю». Я дал слово.

— А как же ты уйдешь из-под кнута надсмотрщика? — спросил Габбу простодушного юношу.

— Я найду человека, который подобно мне загорится желанием покинуть землю врага, — ответил Рапаг. — Я буду терпелив и дождусь...

Габбу вспомнил юношу Рапага и подумал о том, что киммер может быть хорошим спутником.

Габбу понимал, что его побег может осуществиться только в том случае, если он будет полностью предоставлен Аплаю. Если же Шумукину вздумается отправить его обратно к строителям дворца, то убежать не удастся.

Ниневия раскинулась на громадном пространстве. Вокруг города высятся толстые, могучие стены и множество башен. Днем и ночью их охраняют стрелки. Стоит лучнику увидеть подозрительную фигуру раба, как он, не задумываясь, пускает вслед меткую стрелу. На высоких холмах высятся царские дворцы и храмы, а у подножия холмов ходят вооруженные до зубов воины. Многие из них постоянно объезжают город на лошадях. Что стоит такому всаднику догнать беглого раба! Что стоит ему проткнуть раба острым кинжалом!

Габбу обо всем помнит и все знает, и все же он должен решить, как лучше устроить побег. Он понимает, что жизнь его будет в опасности, опасности куда большей, чем грозила ему в цепях Асархаддона. Здесь, в рабстве, он был хорошим каменотесом, и никто из прислужников дворца не стал бы его убивать. Ассирий-

цы были прекрасными строителями и потому ценили умелых рабов. Они заставляли их работать до изнеможения, но не убивали. Так приказал сам Асархаддон.

Списки рабов хранились у царских писцов, и возле каждого имени было указано, что умеет делать раб. Когда женщины-рабыни рожали детей, их вносили в списки и следили за тем, чтобы начиная с пяти лет крошечный раб уже приносил пользу царю. Эти малыши, обреченные на вечное рабство, собирали небольшие камни в каменоломне, прислуживали в конюшне, на скотном дворе, в саду, были на побегушках. Они ютились в собачьих конурах и делили с собаками обглоданные кости. Нередко можно было увидеть смуглого, худого, как скелет, мальчугана, уснувшего на солнце-пеке рядом с большой собакой. Правда, ему недолго можно было наслаждаться покоем: он мог подремать лишь до тех пор, пока не попался на глаза царскому слуге или знатному воину. Пинком тяжелой ноги или ударом палки мальчугана поднимали и заставляли заняться делом. Тяжкой была доля раба, и все же рабы жили. И Габбу жил с ними, не умирал. А вот сейчас неизвестно, будет ли он жить. За побег раба наказывали мучительной смертью: одних сажали на кол, других привязывали к лошадям и разрывали на части. Габбу не знал, что ждет его впереди. Будет ли успешным побег, могли знать только боги.

Габбу готовился к побегу и в то же время работал вместе с Аплаем. В хижину старика провожал их служитель Шумукина, молодой уродливый ассириец с изрытым оспой лицом. Он всегда торопился и гнал их, как собак, чтобы шли быстрее.

Высокая стена отделяла хижины рабов от остального мира. После заката, когда рабы возвращались в свои убогие жилища, никто из них уже не мог попасть за пределы стены: охранники зорко следили за всеми.

Из этого двора еще никто ни разу не убежал.

В ночь накануне побега Габбу был уже готов. Он раздобыл себе железный нож, кирку и небольшой запас еды. Ему удалось повидать Рапага и сговориться с ним о встрече в белой пещере, которая находилась в овраге, где рабы добывали белый камень для построек. Овраг

был на окраине города, недалеко от высокой стены, за которой были хижины рабов. Габбу рассчитал, что темной ночью ему, быть может, удастся проползти незамеченным от стены до оврага. Киммер решил скрыться днем и оставить свою повозку на дороге, у реки, чтобы подумали, будто он утонул. Рапаг был хитер: он даже задумал оставить на берегу свою старую рубаху.

Настал прощальный час для Габбу и Аплая. Габбу было тяжело покинуть старого, больного друга. Он знал, что им теперь никогда уже не встретиться, и не находил слов для утешения. Аплай долго молчал. Он думал о том, как будет скрывать бегство Габбу, как будет дни и ночи трудиться над статуей, так трудиться, чтобы жрец Шумукин верил, будто старику помогает молодой, здоровый раб. Старик думал о том, что не увидит больше славного каменотеса, который стал ему сыном в рабстве. Слеза блестела на его единственном глазу.

— У тебя сил не хватит... — заговорил Габбу. Он старался скрыть свое волнение. Габбу знал, что старик готов на любую жертву, только бы помочь ему устроить побег.

— Сил мало, а сколько есть — все отдам, — возразил Аплай. И его глаз вдруг сверкнул, как в далекой молодости. — Я всю жизнь хотел бежать, всю жизнь ненавидел эти цепи... и не смог. Может быть, тебе удастся это?

— Как же я покину тебя? — взмолился Габбу. — Ведь ты мне отец!

— Я и люблю тебя, как отец. Я берег тебя, как отец, — шептал Аплай, сразу как-то осунувшись. — И все же ты покинешь меня. Я старый, немощный человек, я раб, а мысли у меня свободные. Они подобны вольной птице. Их не удержишь в цепях. Они не покоряются шакалам в облике царей. Они летят далеко, через горы, на родную землю. И ты пойдешь туда, в родные края... Я заклинаю тебя!

— Я пойду, — с трудом прошептал Габбу. Ком застрял у него в горле, мешал ему говорить. Печаль сжала сердце. — Пойду и все сделаю!

— Скажешь кому надо об опасности. Пойдешь во

дворец. Пусть войско урартов выйдет навстречу врагу, — наказывал Аплай. — Еще не забудь — разыщи моего Аблиукну, скажи, что и в рабстве отец молил богов о милости к сыну. Скажи, что Аплай умирал с мыслью о сыне, о родной земле...

В полночь друзья расстались, и Габбу, взяв свою корзинку, крадучись пополз к восточным воротам, где на страже стоял известный Габбу старый охранник. В дурную погоду он всегда прятался в подворотне.

Осенние тучи покрыли небо черной пеленой. Ветер гнет кроны деревьев, гудит где-то в ущелье, и гуденье это эхом отдается в горах. Габбу ползет в темноте и прислушивается. В каждом шорохе ему слышатся тяжелые шаги. Самое главное — не попасть в руки охраннику. Страшно, если попадешь! Ничтожный раб, что ждет его? Тотчас же загудит медный котел и сбегутся воины Асархаддона с горящими факелами в руках. Прежде всего сожгут волосы и бороду. Потом избьют и наденут колодки. Жизнь Габбу сократится тогда до нескольких часов. Его продержат только до рассвета, а потом — мучительная смерть. В эту минуту даже рабство покажется сладким сном. О, только бы не попасть в руки охраннику!

Габбу ползет и прислушивается..

— О боги, пошлите охраннику крепкий сон! — молит он.

Только бы выбраться за калитку, а там можно бежать, можно броситься в реку и нырнуть глубоко. Габбу старается утешить себя. Всюду охрана, всюду рыщут вооруженные воины царя. Как ни храбрится Габбу, а страх перед неизвестностью мучит его. Но вот и калитка. Он мгновенно поднимается и припадает к железному затвору. Днем ему удалось хорошо рассмотреть его. Но запор ведь может заскрипеть.. Габбу тихонько поднимает его, и тотчас же раздается скрип. Бедняга бросается на землю и уползает в сторону, а охранник, громко топая тяжелыми сандалиями, приближается к калитке. «Ветер это или злые духи?» — шепчет он и уходит.

Габбу снова поднимается и пытается бесшумно открыть замок. Он делает это так осторожно, что легкий

скрип железных петель сливается с шелестом листвы громадного каштана, стоящего здесь же, у ворот. Но в это время снова приближается охранник. Какое-то беспокойство овладело им. Он проверяет замок и чуть не натывается на Габбу, прильнувшего к земле. Темная ночь и гуденье ветра напоминают ему о злых духах. Охранник боится злых духов, он шепчет про себя молитвы и снова прячется от ветра.

Габбу поднимается и уже более уверенно открывает замок. Он осторожно отворяет калитку и затем прикрывает ее, чтобы не хлопала от ветра. Скорей! Скорей в сторону старого моста! Пока нет погони, нужно пробежать через мост, за мостом огород, за огородом большая дорога, а в стороне от нее светлым пятном выделяется известковый овраг. Там ждет его киммер. Киммер ждет, но доберется ли Габбу? Габбу бежит навстречу ветру. К счастью, темно и никто не повстречался на дороге. Но как пройти через мост? У моста Габбу останавливается и старается рассмотреть во мраке охранников. Обычно они ходят вдоль моста, а бывает, что стоят у перил и разговаривают. Как быть? Можно броситься в воду и переплыть реку, но всплески воды сразу же привлекут их внимание. Лучше ползти тихонько и медленно. Можно ведь проползти совсем рядом, и они не заметят. Габбу решается ползти через мост.

— О боги, — шепчет он в отчаянии, — сделайте небо таким же черным, как черно сердце Асархаддона!

Он ползет и шепчет молитвы Халду. Если охранник увидит его, он бросится в воду и нырнет. Если пройдет незамеченным, то принесет жертву доброму Халду. Обязательно добудет ягненка и отблагодарит бога за спасение. Габбу напряженно прислушивается. Кажется, что все тело превратилось в громадные уши. Шагов не слышно. Где же охранники? Не стоят ли они где-то здесь, рядом? А тьма такая, что ничего не видно. Только слышны всплески волн да шум ветра. Как длинен этот мост, когда же он кончится? Наконец-то Габбу ощутил мягкую дорожную пыль. Значит, мост позади, а охранники где-то на противоположной стороне. Какое счастье! Теперь он устремляется к огороду и несется подобно

молодой лани. Здесь никого нет, только ветер пляшет среди увядших трав. Вот и дорога, а там светлым пятном выделяется овраг. Наконец-то! Габбу прыгнул в овраг и покатился вниз по гладкой дорожке, где сотни рабов каждый день таскают камни. Габбу бывал здесь много раз, он знает каждый уголок. Он знает, что здесь нет охраны. Высокая, почти отвесная скала считается неприступной, а он должен одолеть ее. Сегодня, впервые в жизни, ему может пригодиться искусство каменотеса. Никогда еще его мастерство не помогало ему жить, оно принадлежало врагам. А теперь другое дело. От его ловкости и умения зависит все — или свобода, или мучительная смерть.

В белой пещере каменотес свистнул. В тот же миг послышался легкий удар кремней и сверкнули искры. Киммер ждет его! На плече у него корзинка, за поясом две кирки, в войлочных пожах длинный железный нож. Все добыл, все сделал! Молодец Рапаг! Они спускаются на дно оврага и уверенно идут к противоположной высокой стене. Это почти отвесная скала, невозможно себе представить, как ее преодолеть. Но это надо сделать: за ней горы, а там — свобода!

— Теперь надо рубить ступени! — говорит Габбу, поднимая кирку. — Я буду нарубать ступени, а ты следуй за мной с поклажей. На тебе обе корзины и все, что у нас есть. У меня две кирки. Одной нарубаю, на другой держусь — и так попеременно. А ты ползешь по ступеням. Бояться нельзя — упадешь!

Первые несколько ступенек дались Габбу легко: камень был мягкий, податливый. Казалось, что ничего не стоит испещрить ступенями эту высокую стену. Но вот поднялись по нескольким набитым ступеням. Когда Габбу пришлось работать одной рукой, а другой держаться за заласную кирку, — работа пошла медленнее. Рапагу было также нелегко. Он с трудом поднимался по мелким ступеням с тяжелой поклажей на спине; каждую минуту ему казалось, что он сорвется. Он старался ногтями цепляться за пористый камень. «Боже, как страшно!» — шептал юноша в отчаянии.

Каждый шаг стоил больших усилий, но каждая вновь вырубленная ступень приближала их к желанной

цели. Свобода! Кто может понять, как это слово звучит для раба! Кто может понять душу беглецов, за спиной у которых цепи рабства и муки отчаяния, а впереди вольная земля, родина!

Надо спешить. Ни минуты промедления. Черные тучи все ниже спускаются к земле, и кажется, что дождь вот-вот зальет землю холодными потоками. Под дождем будет еще труднее подниматься.

— Торопись, Габбу, — шепчет киммер.

А ветер заглушает его слова, гонит всё новые и новые тучи.

— Боги, помогите!

Рапаг уже насчитал сорок семь ступеней, когда ливень хлынул, как из лохани. Беглецам, повисшим высоко над землей, стало совсем трудно держаться. Габбу, напрягая все силы, цеплялся за мелкие ступени своей большой ногой. Дождь слепил глаза, забирался за ворот рубахи, мешал работать. Порывы ветра шквалом налетали на них, словно хотели сорвать и унести отважных беглецов.

— Держись крепче! — Габбу старался перекрыть шум ветра и дождя. Чем труднее было взбираться вверх, тем яростнее работал Габбу своей киркой. — Мы пройдем! — кричал он киммеру, стремясь утешить юношу.

Рапаг шептал про себя молитвы и призывал на помощь всех известных ему богов. Юноша с ужасом думал о том, что настали последние мгновения их жизни. Но Габбу упорно двигался вперед, изредка подбадривая киммера словами утешения.

На семьдесят седьмой ступени Габбу радостно воскликнул:

— Мы спасены! Держись! — и протянул своему спутнику кирку. — Поднимайся, друг! — кричал Габбу изо всех сил. — Здесь уже ровная площадка и кустарники.

Друзья свалились в кусты и обнялись. Высокая, отвесная скала, которая столетиями считалась непреодолимой, была под ними.

— Мужество твое поддерживало мой слабый дух, — признался киммер, снимая с плеч тяжелую поклажу. —

Когда пошел дождь и стало трудно держаться на скользких ступенях, я думал, что все кончено.

— Но ты должен помнить, что это только начало, — ответил, смеясь, Габбу.

Он с наслаждением протянул ноги и, не обращая внимания на ливень, улегся между кустами на мокрую землю. Теперь он только почувствовал страшную усталость во всем теле и особенно в ногах. Рапаг меньше устал. Он предложил Габбу разжечь костер.

— Еще не кончилась первая ночь, а я уже рад тому, что не один, — сказал Габбу, тронутый заботой товарища. — Нам еще рано сидеть у костра: нас могут искать. Лучше пойдем в темноту... куда придется... подальше от врагов. И они пошли к горам. Когда сквозь пелену дождя едва забрезжил мутный рассвет, беглецы увидели обширную поляну, сплошь заросшую кустарником. За ней были те самые горы, которые казались из долины совсем близкими.

Весь первый день был потрачен на то, чтобы преодолеть высокий перевал. Зато к вечеру, когда небо прояснилось и заходящее солнце окрасило вершины своим алым заревом, Ниневия уже была за горами. Можно было и отдохнуть.

Трудно передать состояние друзей, когда они уселись у горящего костра и вытащили запасы еды. В медной чаше закипала вода. Еда казалась такой вкусной, как никогда прежде. Это были первые счастливые часы на свободе. Они с наслаждением съели горячую просяную похлебку и хорошенько согрелись, прежде чем оставить этот чудесный костер. Габбу решил двигаться вперед до тех пор, пока не стемнеет. Он боялся, что надсмотрщик обратит внимание на зарубки, сделанные в отвесной скале оврага. Рапаг уверял, что эти зарубки никто не заметит, так как они сделаны в стороне от того места, где сейчас добывают камень. Он уверял Габбу, что никому не придет в голову осматривать неровную поверхность скалы, да и кто мог узнать об их побеге! Ведь Габбу числится за Аплаем, а Рапаг бросил свою тележку у реки, и легко подумать, что он утонул во время купанья. Они шли до полной темноты и как мертвые свалились на ночлег под высокой скалой.

Был десятый день пути. На закате беглецы остановились у маленького горного ключа, затерявшегося в траве и кустарниках.

— Вот здесь мы останемся на ночлег, — сказал Габбу, освобождаясь от поклажи. — Сегодня я сделаю десятую зарубку на своей палке.

— Всего десять дней, как мы покинули Ниневию? — удивился Рапаг. — Мне кажется, что я всю жизнь провел в этих горах. Я уже стал забывать свое рабство и палку надсмотрщика. Я радуюсь каждому дню своей жизни! Я приветствую солнце, как птицы в лесу!

— А жить-то как хорошо! — воскликнул Габбу. — Свобода! Свобода! Посмотри вокруг, как прекрасна земля. Ведь мы не видели ее в рабстве.

Габбу бросился на землю и, зарывшись в траву, целовал ее.

— Жизнь — великое благо, — говорил он задумчиво. — Только не в рабстве. Боги мудро создали землю, но зачем им нужны рабы?

Рапаг молча слушал Габбу и смотрел, как ловко каменотес налаживает капкан. Он сделал его как-то на привале. Юноша больше не думал о рабстве, он радовался своей свободе и учился уму-разуму у мудрого Габбу.

— Ты каменотес, Габбу, а многое умеешь и охоту знаешь! — удивлялся юноша. — Кто научил тебя мудрости жизни?

— Мой отец, Нарагу, — смеялся Габбу, показывая свои ровные белые зубы. — Он всегда говорил: «Человеку нужны умелые руки». Он всему учил меня: и резцом по камню работать, и капканы ставить, и тому, как искать дорогу в лесу, если заблудился. Но я ленив был, работать не торопился. Бывало возьму резец в руки и призадумаясь. А отец подойдет и скажет с усмешкой: «Откуда у меня такой сын? Словно царевич, предается лени. От молотка и резца бежит». И тут же начинал рассказывать сказку о ленивом работнике, который возомнил себя царевичем и от голода пропал. Мне становилось стыдно за свою лень, и я бросался на работу, как зверь на добычу. А на охоту любил ходить, хоть был я мал и глуп.

— Хорошо, что ты вырос на воле, — вздыхал Рапаг, — а я вот в цепях ничему не научился. Едва на ногах стоял, как уже попал в каменоломню.

— Собери хворост для костра, а я пойду капканы ставить, — предложил Габбу.

Габбу поймал мышонка, посадил его в капкан для приманки и пошел вверх по ручью искать следы зверька. Хотелось поставить капкан наверняка, чтобы утром иметь добычу. Каменотес, насвистывая, брел среди зарослей осеннего леса, когда вдруг услышал страшный крик. Кричал Рапаг. Что могло случиться с ним? Неужто зверь какой напал?

Габбу бросил капкан и изо всех сил побежал к месту стоянки. Он кубарем скатился с пригорка и прямо через кусты кинулся к тому месту, где Рапаг укладывал хворост для костра. Ужас сковал ему руки и ноги: Рапаг был повален громадным медведем, который с рычаньем раздирал ему колено. Еще одно мгновение — и медведь раздерет лицо своей жертвы. Габбу схватил кирку и бросился спасать товарища. Яростный удар в голову зверя... Медведь со страшным рычаньем набросился на Габбу, но ловкий Габбу увернулся. Он выхватил из-за пояса острый нож и в тот момент, когда зверь снова бросился на него, вонзил нож в брюхо медведя. Зверь рухнул на землю. Габбу склонился над Рапагом. Колено киммера было разбито и изранено. Рапаг лежал бледный и тихо стонал.

— Ты жив? — Габбу приподнял голову Рапага.

— Ничего, — прошептал киммер.

И тут Габбу вспомнил, что охотники обычно лечат раны салом убитого животного. Он распорол брюхо медведя, вырезал у него толстую полосу горячего сала и приложил к развороченной ране. Затем он оторвал у себя подол рубахи и перевязал колено. Рапаг стонал от боли. Слезы катились из глаз, выдавая его страдания.

— Теперь мне никогда не вернуться в страну моих отцов! — шептал горестно юноша. — Боги жестоки...

— Не горюй, сам же медведь тебя вылечит, — утешал его Габбу. — Вот посмотришь, как целебно горячее сало медведя.

Габбу устроил мягкую постель из листьев и трав и осторожно уложил юношу. Потом он вырезал кусок сочного медвежьего мяса и, поджарив его на костре, накормил Рапага.

— Когда ты будешь сыт, — сказал он юноше, — злые духи не посмеют войти в твое тело. А ночью я буду их отгонять песней.

Габбу верил, что в тело человека забираются злые духи, которые терзают больного и заставляют его стонать. Он с детства помнил, что злых духов выгоняют громкой песней и хорошей едой.

Много забот появилось у Габбу. Надо было содрать шкуру и разделать медвежью тушу, чтобы мясо подсушилось на солнце и сохранилось надолго. Нужно было сделать хижину из прутьев, чтобы укрыться в ней от дождя и зверей. Габбу понимал, что теперь не скоро удастся покинуть эту стоянку: не так-то просто залечить израненную ногу Рапага, а покинуть Рапага нельзя — он может погибнуть в лесу.

Всю ночь Габбу жег костер и всю ночь плел стены для хижины. Он старательно вспоминал песни, которые слышал в детстве, и его могучий голос звенел в темном лесу, пугая спящих птиц.

— Оставь меня, Габбу, иди вперед! — просил его юноша, когда прошла мучительная ночь. — Я буду лечиться и, если смогу, сам дойду до синего моря. А если не смогу, значит на то воля богов.

— Ты не знаешь каменотеса Габбу, если предлагаешь мне бросить друга в беде, — отвечал Габбу, сурово глядя на юношу. — Ничто не разлучит нас, пока мы не достигнем цели. К весне мы доберемся до Тушпы. А нам важно лишь опередить ассирийцев.

— Ты послан мне вечерней звездой, — говорил растроганный Рапаг. — Я никогда не забуду тебя!

К полудню следующего дня, когда на палке было одиннадцать зарубок, Габбу поставил стены хижины и покрыл их громадными листьями дикого растения. Высоко на дереве было уложено на ветвях медвежье мясо. Киммер лежал на мягкой постели и смотрел, как Габбу плетет сандалии из стеблей сухих трав.

— Золотые руки у тебя, Габбу! — восхищался Ра-

паг. — Мне кажется, что нет такой вещи, которую ты не смог бы сделать своими руками.

— А вот дома своего не смог построить, семью не смог завести. Погибла в рабстве моя молодость! — ответил Габбу. — Руки мои принадлежали злобным царям Ассирии.

— Ты прав, Габбу, — согласился киммер. — Но все же не твоя в том вина: боги так задумали.

* * *

Дни проходили в труде и заботах. Габбу постоянно находил себе работу: то крышу подправит, то за сухими травами для постели сходит, то капканы ставит. Габбу уже удалось поймать лисицу и двух барсуков. Хотелось побольше шкур заготовить, чтобы сшить на зиму теплую одежду. Дни становились холоднее, и дожди зачастили: надо было готовиться к зиме. Габбу беспокоилась о крыше для хижины. Он долго выбирал прутья и стебли диких трав и наконец засел за какое-то сложное плетение.

— Хочу сделать крышу, чтобы не мокнуть под дождем, — пояснил он Рапагу.

— А ты мне поручи эту работу, — предложил юноша. — Я уже могу повертываться.

Габбу радостно вскочил и стал осматривать ногу больного. Колено заживало, хотя рана была еще видна и двигать ногой было еще больно.

— Скоро пойдешь по горам, как молодой олень! — воскликнул Габбу. — Нога твоя скоро заживет, и мы вернемся на землю отцов, чтобы защитить ее от врага.

Габбу подал юноше стебли для плетения, показал, как лучше плести, а сам пошел на охоту.

За синими холмами был дремучий лес, там можно было хорошо поохотиться. Габбу тянуло туда, к могучим, развесистым дубам, к дикому орешнику и увядшим кустам жимолости. Осенний, увядший лес в золотой листве и в гроздьях дикого винограда, повисшего сочными синими кистями, был необыкновенно хорош. Здесь вспоминалось счастливое детство, здесь Габбу думал о родине, которую смутно помнил и больше знал по

рассказам Аплая, чем по памяти. Когда Габбу думал о родной земле, то прежде всего представлял себе могучие горы, дикие скалы и маленькие домишки, сделанные из обломков камня. Найдет ли он эти горы, эти камни?

Когда на палке Габбу появилось тридцать пять зарубок, Рапаг уже мог сидеть, но ходить еще нельзя было. Друзья поняли, что они смогут уйти только через два-три месяца. Надо было здесь зимовать.

Юноша-киммер все чаще возвращался к разговору, который сердил Габбу: он просил Габбу оставить его в этой хижине и уйти вперед, не дожидаясь его.

— Мы должны прибыть в родные края ранней весной, — отвечал Габбу. — Мы доберемся туда до весны, я уверен в этом. А оставить тебя я не могу. Или ты думаешь, что у меня сердце гиены?

Решение остаться на зиму заставило Габбу призадуматься над тем, как сделать светильник, из чего приготовить стрелы для охоты. Он долго бродил по лесу и нашел наконец обломки гранита. Резец и молоток были у Габбу, и онигодились каменотесу. Из круглого камня он выбил превосходный светильник, а из продолговатых камней сделал наконечники для стрел. Медвежье сало давало хороший, ровный свет в каменном светильнике. Теперь можно было целыми днями сидеть за обработкой стрел. Это занятие было особенно приятно Габбу в дождливую погоду, когда ливни загоняли в норы даже зверей.

Вооруженный луком и ножом, одетый в теплую рубаху из звериных шкур, Габбу мог часто уходить в лес. Он с удовольствием шагал в дождь и холод и думал о том, как хорошо жить на свободе. Далеко в молочном тумане были видны очертания гор. Габбу думал о том, что это его горы, он — единственный хозяин этих гор. Нет жестоких царей, которые могут его заставить работать на себя, могут выколоть глаза и отрезать уши. Вот он убьет оленя и накормит больного друга. Убьет барана и принесет его в жертву Халду. Сколько раз он мечтал о таком счастье для старого Аплая, но жизнь в рабстве жестока, и ему не удалось порадовать старика. «Будь прокляты цари!» — думал Габбу.

Уже кончался первый месяц зимы, когда Габбу согласился собираться в поход. Нога Рапага зажила, и юноша свободно ходил, не жалуясь на боль в колене. Габбу приготовил большие запасы мяса и разных шкур для одежды. Из меха дикой козули друзья сшили себе теплые сандалии, из бараньих и лисьих шкур сделали шапки и одежду. Габбу сложил на деревянные полозья запасы пищи. Он оделся в пестрые меховые шкуры и стал похож на чудовище. Друзья простились с гостеприимным лесом, где они узнали и горести и радости, и пошли к горам. Теперь их не пугали зимний путь, снега и бураны, они уверенно шли к намеченной цели. Где-то далеко за высокими горами была родная земля.

* * *

Прошло много дней тяжелого пути в горах. Выюги и снежные заносы словно преследовали беглецов. Даже в теплой одежде они страдали от холода и бывали рады провести ночь в пещере. Рапаг таскал с собой вязанку хворосту, чтобы в случае встречи с диким зверем разжечь костер. Такой костер спас их от злобной рыси. Она бы разорвала беглецов, но пламя костра остановило ее. Рысь скрылась, свирепо рыча.

Как-то после трудного перехода по краю высокой скалы Габбу предложил Рапагу расположиться в маленьком гроте, где было не так ветрено и можно было укрыться от снежной метели. После утомительного дня пути маленький грот казался самым удобным местом на земле.

Но едва только они расположились, как услышали тяжелые шаги, а затем говор, и в грот ввалилось трое охранников, видимо из тех, что стояли в карауле на большой дороге. Дорога проходила у подножия скалы, и подняться сюда было нетрудно. Габбу и Рапаг знали, что такая охрана есть на всех дорогах, и они тщательно ее обходили. А вот сейчас забрались в темный грот и не заметили остатков костра. Что же делать? Охранники уселись вокруг погасшего костра и с проклятьями стали его разжигать.

— Попадись нам эти беглые ублюдки, — говорил

один из них, здоровенный, широкоплечий ассириец, — я бы превратил их в мясную похлебку!

— Из-за них мы мерзнем под снегопадом, — прогудел второй, низкорослый воин с большим копьём в руках.

Охранники старались раздуть пламя маленького костра, но сырой, промерзший хворост не загорался и мерцал едва заметными бликами.

— Эти похуже волков, — сказал шопотом Габбу. — Надо их убрать. Тыпустишь стрелу в того, который сидит справа, а я нападу с киркой на того здорового парня, что сидит к нам спиной. Младшего мы свяжем. Видишь, он отставил копьё и раздувает костер. Надо торопиться. .

Пользуясь полумраком, Габбу тихонько пополз к сидящим у костра. Костер еще не разгорелся, когда старший из охранников с криком свалился, пронзенный стрелой, а сидящий рядом с ним медленно повалился от сильного удара киркой по голове. Младший едва успел подняться, как на него навалился Рапаг. Воин был силен и пытался схватить киммера за горло, но ловкий юноша крепко прижал его к земле. К нему на помощь подоспел Габбу.

— Теперь бежим! — прошептал взволнованный Габбу.

Беглецы шли через горы, которые отделяли Ассирию от царства Урарту. Когда небо бывало ясным и безоблачным, друзья видели впереди свою путеводную звезду. Эта звезда, по приметам Аплая, должна была привести их на землю отцов.

Габбу постоянно следил за звездой и всегда радовался, когда небо прояснялось и можно было найти эту яркую звезду.

Киммер шептал молитвы, благодарил богов за то, что звезда следует за ними и ведет их к цели. Юноша никогда прежде не думал о том, как труден может быть путь в горах, где никто не живет и нет проложенных троп. Иногда он говорил Габбу:

— Мне кажется, что мы никогда не достигнем цели. Боги отвернулись от нас.

— Боги милостивы, — отвечал Габбу, — иначе они бы давно уже заморозили нас в пути. А мы все же в теплой одежде и нас не мучает голод.

Однако запасы мяса иссякали, а добычи не было и не предвиделось. Габбу стал экономнее расходовать пищу. Теперь они довольствовались крошечным кусочком мяса и горстью диких сушеных ягод. Они шли среди голых скал, где не было ни дерева, ни кустарника. Не на чем было согреть воды, негде было согреться. Счет дней они давно уже потеряли, потому что палка с зарубками осталась в гроте.

Прошло еще несколько дней, и настал час, когда Габбу поделил последний кусочек мяса.

— Это все, — сказал он Рапагу. — Надо искать корни диких трав, иначе погибнем в горах.

Беглецы шли по длинному, узкому ущелью. Здесь было меньше снега и кое-где встречались засохшие кусты каких-то диких трав. Габбу стал их выдергивать и рассматривать корни. Они были мелкие и жесткие. «Не подойдут», — говорил он про себя.

Но вот Рапаг вытащил сухой куст с небольшими клубнями, величиной с орех. Он очистил их от земли. Клубни оказались довольно сочными и чуть сладкими. Тогда он подал Габбу найденный куст, и они стали искать такие кусты, чтобы запастись клубнями этого растения. Друзья набрали целую корзинку диких клубней и, поев их вдоволь, пошли дальше, довольные своей находкой.

Они вышли из ущелья и остановились в удивлении. Перед ними вдали, освещенные лучами заходящего солнца, высились стены красивого города. Габбу сощурил глаз и пристально вглядывался в остроконечные башенки, окруженные могучими стенами.

— Что за невидаль? — удивился Габбу. — Чудо город! Кто здесь живет? Куда мы попали?

— Это богатый город, — сказал уверенно Рапаг. — Видишь, там поодаль, за главным дворцом, видны еще какие-то крепости. Их много, и все на горах, чтобы отбиваться от врагов. Вот и пришли неожиданно!

Габбу не спускал глаз с высоких стен и башен.

— Аппай не говорил мне о том, что мы попадем в такой город. Или он построен недавно?

Габбу шел по направлению к городу так быстро, что Рапаг едва поспевал за ним. Им казалось, что город

совсем близко, но, пройдя большое расстояние, они все еще были далеко от его красных стен.

— Плохо мы одеты! — беспокоился Габбу. — Сразу поймут, что мы беглые рабы и, пожалуй, вздумают отослать нас Асархаддону.

— А мы скажем, что мы бедные купцы, пострадали от набега кочевников, — предложил Рапаг.

— Вот что придумал! — смеялся Габбу. — Хороши купцы — с язвами от плетей и рваными ушами!

Они не дошли до города, когда уже стемнело и пришлось остаться на ночлег у подножия горы.

Небо было по-весеннему чистое и ясное, звезды так ярко мерцали, словно зажженные кем-то светильники.

— Мы правильно шли, — сказал Габбу, глядя в звездное небо. — Видишь впереди нашу путеводную звезду, она ярче всех других. Мне даже кажется, что она говорит нам: «Идите, люди, вы на верном пути».

Едва поднялось солнце, послав свои розовые лучи к вершинам гор, как вместе с ним проснулся и Габбу. Он разбудил киммера и предложил скорее идти к стенам города. Они стали подниматься вверх, но чем ближе подходили к стенам города, тем удивительней было все окружающее. Казалось, что никто здесь не живет. Ни кустика, ни травинки не было вокруг — одни голые камни. Не видно было ни птиц, ни животных.

— Что это такое? — удивлялся Габбу. — Почему не видно ни человека, ни твари? Можно подумать, что все вымерло. Здесь нет воды!

Рапаг молча шел за товарищем. Он уже не слушал его, а только пристально смотрел вверх, не покажется ли какое-нибудь живое существо. Наконец они подошли совсем близко, и Рапаг всплеснул руками.

— Да ведь это не стены и не крепости, — воскликнул он, — это просто горы! Боги смеются над нами! — сказал горестно юноша. — Мы так верили и так обмануты! — Он упал на голые камни и долго лежал, не поднимая головы.

Габбу безмолвно смотрел на удивительные башни дворца и глазам не верил. Это были просто горы причудливой формы.

— Поистине чудо, — сказал он с грустью. — Кто бы

мог подумать, что все это сделано без рук человеческих!

Он постоял немного, а потом схватил Рапага за руку и с криком: «Скорее вниз!» — потащил его за собой.

— Вот и нет города, — сказал он простодушно, раскладывая костер из сухих стеблей. — Погреемся у костра и пойдем дальше. У нас еще сохранилось немного клубней дикого кустарника.

Еще несколько дней путники брели среди причудливых гор, так живо напоминающих развалины замков. Иной раз им казалось, что они попали в мертвое, покинутое людьми царство.

Но вот начались горы совсем другие, не похожие на прежние. Голые и скалистые, с вершинами, подобными иглам, они казались непроходимыми. У подножия этих гор часто встречались зеленые поляны, покрытые прошлогодней, увядшей травой и кустарниками. Как-то Габбу увидел куст дикого винограда. Он бережно сорвал черные, засохшие ягоды и, поделив поровну с Рапагом, с жадностью съел их. Рапагу очень понравились ягоды, и он стал также искать дикий виноград. Так они подошли к быстрому ручью и только собрались перейти его вброд, как вдруг Габбу остановился в изумлении. Он зна́ком подозвал идущего вслед за ним Рапага и показал на чудесное видение. На другом берегу ручья паслось стадо овец. Не успел Габбу промолвить и слова, как услышал пронзительный лай собак и увидел, как верные сторожа стада кинулись к ним, предупреждая пастухов об опасности. Пастухи поднялись и стали смотреть вокруг. Когда они увидели странных путников, одетых в обрывки звериных шкур, им сделалось страшно. Они боялись подойти близко к удивительным созданиям, появившимся так неожиданно, словно их принесла эта черная, нависшая над горой туча.

Наконец старший из пастухов заговорил:

— Если вы люди, то скажите слово человеческое. А если вы чудовища, то воистину боги всемогущи. Отзовитесь!

Пастух говорил на языке, знакомом Габбу с детства. Это был земляк, человек с родной урартской земли. Габбу улыбнулся и ответил на таком же языке:

— Мы люди, мы такие же урарты, как и ты, добрый старик. Убери собак, и мы поговорим.

Когда они уселись у костра, Габбу, указывая на свою странную одежду, объяснил, что он урарт, бедный раб ассирийского царя Асархаддона, и бежал из Ниневии. Бежал вместе со своим другом Рапагом, чтобы предупредить опасность, грозящую урартам от нового нашествия ассирийцев. Он рассказал, что идет в Тушпу, а потом намерен побывать в Тейшебаини, узнать о судьбе своего отца, Нарагу, и о сыне своего друга Аплая.

— Если есть в вашем сердце жалость, то вы накормите нас и укажете, как быстрее добраться до Тушпы, — сказал Габбу в заключение своего рассказа.

Пастухи молча слушали, покачивая головой в знак своего удивления и сочувствия.

— Здесь частенько проходят беглые урарты, — сказал старик. — Как не помочь бедному человеку! Мы не оставим вас. Мы бедные пастухи, все наше богатство — вот это небольшое стадо овец, но мы поделимся с вами. Вот жирный барашек для вас. Режьте и ешьте досыта. Набирайтесь сил на дальний путь. А вот одежды для вас нет. Одежду добыть можно только дома, вон где... — И старик указал вдаль.

— Прими благодарность моего сердца! — ответил Габбу, низко кланяясь старику. — Мы утолим голод, потому что давно не ели досыта и очень истомились. А одежды не нужно — и так дойдем.

— Так нельзя, — ответил старик, покачав седой головой. — Вы похожи на чудовищ, и люди будут думать, что перед ними злые духи. Дурная молва опередит вас — станет вам поперек дороги. Вы снова попадете в рабство, если покажетесь так в городе. Будем думать, как вам помочь. А вы зажарьте барашка и ешьте.

Пока друзья жаривали мясо на костре, пастухи долго о чем-то спорили. Наконец они договорились, и когда Габбу с Рапагом поели, старый пастух подошел

к ним и предложил Габбу пойти с ним в селение, чтобы собрать там одежду.

— Ты прав, — согласился Габбу, — мы и в самом деле похожи на злых духов. Если бы добыть самые грубые, жесткие рубахи, мы были бы спасены.

— Так и сделаем, — сказал старик. — Пойдем с тобой в селение и поговорим с людьми.

Старик повел Габбу по едва заметной тропе. Габбу едва поспевал за ловким стариком — так по-юношески быстро и уверенно спускался он с горы, помогая себе палкой. Таких острых камней, таких отвесных скал Габбу не встречал на всем своем пути из Ниневии. Вдруг старик повернул направо, и Габбу увидел, что едва заметная тропинка ведет к ущелью. В этом ущелье и было селение пастухов. Вскоре они добрались до каменной хижины старика. Она была сложена из обломков камня, каких было много вокруг. Множество отверстий зияло в черном от копоти потолке хижины; они были кое-как заложены пучками сухой травы. В углу, у маленького костра, сидела сгорбленная старушка. Она пряла шерсть черными, скрюченными пальцами. Из-под грязного платка выбивались седые пряди волос. Глаза ее были красны и слезились от дыма. Она испуганно посмотрела на Габбу.

Старик окликнул старуху и велел принести гостю кислого молока. Затем он оставил Габбу и сказал, что пойдет к соседям.

В каменной хижине пастуха Габбу не увидел ни единой вещи, даже войлочной циновки не было на полу. В углу лежали кучка травы и старая овчина. Несколько побитых мисок и два круглых глиняных кувшина составляли весь скарб пастуха.

Когда старуха вернулась с чашей кислого молока, Габбу рассказал, кто он, и спросил, есть ли у нее дети. Старуха всхлипнула и спрятала лицо в грязный платок.

— Умерли, — ответила она едва слышно. — Троих унесла черная болезнь.

Успокоившись немного, старуха стала рассматривать Габбу и призналась, что он очень напоминает ее умершего сына, такого же крепкого и могучего, с черной бородой и смелыми, зоркими глазами.

— Вы так бедны, где же старик добудет одежду? — спросил Габбу.

— Он займет, попросит у хромого пастуха, — ответила старуха. — Я ему отпряду шерсть, отнесу к сестре, она соткет тканье, вместе тогда сошьем.

— Вот какие труды понадобятся, чтобы нас одеть! — вздохнул Габбу. — Чем же мы отплатим вам?

Старуха замахала руками и что-то зашептала про себя. А Габбу, рассматривая хижину, вдруг подумал, что может сделать доброе дело для этих славных людей.

— Нет ли у вас железного топора и молотка? — спросил он старуху.

Старуха кивнула головой и вскоре принесла Габбу молоток и топор.

— Тогда позволь мне поработать у вас, — попросил Габбу. — Я каменотес и умею камень обрабатывать по-всякому. Я хочу заделать дыры в вашей хижине, чтобы в стужу и ветер не выдувало тепло.

Старуха стала шептать слова благодарности. А Габбу тотчас же принялся за работу.

Он взобрался на крышу дома, вытащил пучки трав и, смерив дыры меж больших камней, стал выбивать куски камня, чтобы заделать ими отверстия.

Старик долго убеждал своих соседей, уговаривал поделиться одеждой с бедными странниками. Когда он вернулся, крыша уже была заделана, и Габбу готовил неровные куски камня для починки стен. Старик так и ахнул от удивления.

— Вот ты какой умелый! — воскликнул он восхищенно. — Ты добрую память оставишь по себе. Всю жизнь мы только и заняты тем, что заделываем дыры в этой хижине. Когда начинаются дожди и ветры, плохо приходится нам. В наших краях нет глины, а каменотеса надо привозить издалека, у нас нет таких. Одни пастухи живут в нашем селении. На царскую казну работаем, дань царскую выплачиваем. Пшеничную лепешку имеем только раз в году...

Старик рассказывал о тяжелой доле пастухов, а Габбу тем временем разбивал камни и ловко подгонял их под все дыры и щели, зияющие в стенах. Для него это

была привычная работа, а для старика она казалась необычайно мудреной и трудной.

— А все же рубахи есть, — сказал старик, когда привык к мысли, что в доме его будет тепло и сухо. — Хромой пастух отдал мне рубаху своего старшего сына, — рассказывал старик, — а для друга твоего я выпросил рубаху у лошадника. Она хоть и старая, а все же лучше тех шкур... Старуха моя отработает, — поспешил он утешить Габбу. — Все равно прядет день и ночь.

Габбу горячо благодарил старика. К вечеру он закончил работу и собрался в дорогу. Но старик не пустил: сказал, что можно голову свернуть на крутой тропе в поздний час. Они остались на ночь в хижине пастуха, с тем чтобы на рассвете вернуться к ручью.

На рассвете старик привел Габбу к ручью, где их ждали пастухи и Рапаг. Беглецы тотчас же скинули свои звериные шкуры, умылись в ручье и причесали головы и бороды громадным костяным гребнем, сделанным для стрижки овец.

— А теперь ступайте, — сказал приветливо старый пастух. — Никто не обидит вас, никто не подумает, что вы беглецы.

— Никогда не забудем вашей доброты! — ответил растроганный Габбу. — Здесь, в этих угрюмых горах, я понял, что пришел на землю отцов. Да будут милостивы к вам боги!

— И мы будем тебя вспоминать. Ты добрую память оставил по себе: как сын, позаботился о стариках. Теперь до самой смерти не будем страшиться дождей и ветров.

Старик рассказал Габбу, каким путем скорее добраться до Тушпы, и, послав им благословение богов, ушел к своему стаду. Габбу и киммер направились к Тушпе.

Теперь уже дорога потянулась через множество горных селений. Габбу решил больше не рассказывать о своем бегстве, и когда его спрашивали, кто он, всегда отвечал, что идет из дальнего горного селения. Габбу придумал историю, которая всех занимала. Он рассказывал о том, что его спутник, молодой пастушок из дальних мест, искупавшись как-то в горном ручье, по-

терял дар речи. После молитвы Халду он решил пойти в Тушпу и принести жертву в храме бога Халда, недавно построенном царем Русой. «Халд пошлет ему исцеление», — говорил уверенно Габбу. И люди верили, что Халд принесет исцеление больному, они и сами так лечили своих больных. Рапаг шел молча, не принимая участия в разговорах. Он и в самом деле казался немым.

Вскоре друзья уже входили в восточные ворота Тушпы. Рапаг с удивлением рассматривал богатые дворцы, обширные храмы, просторные каменные дома и цветущие сады. Был полдень, и город гудел, как муравейник. На крышах домов, на улицах и за низкими оградами дворов — всюду были видны люди. Каждый занимался своим делом. Вот звенит медной посудой старый медник. Гончар расставляет на солнце сверкающие красной глиной высокие кувшины. У круглой печки стоит лепешечник. Мимо него погнал стадо горный пастух. Лениво погоняет своего верблюда купец в зеленой повязке и яркожелтой рубаше. Тюки с заморскими товарами мерно покачиваются на костлявых боках тощего верблюда. Купец сидит между тюками, как в люльке, и жует привезенные издалека душистые травы. Веселая стайка полуголых ребят, звеня медными амулетами на шее, помчалась вслед за купцом. Кто-то сказал, что купец вернулся из далекого Хорезма; мальчики хотят увидеть, что привез купец из этой неведомой страны. Может, птицу дивную, а может быть, зверя редкого.

Габбу и Рапаг проходят мимо высокой ограды царского дворца, прямо к Ванской скале. У самого озера Ван стоит храм, памятный Габбу с детства. Лепные украшения этого храма и причудливая резьба на камне сделаны его отцом, Нарагу. Все ли сохранилось? С волнением переступает Габбу порог храма. Как странно: все на месте. Будто только вчера он побывал здесь. Вот и светильники из розового камня, подобные волшебным цветам. Вот и каменный жертвенник со сценами жертвоприношения. Мягкий трепетный свет льется из розовых чаш. Благоухают в курильницах ароматические травы. Габбу подходит к высокому светильнику, гладит его полированную чашу. Над ней трудился отец. Где он сей-

час? Габбу опускается на колени у жертвенника и, касаясь губами холодной каменной плиты, думает об отце.

— Бедный раб! — шепчет Габбу. — Ты проклят богами... За что?

Выйдя из храма, Габбу с грустью говорит Рапагу:

— Я вернулся на родину отца, я переступил порог моего храма, а вот жертвы нет. Как горестно мне! Где же моя благодарность богам? Боги отвернутся от меня, и не будет мне больше удачи.

— Мы добудем ягненка, — утешает его киммер. — Мы добудем двух ягнят и принесем жертву благодарности нашим богам.

Друзья направляются во дворец. Но как решиться войти в него? Страшно! Ведь могут схватить и снова надеть колодку... После стольких лет рабства Габбу не может привыкнуть к мысли, что он такой же свободный человек, как и другие. Невольно думается о том, что могут снова надеть колодку на шею и угнать далеко, как гонят скот.

Габбу рассказывает Рапагу о своей нерешительности.

— Цари всюду злобны и жестоки, — говорит он киммеру. — Я для Русы такой же раб, только что без цепи.

— От царей никуда не уйдешь, — отвечает Рапак словами своего отца. — Зайдем к доброму человеку, — предложил юноша. — Расскажем ему обо всем — пусть пойдет с нами во дворец.

Они зашли в первый попавшийся двор. Весь двор был уставлен глиняной посудой — сосудами для вина и масла, мисками и громадными горшками для зерна. Из дома вышел старый гончар. Он думает, что перед ним покупатель, и спешит показать им самую красивую посуду.

— Что вы предложите в обмен на эти горшки? — спрашивает гончар у Габбу.

— Нам не на что менять, — ответил каменотес. — Мы пришли за добрым советом. Не откажи в добром слове, — мы из дальних мест.

— Мой дом — для вас, мое сердце слушает вас, — ответил гончар, усаживая гостей на пороге дома.

— Мы доверим тебе нашу тайну, — сказал Габбу, садясь рядом с хозяином. — Мы бежали из Ассирии, мы были рабами Асархаддона. Меня увезли из Урарту еще при Саргоне.

Услышав такие слова, старый гончар вскочил и стал с удивлением рассматривать пришельцев.

— Со времен Саргона? — воскликнул он.

Габбу, усаживая старика, спокойно продолжал:

— Стране нашей снова угрожают враги. Недалек тот час, когда войска Асархаддона придут сюда. Они разграбят селения, сожгут наши жилища и уведут в рабство урартов. Я пришел, чтобы сообщить Русе о грозящей опасности. Пусть направит войско урартов навстречу ассирийцам.

— Великая честь выпала мне, — прошептал хозяин, потеряв от изумления и голос и мысли. — Конечно, пойдем во дворец. Я поведу тебя к военачальнику Улусуне, и ты все ему расскажешь. Но прежде узнайте мое гостеприимство...

Гончар тотчас же скрылся в доме, а Габбу, улыбаясь, рассматривал громадные карасы для вина.

* * *

В это утро в Тушпу прибыли и люди Белиддина. Много месяцев ходили они по городам и селениям Урарту, выполняя грозный наказ Асархаддона. Сегодня они должны были сообщить Белиддину обо всем, что узнали, обо всем, что увидели. Долго записывал их сообщения писец Белиддина. У него устали руки и затекли ноги, а записи все еще не кончились. Белиддину предстояло все продумать, все взвесить и сообщить великому Асархаддону добрую весть. Ох, и сложная же это работа — рыскать по чужой стране и, подобно верному псу, все примечать и сообщать своему царю-господину! Когда писец закончил свою работу и сложил к ногам Белиддина десять глиняных табличек, Белиддин тяжело вздохнул и велел оставить его на время, а позднее вернуться для записи важного донесения.

«Да будет мир царю, моему господину! — писал Белиддин. — Пусть процветает страна моего царя, пусть

процветает город моего царя, пусть процветают стада моего царя!

О, мой повелитель, мой господин, волею Шамаша, владыки вселенной, раскрылись мои глаза и уши. Увидел я силу и могущество Русы, поганого урартского царя. Воздвиг он крепость Тейшебаини со стенами, подобными скалам, с башнями для зорких часовых. Медные врата той крепости охраняет стража грозная. А живет в той крепости наместник царя урартов Иштаги, подобный жирному борову. Вокруг той крепости войско живет и копьями своими сверкает. А дань превеликая идет в ту крепость, и в дани той много руды медной и железной. А лютуют руду искусные литейщики, и делают они оружие всякое для царского войска.

Предложил я купцам в обмен на наше добро дать нам той руды либо копья и шлемы железные. А они не меняют. Говорят, не велено царем Русой. Пусть проклянут их боги Ашшур и Шамаш!

А еще я увидел коней резвых, горячих. Угнать бы их к нам... А еще видел я сады плодовые, поля и виноградники. Все то добро к ногам твоим сложим...»

* * *

Во дворце Русы Габбу сообщил охранникам, что у него важное дело к Улусуне. Он послушался совета доброго гончара и решил рассказать обо всем царскому полководцу.

Высокий, тонкий Улусуна, с горбатым носом и густыми нависшими бровями, напоминал горного орла. Он вселял страх и уважение своим подчиненным, потому что был суров и справедлив. Улусуна внимательно посмотрел на Габбу своими маленькими, сверлящими глазами и, выслушав его рассказ, спросил:

— А почему у тебя уши рваные? Или ты плохо работал?

— Это за другое, — ответил Габбу тихо. — Я вступился за девушку-рабыню. Ее жестоко избили, а вины за ней не было.

— А тебе какое дело до нее? — удивился Улусуна.

— Я любил ее, — признался Габбу. — Я бросился на

жестоких палачей, а за это мне продырявили уши и, протянув веревку через отверстия, потащили на середину двора, потом дали пятьдесят палок.

— Ты сам вернулся в свою хижину? — спросил Улусуна.

— Ползком, — ответил Габбу. — Меня спас мой друг Аплай. Он меня лечил.

— А девушку ты спас? — спросил суровый воин.

— Нет, не смог. Она умерла от ран.

— Теперь расскажи, что тебе известно о походе ассирийцев, — приказал Улусуна.

Габбу рассказал обо всем, что велел ему старый Аплай. Он рассказал, как старик узнал тайну ассирийцев во время жертвоприношения, как настаивал на победе Габбу и помог ему бежать. И о том, как они вместе с киммером преодолели трудный путь через горы, пробираясь там, где нет дорог и нет людей.

— А что тебе известно о войске ассирийском? Расскажи, что видал, что слышал, что узнал, — потребовал полководец.

— Сильное войско у ассирийцев, — ответил Габбу. — У них много боевых колесниц, у воинов хорошее оружие и крепкая одежда. Все как литые из бронзы, когда идут вокруг царского дворца. Те из рабов, что видели их в сражении, говорят, что они выносливы, как быки. Никто из них не спотыкается, никто не зевает, никто не засыпает, ни у кого не развяжется пояс, не распустится ремень на обуви. Через реки переправляются вброд или на мехах. В лесистой местности каждый отряд высылает вперед землекопов, которые рубят деревья и расчищают путь.

— Верю тебе, — сказал Улусуна. — Зоркий у тебя глаз. Такие люди нужны царскому войску. Я возьму тебя к себе. Будешь ты жить на полном довольствии и одежду получишь сполна. Твоя храбрость пригодится в битве. А войско свое мы соберем и двинемся навстречу ассирийцам, чтобы преградить им путь в наши города. Ты будешь при мне. Пойдем путем, который укажешь ты, чтобы не знали ассирийцы о нашем походе.

Улусуна велел писцу написать хранителю содержания, чтобы выдал Габбу все, что полагается сотенному.

«Выдать красную рубаху из шерсти, — писал на дощечке писец. — Выдать сандалии из свиной кожи и браслеты бронзовые для рук и для ног. Выдать меч железный в ножнах и бронзовый щит».

— А теперь к царю пойду — сообщить недобрые вести, — сказал полководец, вручая Габбу дощечку, которая давала рабу право стать воином.

Улусуна ждал криков и проклятий, когда шел к царю. Но, против ожидания, царь спокойно выслушал своего полководца. Сообщение о том, что Асархаддон не возглавляет похода, показалось царю утешительным.

— Ассирийского полководца ты сам встретишь достойно, — сказал Руса. — Возьмешь для начала, для доброй встречи, пятнадцать тысяч воинов. А если покажется мало, пришлешь донесение, и тогда к тебе на помощь выйдет еще десять тысяч. А сейчас шли людей в Ниневию, узнавай, где стоят воины Асархаддона. В крепости Тейшебаини всех подними, в селениях горных всех подними. Под копья и луки все собери.

Когда Улусуна вернулся к себе, Габбу уже ждал его в полном снаряжении. Он опустился на колени и, низко склонясь, благодарил полководца за высокое доверие.

— Я оправдаю его, — обещал Габбу. — Ты не пожалеешь о том, что поверил рабу Асархаддона.

— Ты — урарт, — ответил Улусуна. — И жил бы ты в своей стране — воин из тебя вышел бы знатный. Да и каменотесы нам нужны — дворцы строить. Разве все построишь руками ленивых рабов? Царю нужны ремесленники умелые... А теперь ступай в Тейшебаини, — приказал Улусуна, — и вези письмо Иштаги, чтобы готовил тысячу воинов для похода на ассирийцев. С тобой пойдет воин моего полка.

Рапаг не узнал друга, когда Габбу вышел к нему в своих военных доспехах. Юноша признал, что Габбу очень идет одежда знатного воина.

— Как счастлив был бы Аплай, если бы узнал, как милостивы боги! — вздохнул Габбу. — Мы выполнили свой долг, а добрый Аплай никогда об этом не узнает.

— А может быть, дойдет до него весть о том, что урарты пошли на ассирийцев, — попробовал утешить друга Рапаг.

— Не дойдет, — махнул рукой Габбу. — Они заму-чают его, как только узнают о моем побеге. Рабы неда-ром прозвали Шумукина шакалом. Он жесток, как лю-тый зверь.

Габбу рассказал киммеру о своем разговоре с Улу-суной и предложил вместе пойти в Тейшебаини. Оттуда Рапаг должен был отправиться в свои края, к морю.

— Мне предстоит поход вместе с войсками Русы, — пояснил Габбу, — а ты вернешься на землю отцов и за-живешь счастливо.

— Я не пойду к синему морю, когда мой друг идет на битву, — ответил Рапаг. — Разве не Габбу спас мне жизнь? Как же я покину тебя в минуту опасности! Возьми меня с собой, я буду твоим щитоносцем! — взмолился киммер.

Габбу так призыв к славному юноше, что и сам не хотел с ним расставаться. Он охотно согласился взять его с собой. Они пошли через горы в Тейшебаини, не переставая удивляться тому, как ласково приняла ро-дина Габбу. Габбу думал о старом Аплае, которому они были обязаны своим счастьем и о котором ничего не знали и не могли узнать никогда.

На третий день друзья увидели священную Эритию, покрытую вечными снегами, а за ней была родная зем-ля, где Габбу провел свое детство. Габбу простер руки к далекой снежной вершине и со слезами радости бла-годарил богов. Вскоре показались башни дворца, воз-вышающиеся над городом Тейшебаини. Стрелок с кол-чаном на плече ходил по плоской кровле башенки. У подножия холма высились храмы и дома. Широкая пыльная дорога вела к воротам города, сверкающим медной обшивкой. Путников то и дело обгоняли по-возки с поклажей. Одни везли пшеницу, другие были нагружены овечьей шерстью, третьи — железной и мед-ной рудой. Габбу вначале не понял, куда направляются повозки, и обратился к вознице.

— Куда везу? — переспросил тот. — Все для дани царской!

— Вот как много дани идет в Тейшебаини! — уди-вился Габбу. — Богато живет здесь знать. Видно, и тут простые люди также прокляты богами.

Он остановил человека, погоняющего волов.

— И ты для дани потрудишься? — спросил его Габбу.

— Как видишь... Землепашцы не для себя землю возделывают, не для себя поливают ее потом и слезами. Для царских слуг, для дворца мы работаем. Одну горсть пшеницы семье оставляешь — две горсти во дворец везешь. Так и живем, в бедности... А ведь свободные мы, не рабы.

Волы медленно тащили везы, и землепашец вместе с Габбу отстали от других людей, что шли в то утро в Тейшебаини. Они мирно разговаривали. Вскоре их догнал худой смуглый всадник на серой лошади, увешанной медными колокольчиками. На всаднике были зеленая повязка и желтая рубаха, какие носили приезжие купцы.

— Остановитесь, добрые люди! — кричал купец. — Я привез вам всякого добра из дальних стран. Давайте поменяем на ваше добро.

— А у нас нечего менять, — ответил Габбу. — Да и не нужны нам твои колокольчики.

— А разве вы не бонтесь злых духов? — удивился купец. — Почему вы не хотите взять у меня волшебные амулеты? Они от всякой опасности предохранят.

— И от ассирийцев тоже? — спросил Габбу, лукаво поглядев на купца.

— Зачем же от ассирийцев? — удивился купец. — Они так далеко от нас.

— А могут прийти, — не унимался Габбу. — Не для того ли Асархаддон свое войско скликает?

— Иль ты там был? — удивился купец. — Откуда тебе, простому воину, знать, что задумал царь ассирийский? Твое дело только выполнять замыслы твоего царя — Русы... Видно, ты к царю близок, — добавил неизвестный и, прыгнув на землю, пошел рядом с Габбу. — Не в поход ли ты собрался? — обратился он снова к Габбу, отталкивая Рапага и стараясь приблизиться к воину, который привлек его внимание. — Скажи, если идешь в поход, — дам я тебе амулет от вражеских стрел.

— Откуда ты, такой добрый человек? — спросил Габбу с усмешкой. — Что тебе от меня надобно? Лучше иди своей дорогой и меняй свои амулеты на овечью

шерсть. А у меня только и есть, что вот эта борода. — И Габбу погладил свою длинную черную бороду.

— С тобой дела не сделаешь! — ответил купец, злобно взглянув на Габбу.

Он отошел от хмурого воина и поспешил за повозками.

— Скажите, люди добрые, кто тот воин в красной рубахе? Откуда он?

— Мы издалека, нам ничего не ведомо, — ответили всаднику. — Только и знаем, что возим свое добро на царский двор. Что нам те воины? Их много развелось, а кормят их нашей данью, трудами рук наших.

— Скажите, где берете эту руду? — спросил купец. — Вам взамен дам одежды всякой, масла кунжутного, кожаных ремней и всякой всячины.

— Не велено с купцами менять, — пробормотал едва слышно возница. — Иди к царю Русе или к наместнику его Иштаги — пусть меняют. А нас глашатай предупреждал: «Головы лишите, рук и ног лишите, если руду драгоценную купцам отдадите. Все для дани царской везите». Вот оно что... — Возница плюнул и погнал волов быстрее.

«Надо запомнить того воина, — решил лазутчик Асархаддона — Белиддин. — Поистине урарты прокляты богами. Сладу с ними нет. Словно знают, что не купец перед ними, а лазутчик».

* * *

С царским письмом Габбу сразу же попал во дворец Тейшебаини. Иштаги велел писцу своему читать священное послание царя-господина:

— «На другой день, когда проснутся петухи, — читал писец, — пусть воины Тейшебаини уже будут готовы к походу. Веди их к воротам Тушпы. Здесь великий сбор будет. Бог Тейшеба призывает нас к битве...»

Уходя из дворца, Габбу спросил у Иштаги, не знает ли он мастера из рода Аплая.

— Как же, — ответил Иштаги. — Есть Аблиукну из рода Аплая... Проводите знатного воина к «Священным ключам», — приказал он слуге.

Аблиукну и Таннау заканчивали вторую статую крылатого льва, когда слуга Иштаги окликнул их:

— Открывайте, гостей принимайте!

Таннау поспешил к калитке. Он с удивлением рассматривал незнакомцев. Высокий воин, в красной рубахе, с бронзовыми браслетами на ногах, низко поклонился и спросил:

— Кто здесь из рода Аплая?

— Я из рода Аплая, — ответил мальчик, широко распахнув калитку, и пригласил войти во двор.

— А где же Аблиукну, сын Аплая? — спросил Габбу. — Он нужен мне.

— Да не я, наверно, нужен, а бронзовый щит! — ответил весело Аблиукну. Его голова показалась из-за зеленой изгороди. Аблиукну был занят работой. — Заходите, добрые люди! Поговорим, какой вам нужен щит.

— Поговорим, — согласился Габбу. Он крепко обнял измазанного глиной Аблиукну. — Вот каков ты, сын Аплая! Я привез тебе привет от отца.

— От отца? Он жив? Как же так? — воскликнул Аблиукну. — Да ведь Аплая давно нет, в рабстве погиб... Или боги тебя прислали из царства мертвых?

— Я бежал из Ассирии, — ответил Габбу. — Аплай жив и всем сердцем с тобой. Вот его бог Тейшеба.

И он подал Аблиукну маленькую фигурку бога Тейшебы с булавой. Она была сделана из бронзы и служила старику для молитвы. Трудно передать радость Аблиукну, когда он узнал, что Аплай жив. С волнением слушал он горестный рассказ Габбу о рабстве, о тяжелой жизни в цепях Асархаддона.

— Бедный отец, бедный отец! — повторял он. — Не смог бежать...

— Не смог, — согласился Габбу. — Жил с думами о родине, а бежать не смог. А вот мне помог бежать для спасения родной земли... — И Габбу стал рассказывать Аблиукну обо всем.

— Почему же Аплай не бежал с тобой? — спросил Таннау. — Ты бы помог старику добраться.

— Это было невозможно, мальчик, — вздохнул Габбу. — Аплая охраняли, как сокровище. К нему каждый день приходил верховный жрец Шумукин следить за

его работой. К тому же он был слаб, как дитя. Злобный царевич Ашшурбанипал, кровожадный, как лев, избил его и выколол ему глаз. Если он не смог убежать, когда был молодым и здоровым, то сейчас был не в силах даже выйти за ворота... Такая судьба выпала на долю Аплая. Так захотели боги.

Аблиукну слушал рассказ Габбу и думал о том, что нет такой силы на свете, которая бы спасла Аплая. Даже если будет поход на ассирийцев, уарты не попадут в столицу Ассирии Ниневию. А если бы и попали, то вряд ли кто стал бы интересоваться старым литейщиком.

Таннау подсел поближе к Рапагу.

— Знаешь, как я ненавижу ассирийских царей! — говорил киммер. — Я так ненавижу их, что смог бы сжечь всю Ассирию.

— А ты сожги ее, когда пойдешь в поход, — посоветовал Таннау. — Если бы меня взяли в поход, я бы сжег их проклятую страну.

— Ты еще мал, Таннау, — улыбнулся Рапаг. — Вот я вернусь к ним... Но знаешь как? Я поведу за собой киммеров, и мы сровняем с землей их города и храмы. Мне даже приснилось, будто я веду киммеров против Асархаддона и великое множество ассирийцев падает к нашим ногам. То вещий сон! Так оно и будет! Ты думаешь, я молод, не смогу?

— Ты можешь. Боги тебе помогут. Я помолюсь за тебя Халду. Хочешь?

— Помолись, — согласился Рапаг. — А я своим богам воздам жертву и попрошу их милости.

Аблиукну долго не отпускал Габбу — все уговаривал остаться у него и поселиться в его маленьком домике. Но Габбу не мог согласиться: он спешил в Тушпу, чтобы вместе с воинами Русы пойти в поход на ассирийцев. Прощаясь с Аблиукну и Таннау, Габбу дал слово вернуться к ним после битвы.

Когда Габбу вместе с Рапагом покинул селение «Священные ключи», навстречу им попался тот же купец.

— Смотри-ка, опять с амулетами идет! — удивился Габбу. — Что ему от нас надобно?

— Эй, воин царский! — обратился купец снова

к Габбу. — Может, выменяешь что-либо на золотые амулеты? Они ведь в бою помогают.

— Опять ты с амулетами! — улыбнулся Габбу. — Какие они? Египетские или ассирийские?

— А какие тебе нужны?

— Нам нужны ассирийские.

— Или ты в Ассирию собираешься? Зачем тебе ассирийские амулеты? — удивился купец.

— Они нужны нам против мечей ассирийских, — ответил Габбу. — Слышно, поход будет. Говорят, будто идут на Урарту войны Асархаддона.

— Кто же говорит то неведомое? — изумился купец. — Расскажи мне, что знаешь.

Габбу промолчал.

— А скоро ли будет тот поход? — обратился купец к безмолвному Рапагу.

— О том цари знают, — ответил юноша. — Мы идем, когда нас ведут на битву, а к чему битва, о том цари ведают.

— Вот это верно сказано! — похвалил Габбу. — О походе тебе Руса скажет. А нам надо торопиться... Дела у нас много, а менять нечего.

— Когда же битва ожидается? — настаивал купец.

— Спроси у богов. Воздай щедрую жертву: они ответят.

* * *

Всю ночь лазутчик царя Ассирии Белиддин трудился над письмом. Он много раз его переделывал и совсем замучил писца.

«Царю, моему господину, — писал Белиддин. — Да будет мир царю, моему господину!

Все, что ты приказал мне, царь мой, господин мой, я выполнил. Всюду рыскал, как верный пес. Все узнал, все с моими гонцами отправил Белушезибу. Узнал я, где какая охрана стоит, где какое войско стоит. Все крепости обошел, всю охрану осмотрел. Все было тихо в пределах Урарту. А сегодня дошла до меня весть, что поход против тебя готовит поганый урартский царь Руса. Оружие куют, войско собирают. Откуда урарты узнали наши тайны? Откуда узнали о том, что ты, мой

господин, поход против них замыслил? Видел я здесь воина бородатого с глазами, как горящие угли. Он так и сказал, что амулеты нужны им от мечей Асархаддона. Не он ли донес царю Русе о тайне твоей? Не беглый ли то поганный раб? Пусть еще раз проверят и закроют все ворота. Пусть накрепко закуют рабов в колодки. Если кто беглый дошел до Русы и слово ему сказал, то быть великой битве. Да проклянет Ашшур милостивый все племя урартское!

А еще скажу, мой царь, господин мой. Когда узнаю я в Тушпе о походе, быстрее птицы прилетит та весть к тебе. А еще узнаю имя того проклятого богами воина бородатого. Если раб он беглый, то быть ему убитым».

Эта мысль обожгла Белиддина. А что, если и в самом деле этот проклятый воин в красной рубахе бежал из Ниневии и сообщил Русе тайну Асархаддона? Но как же он мог узнать эту тайну? Нет, это невозможно. Просто Руса, урартский царь, задумал отомстить ассирийцам и готовит поход, чтобы угнать рабов, увезти золото и драгоценности из храмов Ниневии, чтобы показать свою силу и мощь. Пойдет на Ассирию, а скифы испугаются его могущества и не тронут урартов. А этого только и нужно царю Русе.

Белиддин решил попасть в Тушпу, чтобы там своими глазами все увидеть и все разузнать.

* * *

Расставшись с Аблиукну, Габбу долго думал о том, где бы узнать о судьбе отца, Нарагу. Аблиукну ничего не смог ему сказать — он не знал Нарагу, — зато он дал Габбу добрый совет. Недалеко от Тейшебаини строилась небольшая крепость. Там работали лучшие мастера Урарту. «Быть может, кто из старых мастеров и скажет об отце твоём, Нарагу», — советовал Аблиукну каменотесу.

В крепости Габбу действительно нашел старого каменотеса, который еще до нашествия Саргона строил храм в Тушпе. Он знал Нарагу и очень обрадовался, когда увидел Габбу.

— Не знаешь ли ты что об отце? — спросил Габбу старика, поведав о своей жизни.

— Так ты не знаешь, как славно погиб твой отец? — удивился старик. — Так знай же, что он отказался следовать за воинами Саргона, когда они хотели увести его в рабство. Тогда один из воинов хотел кинжалом пронзить сердце Нарагу. Но твой отец так ударил кулаком по голове воина, что тот выронил кинжал и свалился замертво. Долго отбивался тем кинжалом Нарагу, многих воинов ранил. Но вражеская стрела пронзила его храброе сердце. Нас спас он своей кровью. Все каменотесы, какие были поблизости, успели скрыться в пещере, недалеко от храма. И я остался жив благодаря смелости отважного Нарагу.

Габбу слушал старика и не замечал, как слезы катятся по его худому черному лицу. Перед ним ожила картина далекого прошлого, и образ смелого отца звал сына в бой.

— Мы отомстим врагам, за все отомстим! — прошептал Габбу.

Через несколько дней Габбу вместе с Рапагом вернулись в Тушпу. В тот же день в город прибыла тысяча воинов Тейшебаини, посланная Иштаги. Со всех сторон страны, из горных селений и городов, двигались воины к Тушпе. Царь Руса поручил полководцу Улусуне возглавить царское войско и пойти навстречу ассирийцам, чтобы учинить битву в горах, далеко от городов Урарту.

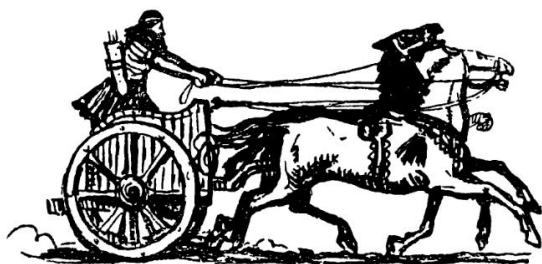
С нетерпением ждали возвращения лазутчиков, которых Руса послал в Ассирию. Им было дано приказание найти военный лагерь, который готовится к походу в Тушпу. Лазутчики Русы вернулись с нужными вестями. В горах на севере от Ниневии ассирийцы создали военный лагерь и туда собирают воинов для похода. Они рассказали и о том, что поход еще не объявлен, не все воины еще собрались и что каждый день подходят новые.

— Пока соберутся, мы выступим, — сказал Улусуна, довольный сообщением лазутчиков.

И вот настал час, когда затрубили в рог и войско Русы начало строиться в боевые сотни. Габбу впервые

видел воинов Урарту во всем блеске. Впереди шли боевые колесницы, за ними сверкали бронзовыми щитами щитоносцы, затем следовали коңница и копьеносцы. Пешие воины были хорошо одеты и все имели луки и колчаны. За стройными рядами воинов гроыхали повозки с поклажей, мычали коровы и блеяли овцы. Все знали, что на привалах их ждет сытная еда.

Оживленно было в Тушпе в тот день. Царь Руса благословлял свое войско на победоносный поход. Во дворах и храмах воздавались щедрые жертвы богу Тейшебе. Отцы провожали своих сыновей. Матери молились богам и отдавали в храм последнюю овцу. С беспокойством смотрел на все происходящее ассирийский лазутчик Белиддин. Гонцы увезли его послание Асархаддону. Скоро ли оно дойдет? Проклятые урарты, кто мог сообщить им тайну? А войско урартское все шло и шло. Впереди на боевой колеснице — Улусуна. Рядом с ним на горячем коне — Габбу.

Защитим земли наши!

Урартское войско шло по пути, хорошо знакомому Габбу: те же горы, те же реки. Минуя глубокие ущелья, оно пересекало снежные вершины высочайших гор. Улусуна вел своих воинов обходными путями, чтобы напасть на ассирийцев неожиданно.

Много было трудностей на пути, но все эти трудности казались Габбу легко преодолимыми: ведь совсем недавно он прошел здесь с одной только бронзовой киркой. А сейчас он ведет хорошо вооруженное войско. Волы тащат на повозках всякое снаряжение. Очутились они у пропасти, и вместо того чтобы обходить ее несколько дней, как делали это они с киммером, по приказу Улусуны был построен мост из крепких бревен, и страшное ущелье осталось позади.

Когда войско Улусуны подошло к ручью, где Габбу с Рапагом сделали свой первый привал, весна уже рас-

цвела и запела многоголосым хором птиц. Весело нес свои весенние воды быстрый ручей. Высоко в небе плыли легкие облака, вокруг цвели и благоухали цветы орешника, нежной зеленью покрылись лозы дикого винограда.

«Что это так поет в моем сердце? Так радуется жизни? — спрашивал себя Габбу. И сам себе отвечал: — Ты свободен, Габбу! Посмотри, как прекрасна земля! Для тебя светит весеннее солнце. Для тебя поет ручей. И птицы кружатся в веселом хороводе для тебя, Габбу. Ты был рабом и никогда не видел весны. А теперь все для тебя. Радуйся, Габбу, у тебя есть родина! — слышались ему святые слова Аплая. — Защити землю своих отцов!»

Тем временем Улусуна собрал своих тысячников на совет. Он приказал выделить храбрых воинов, которые смогут пробраться в стан врага, все разузнать и вернуться с ценными вестями.

Габбу, сидевший рядом с Улусуной, попросил слова.

— Есть у меня мысль одна, — сказал он нерешительно. — Если она верная, то пошли меня, Улусуна, вместе с лазутчиками.

— Говори мысль свою, — разрешил Улусуна.

— Я пойду в лагерь ассирийцев, притворюсь, будто бежал из плена урартов, скажу, что знаю кратчайший путь в Тушпу и готов ассирийское войско с собой повести. Скажу, что намерен отомстить царю Русе за его злодейство.

— А дальше что будет? — заинтересовался полководец.

— Если поверят мне, то приведу их сюда, — ответил Габбу. — А если не поверят, на то воля богов. Значит — смерть.

— Это ты хорошо задумал, — согласился Улусуна. — Самому царю Русе этот план понравится. А вот за тебя боюсь: пропадешь ты от руки ассирийского полководца.

— А я должен перехитрить ассирийцев, — возразил Габбу. — Злоба против них горит в моем сердце. Она придаст мне хитрости. Я пойду к ним и вернусь.

Улусуна задумался. Ему давно уже нравился этот гордый и смелый человек. Он с первой же встречи по-

нял, что перед ним не раб, а отважный воин. Своими словами Габбу подтвердил мнение полководца. Суровому урартскому военачальнику жаль было терять Габбу. Улусуна понимал, что этот умелый и отважный человек сможет еще не раз пригодиться в походе: он хорошо знал дорогу, никем ранее не хоженную, он знал, где есть вода, где лучше обойти высокие горы. Многие мог подсказать беглый раб.

Улусуна долго молчал: все думал о том, кого бы послать, а Габбу оставить при себе. Но план, задуманный Габбу, не мог быть осуществлен другим воином. Нужен был человек, который долго жил в Ассирии, знал ассирийский язык, знал нравы и обычаи ассирийцев и смог бы выдать себя за ассирийца, попавшего в плен к урартам. Только один Габбу мог сделать это. И Улусуне пришлось согласиться.

Воинам Улусуны, переодетым в одежду ассирийцев, удалось пробраться во вражеский лагерь. Габбу, в лохмотьях раба, с всклоченной головой и окровавленными руками, на которых, казалось, еще сохранились следы цепей, пробирался к стоянке военачальника. В шалаше среди своих тысячников сидел Белушезиб. Охранникам было велено никого не впускать. Но Габбу так просил и настаивал, так громко повторял, что это нужно для спасения Ассирии, так громко призывал в свидетели бога Шамаша, что Белушезиб сам вышел посмотреть, что случилось. Раб упал на колени и, обнимая ноги Белушезиба, стал просить о милости.

— Я из Тушпы, — молил Габбу, — я бежал в родную Ассирию из цепей Русы, проклятого богами Русы! Сделай милость, выслушай беглого раба.

— Говори дело, — потребовал Белушезиб. — Зачем ты здесь?

— Я хочу помочь твоему войску пройти в Тушпу кратчайшим путем, так, чтобы неожиданно напасть на урартов. Посмотри, как изорваны мои уши, посмотри, как избита моя спина... Я хочу отомстить урартам за все муки. Я поведу вас дорогой, которой пришел к вам. Твое войско окружит город и застанет урартов врасплох.

— А если ты нас обманешь? — грозно спросил Бе-

лушезиб. — Как можем мы довериться ничтожному рабу?

— Как же вам не верить мне, когда жизнь моя в ваших руках! — возразил Габбу. — Ты можешь убить меня в любую минуту. Я теперь принадлежу тебе. А мне жизнь дорога. Не думаешь ли ты, что я бежал из цепей Русы, чтобы погибнуть от твоего ножа?

Белушезиб велел охранять Габбу. Надо было подумать. Все, что рассказал ему раб, показалось Белушезибу вполне правдоподобным, да и сам раб не вызывал подозрения. А предложение было так заманчиво и сулило полную и легкую победу над урартами.

Белушезиб дал приказ двинуться в горы. Войско должно было пройти по пути, который наметил Габбу.

Этот путь был не легкий, и Белушезиб не раз обрушивал свои проклятья на голову раба, угрожая страшными пытками, если он окажется предателем. Но Габбу спокойно, с большим терпением выслушивал проклятья ассирийского военачальника. Ему было необходимо во что бы то ни стало войти в доверие к Белушезибу. Габбу постоянно предсказывал, что ждет их в пути, и Белушезиб удивлялся тому, как хорошо знает раб, где встретится им река, где может быть глубокое ущелье и где можно поохотиться на диких коз. Этот раб имел ум мудреца.

Настал день, когда лагерь урартского войска был совсем близко. Белушезиб велел устроить привал и поохотиться на диких кабанов, следы которых были обнаружены у небольшого озера. Полководец разрешил и самому Габбу принять участие в охоте, но поручил двум своим лучникам следить за каждым шагом беглого раба. Лучникам было приказано, в случае если Габбу вздумает бежать, стрелять в него из лука.

Габбу вместе с воинами направился по следам дикого зверя. Вскоре они очутились в глухой чаще, недалеко от маленького лесного озера.

— Вот здесь проходит тропа, по ней кабаны пойдут на водопой, — пояснил Габбу. — Пусть охотники останутся здесь — они смогут перебить целое стадо. А мы с лучниками пойдем к водоему и погоним кабанов прямо сюда.

Так и решили. Двадцать воинов расположились в густой чаще, по обе стороны тропы, ведущей к озеру. Габбу вместе со своими лучниками пошел дальше.

Бежать! Нужно бежать сейчас, или будет уже поздно. Эта мысль не покидала Габбу. Но как освободиться от своих охранников и добыть оружие? Надо было перехитрить лучников. Габбу еще не успел решить, что ему делать, как послышался рев животных, у озера показалось несколько громадных кабанов. Лучники были так захвачены охотой, что позабыли строгий наказ Белушезиба охранять раба. Момент для побега был самый подходящий. Габбу быстро выломал с корнем крепкий дубок и изо всей силы ударил лучника по голове. Габбу тотчас же схватил его лук и пронзил стрелой второго лучника. Теперь надо было бежать. Уйти, далеко уйти, прежде чем воины, увлеченные охотой, обнаружат его исчезновение.

Бежать как можно быстрее — впереди лагерь урартов. А если догонят — смерть!

Габбу знал, что лагерь Улусуны совсем близко. Надо было бежать изо всех сил, чтобы попасть в свой лагерь раньше, чем Белушезиб обнаружит его предательство. Тогда урарты смогут захватить ассирийцев врасплох.

Лагерь Улусуны раскинулся у реки, вблизи зеленой долины, с трех сторон укрытой горами. В лагере с нетерпением ждали лазутчиков, но ни один из них еще не вернулся. То ли их задержали ассирийцы, то ли они потеряли дорогу и бродят в лесу... Улусуна уже решил послать новых людей в лагерь ассирийского войска, когда ему сообщили о возвращении Габбу. Полководец был очень удивлен и обрадован приходу Габбу. Изможденный, задыхаясь от быстрого бега, тот первые минуты даже не мог говорить.

— Перехитрил! — с радостной улыбкой начал Габбу. — Я, бывший раб Асархаддона, перехитрил его полководца... Я завел их в густой лес, они на пути к нашему лагерю, но здесь не пройти колесницам, и не только колесницам, — конница тоже не пройдет сквозь лесные дебри. Пока они будут расчищать дорогу, мы должны их окружить и уничтожить.

Маленькие, быстрые глаза Улусуны радостно сверкнули.

— Вот как ты ловко придумал! — повторял Улусуна, похлопывая Габбу по плечу. — Мы оставим свои колесницы в этой зеленой долине, да и конницу возьмем не всю. Мы пойдем на них и завяжем битву, а потом я дам сигнал к отступлению. Ассирийцы должны подумывать, что мы испугались их, и бросятся нас преследовать. А мы перевалим через горы и спустимся в эту долину. Здесь к нам примкнут наши боевые колесницы и конница. Они окружают ассирийскую пехоту и превратят ее в груды костей и мяса. О, хорошая будет битва! — восклицал Улусуна, предвкушая желанную победу.

По приказу полководца урартское войско выступило, в расчете застигнуть ассирийцев врасплох, окружить их и уничтожить.

— Ты сослужил мне службу, — говорил Улусуна, обращаясь к Габбу. — Теперь ты свободен. Иди куда хочешь, а в битву не вступай: тебя будут искать ассирийцы.

— Прошу тебя, добрый полководец, — взмолился Габбу, — прикажи дать мне коня и щит хороший! Буду я мечом рубить ассирийские головы. Кто же, кроме меня, отомстит за отца моего Нарагу? Кто за Аплая отомстит?

Улусуна велел дать Габбу коня и щит с копьем. А сам умчался на своей колеснице догонять боевые сотни.

В лагере Белушезиба было тихо и спокойно. Воины отдыхали на привале, когда появились охотники с богатой добычей. Вдруг один из них воскликнул:

— А где же чернобородый раб? Да и лучников нет... Где же они?

Несколько воинов бросились к озеру и сразу же обнаружили убитых лучников. Раб бежал. Эта весть быстро долетела до лагеря. Белушезиб от ярости потерял дар речи. Опомившись, он разразился проклятиями, которые должны были испепелить раба. Тут же затрубили в рог, и по приказанию Белушезиба воины

тронулись вперед. Полководец теперь не сомневался в том, что раб подстроил ему ловушку.

Вскоре войско ассирийское столкнулось с идущими навстречу урартами. Урарты шли на врага полумесяцем и, засыпав передние ряды врага градом стрел, стали поджигать повозки и снаряжение горящей паклей, привязанной к стрелам. Ассирийцы в ярости отбивались. Их искусные лучники и копьеносцы обрушились на храбрых урартских воинов. Но в это время урарты стали отступать, и Белушезиб, воодушевленный удачей, направил свое войско вслед за ними.

Одно было плохо: в густом лесу не могли пройти колесницы, да и конница шла медленно. А Белушезибу надо было спешить, чтобы настичь урартов и разбить их жалкое войско. Пришлось оставить и колесницы и конницу. Дорогу расчищали землекопы. Белушезиб с пехотой следовал за урартами, и многих воинов Улусуны настигли ассирийские стрелы.

Урарты с боем отходили к горам, а войско Белушезиба преследовало их с победными криками. Полководцу казалось, что сами урарты приведут его к воротам Тушпы. Но вот урартское войско перевалило через хребет, и, преследуя врагов, ассирийцы очутились в зеленой долине. Тут испытанный в боях ассирийский полководец понял: так вот в какую ловушку завел их проклятый раб! Со всех сторон мчались на них урартские колесницы. Копья урартов поражали ассирийских всадников. Конница Улусуны окружила часть пехоты и угнала к скалам большую группу пленных. Белушезиб послал надежных людей за своей конницей и колесницами, а сам обошел сотню смелых урартских всадников, которые прорвались сквозь его пятидесятки. Вместе со своими копьеносцами он перебил их.

В пылу битвы ассирийский полководец не забыл дать приказание найти раба-предателя и доставить к нему для расправы. Два десятка отборных всадников умчались к месту самой кровопролитной битвы, где им было велено искать могучего чернобородого раба с рваными ушами.

Между тем наступила ночь, и сражение продолжалось при свете факелов и костров. Воины Белушезиба яростно сражались с урартами. Замешательство, кото-

рое произошло в ассирийском войске при внезапном нападении урартов, постепенно проходило, и Белушезиб видел, что не все еще потеряно.

На рассвете подоспели ассирийские колесницы и конница. С новой силой разгорелась битва. Ассирийцам удалось окружить большую группу урартской пехоты, и Белушезиб уже готов был забрать их в плен и обезглавить. Но в это время из-за гор появились новые тысячи урартских воинов. Они отбили своих пехотинцев и с победными криками бросились на ассирийцев.

Среди конных воинов, особенно отважных в бою, выделялся храбрый всадник в бронзовом шлеме, с черной курчавой бородой. Это был Габбу. Он разил врагов своим острым копьем и так яростно отбивался от нападающих на него ассирийцев, что обратил на себя внимание всадников, которые были посланы Белушезибом на поиски раба. Всадники примкнули к ассирийской коннице и окружили отважную сотню Габбу. Казалось, гибель была неминуема. Габбу видел, как падали за смертью его воины, которые всего лишь мгновение назад бесстрашно отбивались от врагов. Он с яростью наносил удары копьем и каждый раз видел падающего ассирийского всадника. Но врагов было много, значительно больше, чем урартов. Что делать? Может быть, послать Рапага к Улусуне, чтобы подоспели на помощь? Его сотня оказалась самой крайней в долине. Полководец, должно быть, не видит, в какой они опасности. Габбу ищет глазами Рапага, но не видит его. Неужели он убит? Не может быть. Только что он был рядом и сумел прикрыть его своим щитом в минуту опасности. Где же он, почему его не видно? Габбу яростно отбивается, подбадривает смелых воинов, которые сражаются рядом с ним и разят врагов своими копьями, а сам думает о том, что наступают последние мгновения его жизни. «О боги, защитите!» — шепчет Габбу. Вот упало еще трое лучших метальщиков копий. Надо отомстить! Габбу замахивается копьем и в тот же миг чувствует, как заметался под ним его горячий конь, его верный друг в этой страшной битве. У коня подбиты передние ноги, он падает. Габбу вскакивает и, пронзив ассирийца своим копьем, стаскивает его с лошади и садится

на нее. Всадники, посланные на поиски Габбу, хотя и взяли его живым. Это они подбили ему коня и теперь снова целятся. Слышны воинственные крики урартов, и новые сотни вооруженных всадников налетают, как орлы. Тогда старший из двадцати всадников Белушезиба пускает в Габбу стрелу.

— Умри, предатель! — кричит он. — Не удалось взять живым!

Габбу падает, раненный в бедро.

— Не умру! — шепчет он.

И, напрягая последние силы, вырывает стрелу из раны. Кровь хлещет и заливает одежду воина. У Габбу потемнело в глазах. Вдруг показалось, что он летит в пропасть... Но в это время чьи-то сильные руки подхватили его.

...Габбу очнулся на зеленой траве. Кругом было тихо. Как странно... Где же он? Почему болит бедро? Почему нельзя шевельнуть ногой? Кто это склонился над ним и шепчет что-то? Сделав большое усилие, Габбу открывает глаза и видит Рапага.

— Ты жив, Рапаг?

— А ты жив, Габбу? Тебя ранили, так много крови ушло... Хорошо, что я подросел во-время.

— Где же ты был? — спрашивает едва слышно Габбу. — Я думал, ты погиб.

— Я вырвался из вражеского кольца и поскакал к Улусуне просить помощи, — улыбнулся счастливый Рапаг. — Мы примчались к вам, когда ассирийцы уже готовились торжествовать победу: осталось тридцать воинов из твоей отважной сотни. Мы прогнали ассирийцев, а многих побили... Много пленных угнали урарты.

— Ты унес меня так далеко, даже не слышно шума битвы, — удивился Габбу. — Где же я?

— Ты за горой, — ответил Рапаг. — Я унес тебя далеко, чтобы не нашли воины Белушезиба. Они ищут тебя — хотели, видно, живым доставить Белушезибу.

— Проклятые! — проскрежетал зубами Габбу. — Теперь мне не подняться и не вернуться на поле битвы.

— На поле битвы ты не вернешься, — согласился Рапаг, — а в дом Аблиукну вернешься. Я отнесу тебя

туда на носилках. Когда заживет рана, снова будешь сильным, как прежде.

— Пусть слова твои станут истиной, — ответил тихо Габбу.

Он велел оторвать кусок рубахи и крепко завязать кровоточащую рану.

* * *

А битва продолжалась, и тысячи воинов Асархаддона сложили свои головы в этой небольшой горной долине.

— Здесь будет кладбище ассирийского войска, — сказал суровый Улусуна, рассматривая в лучах утреннего солнца поле битвы.

Ослепительно сверкали обломки колесниц, помятые и брошенные шлемы. Лежали убитые и раненые воины, носились брошенные кони, а в центре долины яростно сражались конные всадники. Их поддерживали стрелки.

Белушезиб наконец понял, что битва им проиграна. Все его попытки увести свое войско и отступить были бесполезны. Урарты так многочисленны, они так ожесточенно защищались, что даже самые испытанные воины Асархаддона оказались побежденными. Но если урарты победили, то надо сохранить и увести с собой как можно больше своего войска. Хорошо, что с ним оставалась лучшая тысяча царской конницы Асархаддона. Белушезиб оставил ее при себе, чтобы вместе с ними завершить сражение. Но если так ужасен конец этого сражения, то лучше уж спасти от урартских стрел отборных царских всадников.

Белушезиб понимал, что воины Русы более многочисленны и более удачливы в этой битве. Он мог послать последнюю тысячу царской конницы, но вряд ли они вернулись бы с победой. Нет, они должны покинуть поле битвы, где боги отвернулись от них. Этот хитрый, коварный жрец Шумукин предсказывал победу. Он потрясал горячей печенью священного ягненка и клялся Асархаддону в том, что к ногам его лягут жалкие воины Русы. А все вышло совсем не так. Что же ждет теперь Белушезиба? Что скажет разгневанный Асархаддон? Он расправится со своим полководцем: он предаст его смерти,

мучительной смерти. Белушезиб снова поднимается на вершину горы и осматривает зеленую долину, которая действительно превратилась в кладбище для ассирийского войска.

— Где же истина? — шепчет отчаявшийся полководец. — Боги обещали победу, а принесли поражение... Бартатуа, коварный скифский царь, обещал прислать свои полки, а сам угнал их на войну с киммерами...

Разве войско Асархаддона иссякло, стало трусливым, немощным? Разве плохи его отважные лучники и метальщики копий? Ими можно гордиться, это лучшее войско Востока. Нет, никто не скажет, что войско Асархаддона разучилось метать копья и прицеливаться смертельными стрелами. Все осталось в силе и мощи, только он, Белушезиб, поверил в чрезмерное свое могущество: пошел на сильного врага с небольшим войском. Надо было взять с собой все лучшие, отборные тысячи и растоптать копытами коней воинов Русы. А теперь уже поздно... Сейчас он вернется к Асархаддону с позором, зато впредь все полководцы Ассирии будут знать, как падо воевать с урартами, какое готовить для них войско. Пусть знают: урарты — могучий враг! Пусть узнает об этом и Асархаддон! Ведь говорил же он, что урарты сильны и злобы полны. И верно говорил: его осенили боги. Но почему же он тогда дал так мало войска? Почему боги отступились от Белушезиба? Нужно воздать щедрую жертву Шамашу, чтобы не гневался и простил его, жалкого воина.

Белушезиб собрал тысячников и приказал трубить отступление. Он велел всем спешить в сторону Ниневии.

— Идите, — сказал он, — не зная остановки, не зная привала, не зная ни минуты отдыха.

А тем временем Улусуна писал Русе:

«Царю, моему господину, — твой раб Улусуна. Да будет мир и благополучие над страной твоей, над землями твоими, над дворцами твоими! Сердце моего царя да будет довольным. Гонцы мои принесут тебе радостные вести о великой победе над войском ассирийским. Войско ассирийское, что шло на Тушпу с военачальником Белушезибом, мы победили, превратили в прах. Воинов их отважных, лучников и ловких копьеносцев, мы

умертвили и бросили на поле битвы. Две тысячи пленных воинов Асархаддона будут доставлены в твой город Тушпу. Будут они навеки рабами моего господина, на то воля богов наших!

Военачальник ассирийский Белушезиб в страхе бежал от моего оружия и на взмыленных конях своих умчался в Ниневию. Жалкие остатки его войска последовали за этим трусливым шакалом Ассирии».

По дороге в Тушпу потянулась вереница повозок с военной добычей. За ними брели пленные со связанными руками. Воинов, раненных в битве, несли на носилках, плетенных из стеблей растений.

Рапаг сделал носилки для своего друга. Бедному Габбу нельзя было даже подняться. Заботливый Рапаг ни на минуту не оставлял его в пути.

— Как я рад, что тебя медведь не съел! — шутил Габбу.

Слава о подвиге беглого раба разнеслась по всему войску. В каждой сотне говорили о Габбу. А люди из его сотни были особенно внимательны: они по очереди несли раненого Габбу через горы, через реки, пробирались через ущелья.

— Тебе почет большой, как царю! — пошутил как-то старый бородатый воин, обращаясь к Габбу. — На носилках прибудешь в свой дом. У них из драгоценного дерева с позолотой, а у тебя — из сухих стеблей.

— Да еще казны меньше, чем у царей, — ответил шуткой Габбу, разводя руками. — Нам что-нибудь дадут из добычи? — спросил он у старика.

— Немного положено! — посмеялся тот. — Наше дело — воевать да кровь проливать. Добычу будут делить царские чиновники... Или ты с неба свалился, порядка не знаешь?

— Я не знаю порядка, — признался Габбу. — Ведь я из рабов беглых, недавно бежал от цепей Асархаддона. Думал, на родной земле другая жизнь, а она такая же, как там... — И он протянул руку в сторону гор, за которыми была Ниневия.

— Чем же ты займешься на родной земле? — спросил старый воин.

— Дома буду строить, — ответил Габбу. — Вот стану

на ноги и снова буду камни тесать. Храм построим богу Тейшебе в честь нашей битвы. Отомстил я за отца своего, Нарагу! Жаль только мне старого Аплая. Если он жив, то тяжкая будет у него доля.

Старый воин спросил, кто такой Аплай, и Габбу охотно рассказал ему о замечательном мастере, о том, как Аплай послал его спасать землю отцов.

В Тейшебаини Аблиукну радостно встретил своего нового друга. Таннау целые дни проводил у постели раненого и подолгу слушал его рассказы о битве в горах, о жизни рабов в Ассирии. Мальчик удивлялся тому, что урарты, попавшие в рабство в Ассирию, терпят цепи Асархаддона и не бегут, как сделал это Габбу.

— У них нет Аплая, — ответил с грустью Габбу. — Ведь Аплай помог мне бежать. А теперь будет тяжелой его судьба: ему не простит Асархаддон, как только дойдет до него весть обо мне.

— Аблиукну говорил, что ты перехитрил Белушезиба? — спросил нерешительно Таннау. — Он тебе награду приготовил.

— Какую награду? — удивился Габбу. — За что награду? За битву?

Но тут мальчик вспомнил, что выдал секрет деда, и умолк.

Вскоре Аблиукну сам принес Габбу превосходный меч в ножнах. На блестящей бронзовой поверхности ножен была сделана тонкая чеканка — изображение битвы урартов с ассирийцами. Всадники и колесницы были совсем настоящие. Габбу восхищенно рассматривал меч.

— Это тебе награда за твои подвиги, — сказал Аблиукну, подавая Габбу меч.

— Я такой же воин, как и другие, — ответил Габбу, прижимая к сердцу подарок Аблиукну. — Я сделал все для спасения родной земли. Ведь я знаю, как ужасна жизнь раба...

— А я подумал о том, что ты отважный воин, — улыбнулся Аблиукну, — но никто не даст тебе награды. Царь Руса уже забыл о твоём подвиге, а военачальник Улусуна даже не дал тебе одежды новой за твои труды.

Вот как жадны цари и их приближенные! Пусть мой меч будет тебе наградой. Я от всего сердца дарю его тебе.

— Спасибо, Аблиукну! — сказал растроганный Габбу. — Век не забуду тебя, как не забуду Аплая и твоего внука Таннау. Вместе будем жить, вместе будем новый дом строить.

Рапаг с восхищением рассматривал подарок Аблиукну. Он никогда в жизни не видел такой тонкой работы и представления не имел о том, что есть на свете такие мастера.

— И ты будешь такие мечи ковать? — спросил Рапаг Таннау, занятого работой.

— Буду мечи ковать, — ответил Таннау. — Буду шлемы и щиты делать для воинов Урарту. Не хочу, чтобы враги пришли на нашу землю! Плохо, когда враги приходят и уводят в рабство.

Как только Габбу стал ходить и смог взяться за работу, киммер собрался в родные края, к синему морю. Как ни жаль было ему расставаться с Габбу, он все же решил выполнить завещание отца и дойти до родной земли. Когда настал час расставания, Аблиукну сообщил друзьям, что добрые боги не оставили юношу и представился ему случай пойти в дальние края с купцами, что везут в страну киммеров бронзовые слитки.

Прощаясь с киммером, Габбу крепко обнял юношу.

— Мы не клялись на мечах, как делают это цари, — сказал он, — а дружба наша крепка, как бронзовый щит: он не боится ударов меча. Будем же помнить друг друга! Помни Габбу, как не забуду я Рапага.

Юноша зарыдал.

— Мой добрый, мой мудрый Габбу! — шептал он сквозь слезы. — Как же мне расстаться с тобой? Мое сердце разрывается от горя... Вот я уйду и никогда больше не увижу тебя! Высокие горы скроют тебя от моих глаз...

— И мне горестно, — отвечал Габбу. — Я полюбил тебя, как брата. Я хотел бы не разлучаться с тобой. Но как быть? Ведь отец послал тебя в страну своих предков... У тебя хороший замысел, Рапаг. Если будешь мужественным и отважным, быть может поднимешь

киммеров и поведешь их на великую битву. Пусть задрожат цари Ассирии! Пусть отважные киммеры разорят их дворцы и храмы! Ты освободишь из рабства киммеров и заслужишь их вечную благодарность...

— Не только киммеров, — прервал его Рапаг. — И вратов освобожу, египтян и мидян. Всех рабов, что в цепях Асархаддона добывают ему богатство! Настанет час возмездия! Боги помогут нам!

— Я слышу святые слова! — воскликнул Аблиукну. Занятый своей работой, он не принимал участия в беседе друзей, но когда услышал разговор о возмездии царям, захотелось и ему сказать свое слово. — Постойте, друзья, — сказал он с таинственным видом. — Я вспомнил древнее сказание о восстании рабов в Египте. Его рассказал мне бедный Тутмос, старый ювелир из Египта. Он попал в рабство и потому постоянно вспоминал тех, кто, не боясь владык, поднялся против рабства и угнетения.

— Расскажи нам это сказание, — попросил Рапаг. — У нас еще свежи следы рабских цепей, мы их не забыли.

— Это было давно, — начал Аблиукну, — так давно, что не знают люди, было то или не было. Но что-то было в той далекой древности, если многие поколения людей хранили в своей памяти эти события. И вот говорят, что настал день, когда фараоны египетские были свергнуты простыми людьми. Кто был богат, кто спал на золотом ложе — тот очутился на голой земле. А кто всю жизнь гнул свою спину в ярме вола — тот надел прозрачные одежды, натерся благовониями и улегся на царском ложе. У кого не было и ягненка — появилось целое стадо. Ремесленник, всю жизнь проработавший на царя, стал знатным, а знатные стали пастухами.

— Вот какие были чудеса! — воскликнул восхищенный Габбу. — Слушай, Рапаг! Слушай и запоминай.

— Я слушаю про то чудо из чудес, — кивнул юноша с улыбкой. — Мне кажется, что я вижу Асархаддона, повергнутого ниц перед его рабами, в цепях и колодках.

— И вот, говорят, — продолжал Аблиукну, — будто настал день, когда все богатства страны попали в руки бедняков, а кнут надсмотрщика очутился в руках рабов.

Все перевернулось, все переменялось. И боги стали покровителями рабов...

— А кто же поднял тех рабов? — спросил Габбу. — Кто собрал их воедино?

— Вот этого Тутмос не знал, — ответил Аблиукну.

— А ведь были такие люди, — промолвил задумчиво Габбу.

— Я уйду на землю отцов и подниму киммеров против врагов наших. Киммеры будут свободны! — воскликнул Рапаг.

— Святое то слово — свобода! — ответил ему Габбу. — За это слово можно и жизнь отдать.

Рапаг простился со всеми и ушел. И долго еще слышалось в горах:

— Прощай, Габбу!

— Прощай, Рапаг!

* * *

Весть о победе урартов и гибели войска Асархаддона быстро разлетелась по городам и селениям Урарту. Из уст в уста передавалась молва о беглом рабе Габбу, который заманил ассирийское войско в непроходимые горы и устроил ему ловушку. О нем слагали легенды, о нем рассказывали чудеса. Говорили, будто Габбу своими руками уничтожил несколько сот ассирийцев и захватил богатую добычу.

Узнал о подвигах Габбу и лазутчик Асархаддона Белиддин — он попрежнему рыскал по городам и селениям Урарту, — и до него дошла весть о том, что раб, перехитривший ассирийского полководца, бежал из Ниневии. Этого раба звали Габбу, и о нем рассказывали, будто храбростью своей он всех превзошел.

«Значит, не только силой и могуществом своим победили урарты, — думал лазутчик. — Хитростью раба воспользовались! Так вот кто был чернобородый воин в красной рубахе! Потому он так смело говорил о походе Асархаддона. Он все знал, этот жалкий раб. Теперь не избежать мне гнева Асархаддона. И все же надо сообщить царю. Если не сообщишь, еще хуже будет. О, жалкая судьба лазутчика! Служи, как верный пес, а жди только кары. Вот вернусь — и жизни конец».

Белиддин должен был сообщить Асархаддону необычайную новость.

«Вот что может сделать беглый раб, — писал он в своем донесении. — Он может выдать тайны твоего дворца, сокровенные мысли царя, моего господина. Пусть зорче охраняют рабов охранники и надсмотрщики. Пусть не будет пощады им. . .»

* * *

Страшен был гнев Асархаддона, когда бесславно вернулось войско Белушезиба. Царь не пожелал слушать объяснений полководца, он приказал заковать его в колодки и спустить в глубокую яму, где сгнило немало людей, посаженных туда царями Ассирии.

Снова закрылся в своей библиотеке Асархаддон, снова диктовал писцу запросы богу Шамашу. Приказал готовить щедрые жертвы разгневанному божеству.

Тщетно валялся у ног царя верховный жрец Шумукин: гнев Асархаддона был страшен. И даже Шумукину нельзя было добиться его милости.

В то утро, когда грозный Асархаддон запрашивал бога Шамаша о том, какие еще бедствия грозят ему и его царству, прибыло послание Белиддина. Только сейчас Асархаддон узнал о беглом рабе Габбу, который сумел перехитрить испытанного в боях полководца Белушезиба.

Тотчас же к ногам царя был брошен начальник рабов Набули.

— О ты, жалкий пес! — воскликнул Асархаддон. — Так ли служат царям Ассирии? Так ли охраняют рабов? Есть ли такая кара, которая была бы достойна твоей дурной головы? Тебя растерзают голодные псы! Твои кости будут брошены шакалам!

Набули ломал руки в горестном отчаянии.

— Сжался, царь, мой господин! — молил он. — Я служил тебе верой и правдой. Все рабы беглые были пойманы, всем были отрублены головы, и тела их были брошены собакам. Лишь один беглый раб, каменотес Габбу, смог скрыться. Этот ничтожный раб был отдан Шумукину, и работал он вместе с твоим старым рабом Аплаем.

— Почему же вы не поймали раба? — кричал Асархаддон. — Где вы искали его? Вы искали его на дорогах, а он бежал через горы и устроил ловушку моему полководцу. О, милостивые боги, что делать с тобой? Как испепелить тебя?

— Я охраняю рабов, я наказываю их нещадно... — лепетал Набули.

— Почему я не знал об этом Габбу, когда он был моим рабом? — спрашивал царь. — Почему его хитрость не пошла на пользу царям Ассирии?

— Это был ничтожный раб, — отвечал Набули, дрожа от страха. — Он не проявлял ни ума, ни хитрости. Простой каменотес. Он ничем не отличался от других рабов. Как можно было его распознать?

— И ты смеешь говорить, что он ничем не отличался от других рабов, когда он хитростью победил отважного Белушезиба? Дайте ему двести плетей, чтобы прояснилась его гнилая голова! — приказал царь, указывая кончиком башмака на лежащего у трона Набули.

Крепкие руки схватили Набули, закрутили его веревками и потащили из дворца, как тащат быка, обреченного на жертву богу Шамашу.

— Вели сжечь Аплая! — кричал Набули в оправдание. — Это он помог Габбу бежать из Ниневии.

Но его уже никто не слушал. Теперь разгневанный царь приказал позвать Шумукина.

В то время, когда дрожащий от страха Шумукин повалился к ногам грозного царя, у дворцовой стены собрался народ. С любопытством смотрели люди на расправу с коварным Набули. Каменотесы, стоявшие на крыше дворца, отлично видели, как был отомщен их враг.

— А завтра будет другой, — сказал возница из маннеев, сваливая у стены глыбы белого камня. — Ведь не один Набули у царей Ассирии! А знаете ли вы, за что он наказан? — спросил он многозначительно. И рассказал удивительную новость, которую сообщил ему раб, прислуживающий на кухне царя.

— Габбу перехитрил Белушезиба? Возможно ли это? Урарты победили ассирийцев? Возможно ли это?

Ха! Ха! Ха!... — слышалось со всех сторон. Радость обуюла этих несчастных, обездоленных людей.

— Подумайте, раб Габбу, наш Габбу устроил им ловушку! Надо сообщить об этом Аплаю, он работает в храме Шамаша. Как бы это сделать? Такую радость надо скорее донести до старика.

— Я скажу ему, — предложил молодой киммер, знавший и Габбу и старика Аплая.

Юноша побежал к храму, стараясь не попадаться на глаза охранникам. В храме было пусто, и только у бронзовой статуи Шамаша стоял, согнувшись, Аплай. Старик так ослаб от непосильной работы, что едва держался на ногах. Он уже много дней не покидал этого места, потому что не в силах был дойти до своей хижины. Когда Шумукин приходил и спрашивал, где раб, присланный ему для помощи, он говорил, что раб послан за глиной или готовит литье. Работа заметно ускорилась. Аплай сам удивлялся тому, откуда взялись у него силы так работать. Он совсем не спал и долгие ночи все трудился и трудился. Одна мысль тревожила его: узнает ли он о победе урартов? Узнает ли о том, что Габбу выполнил свой долг? А может быть, Габбу погиб в горах? Прошло так много времени... Старик казалось, что прошли годы с тех пор, как он расстался с Габбу. «Еще немного терпения», — говорил сам себе Аплай.

Но почему не приходит к нему разъяренный Шумукин? Почему не угрожает мучительной смертью за бегство Габбу? Возможно ли, что он так и не узнал о бегстве раба? Поистине боги милостивы!

В это утро Аплай совсем обессилел. Он должен был обивать окалину бронзовым молотком, а молоток то и дело выпадал из его рук. Вдруг старик услышал легкие шаги и голос юноши:

— Большие вести, Аплай!

— Какие? — спросил, волнуясь, старик. — Говори скорее!

— Говорят, что Габбу бежал в Урарту и вместе с войском урартским пошел на ассирийцев! — выпалил юноша. — Да еще, говорят, перехитрил ассирийцев: забрался в их лагерь и повел Белушезиба прямо к урартам. Устроил ловушку.

Старик словно окаменел от радости. Так вот он, этот счастливый миг!

— Говори, что еще знаешь, — попросил он, но тут же покачнулся и упал, сжимая в руках бронзовый молоток.

Юноша в страхе убежал.

А когда разъяренный Шумукин пришел в храм, чтобы предать раба мучительной смерти, он увидел: у ног великого Шамаша лежал мертвый раб. На его измученном, морщинистом лице застыла торжествующая улыбка, а в руках он крепко сжимал бронзовый молоток.

Верховному жрецу храма Шамаша показалось, что мертвый раб смеется над ним и угрожает ему молотком... Ему почудился звон цепей, слышались стоны рабов. Шумукин в страхе попятился назад и, как безумный, бросился бежать. Он бежал и падал, а стоны догоняли его, и жрецу казалось, что не только Аплай угрожает ему бронзовым молотком, но и все замученные Асархаддоном рабы поднимаются из могил, чтобы отомстить за свои страдания.

Звон цепей и стоны долго преследовали Шумукина. И среди них отчетливо слышался голос Аплая:

«Поднимайтесь, рабы Ассирии! Мстите за себя!»

О чем рассказали камни

(Послесловие)

Герои нашей повести, люди древнего царства Урарту, жили на землях Закавказья две тысячи семьсот лет назад. Давно забыты человечеством эти далекие времена. Затерялась в веках богатая событиями история древнего царства Урарту. И все же мы узнали о людях этого далекого прошлого: мы нашли прекрасную летопись их истории. Это не обыкновенная летопись. Она не записана в книгах, ее не найдешь в древних папирусах: она запечатлена на камнях, на обломках чудесной керамики, на бронзовых шлемах, на сверкающих золотистым лаком пиршественных чашах, на развалинах дворцов и крепостей. Эту летопись нашли археологи. Они помогли вписать утерянные страницы истории и восстановить память о наших далеких предках, которые внесли свой большой вклад в развитие человеческой культуры.

Урарту — древнейшее рабовладельческое государство на территории нашей страны. Оно возникло в середине

IX века до нашей эры, около трех тысяч лет назад. Центром Урарту был город Тушпа, построенный на берегу озера Ван. Поэтому царство Урарту историки нередко называют Ванским царством.

Урарты жили в богатой горной стране. В горах они добывали железо, медь, серебро, строительный камень. По склонам гор пасли скот. В долинах, на плодородных землях, занимались земледелием и садоводством.

Богатым было царство Урарту, но это было рабовладельческое государство. На смену первобытно-общинному строю, который прежде господствовал там, пришел рабовладельческий строй. Тяжко жилось в Урарту простым людям. Все богатства страны принадлежали царю и рабовладельцам. У рабов не было ни земли, ни своего хозяйства. Рабы проводили каналы, рабы строили крепости, рабы возводили дворцы.

Цари Урарту совершали многочисленные грабительские походы на соседние государства. В интересах рабовладельцев они расширяли свою территорию, уводили рабов, увозили богатую добычу. Жители покоренных земель платили урартским царям дань, несли воинские, строительные и другие повинности. На юге царство Урарту граничило с могущественным рабовладельческим государством древнего Востока — Ассирией.

Ассирийские цари не раз пытались поработить урартов, обложить их данью, увести рабов, но им не удавалось уничтожить сильную страну. В начале VIII века до нашей эры Урарту стало опасным соперником Ассирии и заняло ведущее место среди крупнейших государств Передней Азии.

Около двух веков, с начала VIII века и до начала VI века до нашей эры, южная часть Закавказья входила в состав Урартского царства. Это было время бурного строительства. Многочисленные надписи на камнях и на скалах, сохранившиеся на терри-

тории Армении до наших дней, говорят о постройке крепостей и храмов, о разведении садов и виноградников, о сооружении мощных оросительных каналов.

В VI веке до нашей эры древнее царство Урарту перестало существовать и было забыто. В истории древнего Востока почти не было страниц, посвященных этому государству.

Эту историю восстановили советские ученые.

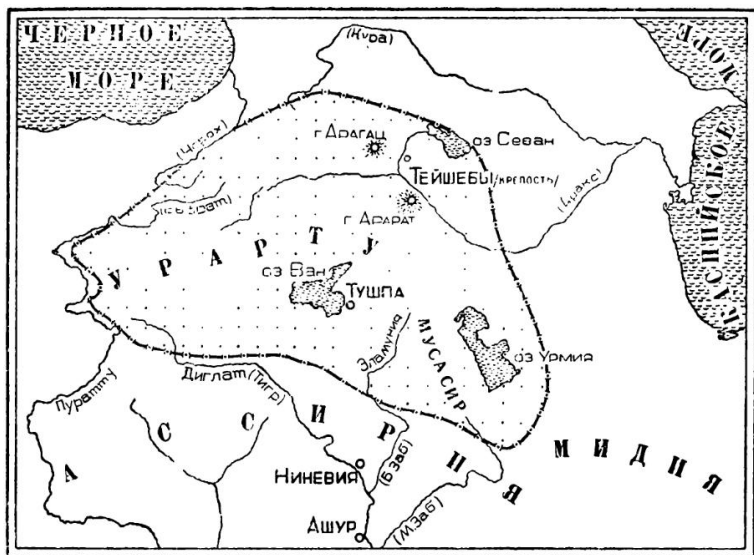
Наши археологи, историки, востоковеды тщательно и бережно, по крупицам собирали материалы, связанные с историей Урарту.

Сколько труда, сколько терпения, сколько знаний потребовалось, для того чтобы собрать воедино весь обширный, разбросанный в веках материал! Как трудно было обобщить его в стройную, последовательную летопись, которая бы правдиво отобразила те далекие времена!

Для того чтобы понять, как почетен, как нужен и увлекателен труд археологов, для того чтобы узнать, как ученые прочли эту удивительную летопись на камнях, надо ознакомиться с исследованиями археологической экспедиции, работающей под руководством советского ученого Б. Б. Пиотровского.

На окраине Еревана, на берегу горной реки Раздан (в древности Ильдаруни), сохранились развалины древней крепости Тейшебы, построенной на холме Кармир-блур в VII веке до нашей эры. Еще совсем недавно о ней ничего не знали. Но вот случилось так, что на берегу реки проводил работы по изучению базальтов геолог А. П. Демехин. Он обратил внимание на обломки камня с остатками пяти строк клинообразной надписи. А. П. Демехин доставил этот камень в исторический музей Еревана, и там ученые прочли имя царя Русы, сына Аргишти, правившего страной Урарту в VII веке до нашей эры. Археологи высказали предположение, что

на холме Кармир-блур сохранились развалины древнего замка, построенного царем Русой. В 1939 году Армянский филиал Академии наук СССР вместе с Государственным Эрмитажем начали раскопки, и предсказание ученых вскоре оправдалось. Были найдены великолепные памятники древней культуры Урарту.

Когда экспедиция Б. Б. Пиотровского начинала раскопки Кармир-блур, о древнем царстве Урарту знали очень мало. Было только известно, что урарты вели войны с ассирийцами, мидянами, скифами и киммерийцами. Были сведения о том, что не раз враги уничтожали города Урарту и что сами урарты не раз покоряли чужие земли и завоевывали новые области. Клинописные тексты рассказали ученым о цветущих городах Урарту, о богатствах их дворцов и храмов. А вот о том, как жили простые люди этой страны, как трудились и создавали богатства для царей строители, ремесленники, землепашцы, — этого история не знала. Об этом не было написано ни на базальтовых скалах, ни на глиняных табличках, сохранившихся в развалинах дворцов.

По мере ведения раскопок перед археологами

раскрывалась картина жизни и быта древних урартов. Вот развалины города Тейшебаини, раскинувшегося у подножия холма Кармир-блур. Стоит пройти среди руин древнего города, чтобы увидеть, как разумно он был построен. Это не случайное нагромождение жилищ: Тейшебаини построен по плану. Вдоль прямых, широких улиц видны фундаменты больших каменных

домов. Каждый дом предназначался для нескольких семей, и потому сохранились остатки нескольких калиток, ведущих в жилище каждой семьи. Пройдемте в такую калитку. Вот крошечный дворик, в глубине его — порог дома, а рядом — высокий камень с отверстием. Зачем это отверстие? Видимо, здесь привязывали собаку. Это несомненно, потому что около камня стоит разбитая каменная кормушка... Каменный пол комнаты сохранился, отчетливо видны следы очага, вокруг него разбросаны обломки мисок и кувшинов из красной глины. Здесь же валяются кости домашних животных.

Люди, жившие здесь, не имели своего хозяйства, поэтому нет кладовых для припасов, нет скотного двора, не найдено даже ям для хранения зерна. Здесь жили ремесленники и воины, которые получали готовое довольствие из запасов дворца. Вот почему так мал дворик и так узка калитка, что в нее не пройдет ни лошадь, ни корова.

Но если в домах не было найдено следов собственного хозяйства, то обнаружено множество различных изделий ремесленников. Тут превосходная глиняная посуда, сделанная местными гончарами, же-

лезные ножи, серпы и вилы. В одном доме нашли створу каменной формы для отливки бронзового топора — секиры. Здесь жили ткачи, пивовары, виноделы, медники, литейщики, строители. Все они трудились для дворца. По широкой улице, которая ведет из города Тейшебаини к дворцу наместника, во времена урартов каждое утро шли сотни тружеников.

Когда-то крепость города Тейшебаини возвышалась на холме, вблизи быстрой горной реки Ильдаруни. Далеко были видны светлые зубчатые стены крепости и базальтовые сторожевые башенки. С высоты этих башен при помощи сигналов факелами устанавливали связь с соседними крепостями.

На берегу Аракса высилась могучая крепость Аргистихинили, а с другой стороны была отчетливо видна крепость города Ирпуни.

За высокими стенами крепости Тейшебы находился дворец наместника урартского царя. Это было громадное сооружение, имеющее сто двадцать помещений. Его создали искусные строители, и через две тысячи семьсот лет можно удивляться толстым, крепким стенам дворца, превосходной штукатурке, стенной росписи, которой были украшены комнаты дворца, и отличной обработке базальтовых плит.

Уже много лет ведутся раскопки дворца на холме Кармир-блур. Но пока еще раскопано только сорок помещений, главным образом хозяйственных. Находки, сделанные в кладовых и винных погребах дворца, помогли узнать экономику Тейшебаини. В кладовых хранилась богатая дань, взятая у земледельцев и пастухов. В громадных глиняных сосудах найдены тысячи килограммов пшеницы, проса, ячменя и кунжута. Зерно почернело от времени, но отлично сохранилось. Здесь же стояли сосуды, в которых приготавливали пиво из ячменя. Раскопано большое помещение, где кунжут перерабатывался на масло.

Оказывается, древние маслоделы Урарту делали масло точно так же, как спустя две тысячи лет их потомки в закавказских деревнях.

В одном из помещений дворца была найдена большая ванна, высеченная из куска туфа. В ней размачи-

вались зерна. Каменный жолоб рядом с ванной служил для отвода отработанной воды. Можно предполагать, что в соседней комнате стоял деревянный пресс для выжимания масла. Судя по кускам обгоревших жмыхов и обгоревшему дереву, пресс сгорел во время пожара. При этом все помещения маслодельни очень пострадали: глиняные стены так накалились, что приобрели красный цвет. Кирпичные стены крепости осыпались и придали красный оттенок всей поверхности холма. Вот почему его современное название Кармир-блур: по-армянски это означает «красный холм».

Урартская маслодельня свидетельствует о том, как хорошо было организовано хозяйство дворца, как разумно использовалась даровая рабочая сила. Ничего не должно было пропасть в царских хранилищах, из всего надо было извлечь пользу.

Много было рабов у царя, но и свободные ремесленники мало чем отличались от них. За свой труд они получали настолько мало, что могли жить только в убогих жилищах и одеваться в грубые ткани. Зато царь и дворцовая знать владели всем. Царю и знати принадлежали поля и виноградники, тучные стада и бронзовая руда, которую добывали в горах Урарту. Для царского дворца трудились виноградари и виноделы, ткачи и рудопы.

Среди хозяйственных помещений дворца внимание ученых привлекли превосходные винные подвалы. Когда были извлечены тонны земли, перед археологами предстала великолепная винная кладовая, где в четыре ряда стояли целые глиняные сосуды. Они так хорошо сохранились, что казалось, будто эта кладовая покинута совсем недавно.

Трудно было представить, что этим карасам свыше двух с половиной тысяч лет.

Археологи решили заглянуть внутрь карасов. Это было не легко: все сосуды оказались заполненными землей. Стали осторожно ее извлекать, и вот в одном из крайних карасов маленькая лопатка стукнулась о металл. Теперь нужно тихонько выгребать землю, чтобы не повредить какой-то неведомый предмет. В глубине караса лежали бронзовые чаши. Они были покрыты тол-

стым слоем зеленой окиси, под которой скрывалась едва обозначенная клинопись древнего мастера.

Стали копать дальше. Под верхними, зелеными чашами лежали сверкающие бронзовые чаши, совсем не тронутые временем. Девяносто семь пиршественных чаш! Время не оставило своих следов на искусной работе урартских мастеров. Каждая чаша имеет свою клинопись, говорящую о том, какому царю она принадлежала. Каждая чаша обладает своим особенным, серебристым звоном. Если поставить эти чаши рядом и ударять по ним деревянной палочкой, получается какой-то своеобразный музыкальный инструмент: каждая чаша имеет свой голос. Это очень ценили суеверные урарты.

В те далекие времена люди верили в злых духов и думали, что звон чаш отгоняет их.

На Кармир-блуре раскопали сто пятьдесят два караса емкостью около ста шестидесяти тысяч литров. Вот сколько вина хранилось в двух винных кладовых дворца! Какие же здесь были виноградники? Не возли же из дальних мест такое громадное количество вина!

И на этот вопрос ответили ученые. Вокруг города Тейшебаини были прекрасные виноградники. Они орошались водами реки Ильдаруни.

С высоты Кармир-блур отчетливо виден тоннель, пробитый в базальтовой скале. Это часть подземного канала, который был построен при царе Русе, сыне Аргишти. Канал этот, берущий свое начало у реки Ильдаруни, протянулся на двадцать два километра. Часть его проходит под землей в базальтовой скале и выносит воду реки в соседнюю безводную долину. Уже более двух тысяч шестисот лет существует этот канал, и, как в далекой древности, он и сейчас орошает сады и виноградники Армении. Вы можете пройти вдоль этого древнего канала, созданного замечательными строителями Урарту. По обе стороны его раскинулись цветущие виноградники. Здесь выращивают лучшие сорта винограда, которыми гордятся колхозники Советской Армении.

Неподалеку от этих виноградников, среди развалин

древнего храма, была найдена базальтовая плита с клинописью урартского царя Русы, сына Аргишти. На ней есть такие строки:

«... в долине страны Кутурлини обработанной земли не существовало. По приказу бога Халда я этот виноградник развел, поля с посевами, плодовые сады кругом устроил я там, города я ими окружил. Канал из реки Ильдаруни я провел...»

Этот канал пробит в крепчайших скалах киркой урартских строителей. Ведь, кроме кирки и молота, урартские каменотесы не имели ничего. Сколько же надо было искусства, мастерства и терпения, чтобы так тщательно, на века, сделать эту сложную работу! И как не гордиться такими предками!

Медленно, с большим трудом раскрывается перед учеными картина далекого прошлого. Каждая находка становится страницей истории. И не только сама находка, но и место нахождения вещи и то, как она лежала, как выглядела, — все важно и значительно для археологов.

Много нужно труда и терпения. Бывало и так, что на протяжении целого лета работы исследователей казались бесплодными, археологи ничего не находили и все же продолжали копать и тщательно просматривали каждую горсть земли, чтобы не затерялась и бусина величиной с булавочную головку.

Знойное лето проходит для археологов в тяжком труде. Солнце жжет немилосердно, на холме все пышет жаром. Но работа так увлекательна, так захватывает, что никто из участников экспедиции не замечает трудностей. Особенно интересно бывает в тот момент, когда археолог что-то нащупал. Еще неизвестно, что найдено: может быть, это какая-нибудь хрупкая вещь, которая мигом превратится в прах...

Вот появились обломки обгоревшей ивовой корзинки — ее собирают так аккуратно, точно это какая-то драгоценность. А дальше извлечен обгоревший кусок шерстяной ткани — это еще более ценная вещь для археолога. Эту ткань уложат рядом с мотками обгоревшей шерсти, с куском ворсистой, как бархат, материи и веретеном. Постепенно раскроются приемы древнего тка-

чества, о которых мы знаем только по ассирийским клинописям. В тексте ассирийского царя Саргона, среди перечислений захваченной в Урарту добычи, указано, что воины Саргона увезли из царского дворца Урсы одежды пестрые, алые и пурпурные из шерсти и льна, а также драгоценные ткани с нашивками из золотых звезд.

Археолог копает, под его маленькой лопаткой вдруг оказался какой-то твердый предмет. Он осторожно, едва касаясь земли, выкапывает его: это бронзовый венчик из листьев. Копают дальше. Вот бронзовый обруч, а затем втулка. Когда положили все рядом, то увидели, что это бронзовые части ножки от стула. Дерево сгорело, а бронза сохранилась. Если бы эти находки унесли сразу же, по частям, то так бы и не узнали, какие были нарядные стулья во дворце.

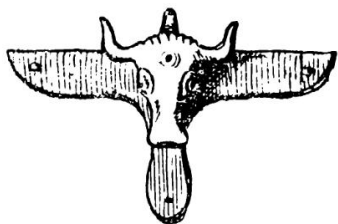
Вот в руках археолога бронзовый шлем. О чем он расскажет? Нужно ознакомиться с описанием таких шлемов в древних летописях, собранных востоковедами, обратиться к специалисту по чтению клинописей и знатоку древней истории. Он расшифрует посвятельную надпись, сделанную клинописью на этом шлеме.

И тогда археологу станет ясно, когда сделан этот шлем и кому он принадлежал. На шлеме — тончайшие изображения, целая картина. Он украшен одиннадцатью священными деревьями. По обе стороны каждого дерева стоят боги. Одни из них бородатые, с крыльями за спиной, они назывались керубами. Их изображения часто встречаются на рельефах в ассирийских дворцах. Другие боги — безбородые, их изображения встречаются на росписях в урартских дворцах.

Все одиннадцать священных деревьев обрамлены изображением змей с львиными головами. Это магическая защита от злых сил. Но это еще не все: на шлеме видны также боевые урартские колесницы и всадники.

И вот ученые узнали о верованиях древних урартов, о суеверии, познакомились с военной техникой, с вооружением и одеждой воинов.

Находки, сделанные на развалинах крепости, рассказали нам и о культурных связях Урарту с другими странами древнего Востока.

В разных помещениях дворца было найдено большое количество

бус. Здесь и шлифованные сердолики, и бочонковидные бусы из сардоникса, и черные агаты, и узорчатые бусы из египетской пасты. В одной из комнат дворца как-то была раскопана берестяная коробочка; в ней хранилось ожерелье, а также урартские подвесные печати и бронзовый амулет с текстом молитвы. Печати из камня и фаянса говорили о связи урартов с Ассирией. Такие печати, с изображением сказочных четвероногих существ, были в свое время найдены при раскопках ассирийских городов. Другие находки свидетельствуют о связи Урарту со странами Средней Азии, Египта и Средиземноморья. Золотые серьги, украшенные зернью, были привезены из Средиземноморья; из Египта была доставлена в город Тейшебаини небольшая фаянсовая подвеска с изображением богини.

Находки на развалинах дворца позволили узнать и название города и время гибели крепости Тейшебаини. В одной из кладовых дворца был найден бронзовый запор с клинообразной надписью: «Русы, сына Аргишти, крепость города Тейшебаини». Тейшеба — урартский бог войны и бури, именем Тейшебы и назван город.

Как-то расчищали очаг. Рядом с сосудами, наполненными зерном, лежали дрова со следами рубки топором. Под дровами — сухая трава, а в ней пучок крошечных полевых цветов, которые обычно цветут на полях Армении в первой половине августа. Эти иссохшие цветы рассказали о времени гибели крепости.

Ученые разгадали и причину гибели Тейшебаини в ту далекую августовскую ночь.

Находки говорят о том, что жители Тейшебаини заранее подготовились к обороне крепости.

За стенами крепости искали защиты люди из города. Они построили себе временные жилища из тростника, хвороста и глины.

У маленьких очагов стояли сосуды с зерном, зерно-терки, кувшины с водой и маслом. Тут же были свалены одежда, предметы украшения, а также вооружение воинов.

Центральные — восточные — ворота крепости хорошо охранялись и были недоступны врагу. Люди мирно спали.

И вот ночью, когда они меньше всего ждали нападения, у западных ворот, со стороны реки Ильдаруни, появились враги. Они уверенно шли к той части крепости, которая была плохо защищена, и засыпали ее градом стрел.

Стрелы вонзались в глиняную обмазку стен, разили воинов, проникали за высокую зубчатую стену. Враги ворвались в крепость и стали поджигать ее зажигательными стрелами. Прежде всего загорелись легкие строения из тростника. Они так быстро сгорели, что люди, находящиеся в них, не успели спастись — они задохнулись в дыму.

Ужас и смятение охватили людей. А огонь разливался, как быстрая река, и вскоре загорелись все постройки крепости...

Среди обломков деревянных строений найдены обугленные скелеты коров и овец. Вместе с костями одной коровы нашли обгоревший желудок; в нем сохранилось семечко от арбуза. По всей вероятности, корова ела арбуз незадолго до пожара. Если бы не сохранился обгоревший желудок коровы, мы бы не узнали о том, что земледельцы древнего Урарту выращивали арбузы.

Зерна гороха, бобов, семечки яблок, косточки слив и персиков, найденные среди сосудов в хозяйственных помещениях, также помогли узнать, какие плоды и злаки возделывали урартские земледельцы.

Пользуясь пожаром и паникой, враги пытались захватить богатую добычу. Они разрушили жертвенник, разбили глиняных богов и жертвенные сосуды. Они искали ценности, но не нашли их. Сторожа кладовой

припрятали ценные вещи в карасы для себя. Таким образом сохранились до наших дней бронзовые чаши, шлемы и щиты.

Цитадель города Тейшебаини — центр урартской власти в Закавказье — погибла в начале VI века до нашей эры.

Высокая культура Урарту, одного из крупнейших государств Передней Азии, оставила свои следы в истории культуры народов Закавказья.

В предместьях Еревана сохранились развалины древних храмов, созданных в первых веках нашей эры. Их прекрасная архитектура свидетельствует о высоком мастерстве строителей.

Такое искусство родилось потому, что за тысячу лет до того, как были построены эти храмы, существовали умелые резчики Урарту.

Из века в век, словно по эстафете, передавалось чудесное мастерство. Эта эстафета дошла до нас, еще более обогащенная творчеством последующих поколений.

Искусство современных архитекторов и строителей, литейщиков и ткачей ушло далеко вперед, но в этом есть и частица труда древних мастеров Урарту.

Не сразу поддается расшифровке своеобразная летопись, записанная на камнях, скалах, развалинах древних городов. Много нужно терпения и знаний, чтобы правильно ее прочесть.

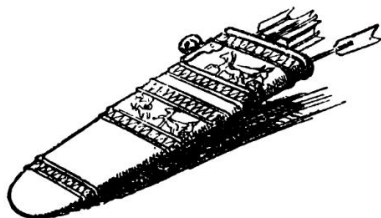
В 1936 году, когда был найден первый обломок урартской клинописи на Кармир-блуре, мы имели смутное представление о древнейшем рабовладельческом государстве на территории нашей родины.

Сейчас мы уже можем прочесть обстоятельную историю древнего царства, изложенную в научном труде Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту». За этот труд советский ученый удостоен Сталинской премии.

Мы можем прочесть множество клинописных текстов, связанных с историей Урарту, заботливо переведенных советскими ассириологами. Мы можем увидеть в музеях Москвы, Еревана, Тбилиси и Ленинграда замечательные памятники культуры древнего царства Урарту.

Советская историческая наука за короткий срок смогла восстановить забытую историю народа, который создал свою самобытную высокую культуру, унаследованную народами Закавказья.

Ученые продолжают свою работу. Сколько еще неизвестных страниц истории раскроется перед нами, страниц, которые воскресят далекое прошлое нашей родины!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гадание Асархаддона	3
Узы дружбы и цепи рабства	15
В городе Тейшебаини	29
Сговор царей	37
Канал плодородия	45
Аблиукну жив!	54
Габбу, у тебя есть родина!	75
Защитим земли наши!	117
О чем рассказали камни	138

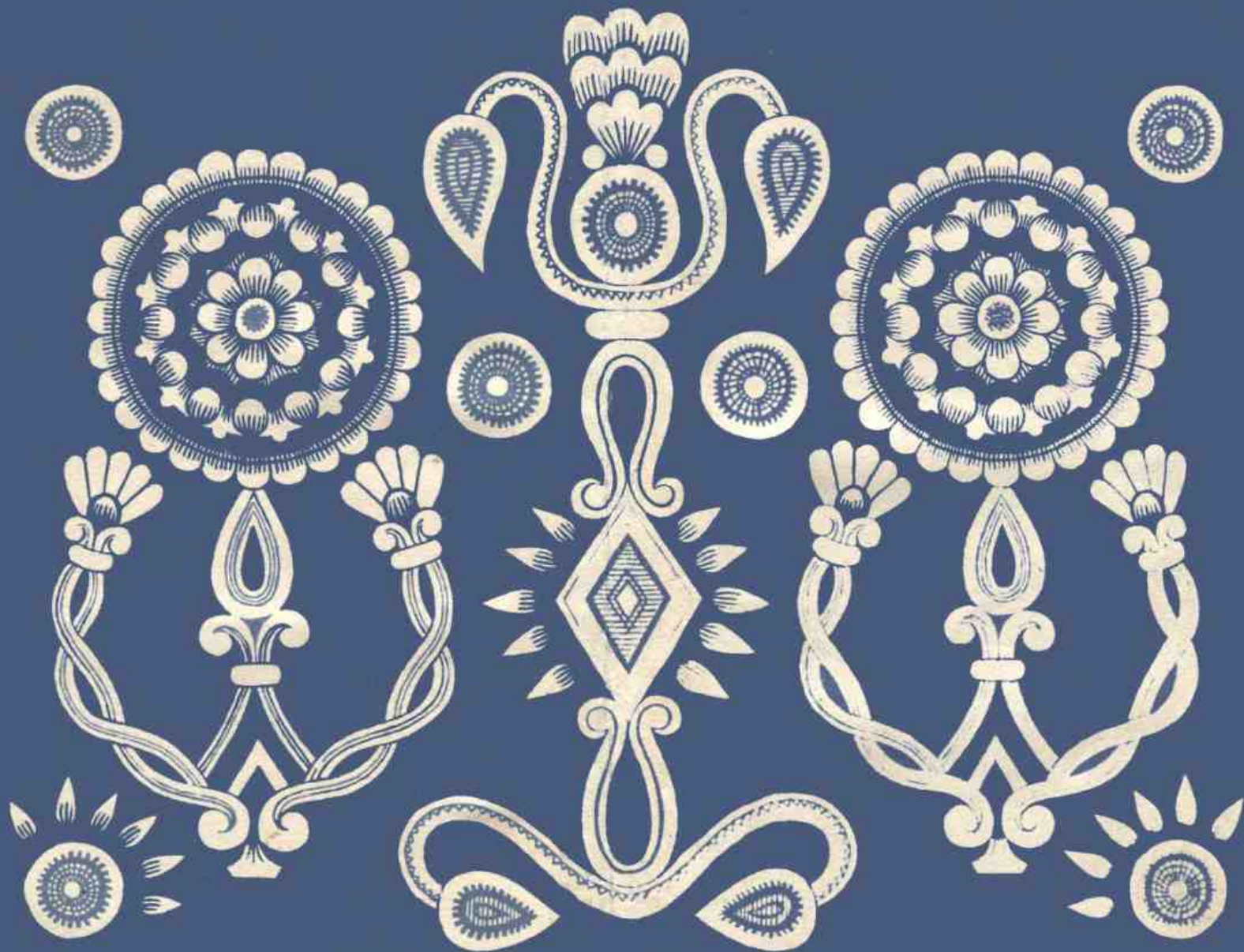
Оформление И. Бекетова

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Г. Гоухберг. Художественный редактор
П. Суворов. Технический редактор В. Колганов. Корректоры
Б. Третьяченко и Е. Трушковская.

Сдано в набор 14/II 1953 г. Подписано к печати 2/VI 1953 г. Формат 84 × 108¹/₃₂.
2,38 бум. л. = 7,8 печ. л. (7,35 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз.
A03125. Цена 3 р. 20 к. Заказ № 270.

2-я ф-ка детской книги Детгиза Министерства Просвещения РСФСР.
Ленинград, 2-я Советская, 7.

Цена 3 р. 20 к.

ДЕТГИЗ 1953